

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ МАРКСИСТСКО- ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Сборник научных трудов

СВЕРДЛОВСК ● 1990

ББК А 518.15
П 783

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Уральского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. А. М. Горького

Прогностическая функция марксистско-ленинской философии:
Сб. науч. тр. Свердловск: УрГУ, 1990. 136 с.

В межвузовском сборнике исследуется прогностическая функция марксистско-ленинской философии как форма связи теории с жизнью. Рассмотрены философско-методологические основания социального предвидения и дан философско-методологический анализ путей научного познания.

Редакционная коллегия: **В. В. Ким** (Уральский университет), **И. Я. Лойфман** (Уральский университет) — отв. редактор, **И. И. Субботин** (Уральский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта)

Философское предвидение: методологические аспекты

«Мы не стремимся,— писал К. Маркс,— догматически предвосхитить будущее, а желаем только посредством критики старого мира найти новый мир»¹. Найти новое посредством критики старого и на основе их закономерной связи — задача научного предвидения. В социальной философии марксизма-ленинизма как теории и методологии реального гуманизма научным основанием предвидения служит формационная концепция общественного развития, закономерного движения человечества ко все более совершенным формам общественной жизни, направленным на развитие и самореализацию человека, на его защиту от социального отчуждения. Предвидимое будущее — это человек как свободная индивидуальность в системе социального равенства, такой тип отношений человека к человеку, при котором свободное развитие каждого является условием свободного развития всех. Именно социалистическое общество, то есть общество, основанное на началах коллективизма, при всей противоречивости его исторического пути создает реальные условия для гармонического сочетания интересов личности и общества, для развития богатства человеческой природы и превращения человека в подлинного субъекта истории.

Обосновывая принципиальный образ предвидимого будущего и программу практического построения нового мира, В. И. Ленин писал: «Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути»². В. И. Ленин отмечал также: «Дать характеристику социализма мы не можем, каков социализм будет, когда достигнет готовых форм,— мы этого не знаем, этого сказать не можем»³. В марксистско-ленинской методологии перспективы человека и человечества во всех сферах жизни — экономической, социальной, политической и духовной — связываются с творческой инициативой субъекта исторического действия, с разнообразием в обществе интересов, взглядов, позиций, форм организации, ибо их взаимодействие и их соревнование — источник жизненности и движения от низшего к высшему. Новое рождается в борьбе, причем специфическим отражением этой борьбы и ее орудием является предвидение, как научное, так и утопическое⁴.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 379.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 116.

³ Там же. Т. 36. С. 65.

⁴ См., в частности: Файнбург З. И. Прогностическое содержание социальных утопий: опыт постановки проблемы // Вопросы методологии и методики социального прогнозирования. Красноярск, 1983.

Вообще говоря, предвидение — это идеальная актуализация потенциального, отражение субъектом объективно-возможных явлений, основанное на знании меры явлений⁵. Соответственно предметной специфике философии философское предвидение есть отражение объективно-возможных отношений человека, субъекта, сознания к миру, объекту, материи, включая возможности организации, функционирования и развития отношений личности и общества. Следует подчеркнуть, что в марксистском понимании философская концепция личности есть концепция личности в ее отношении к обществу, равно как и философская концепция общества есть концепция общества в его отношении к личности. Закономерная связь субъекта и объекта, развернутая структурно, функционально и исторически — исходный пункт философского предвидения.

Ограничной формой актуализации потенциального в философском предвидении является идеал, в котором воплощается желаемый и должный образ общественной и личной жизни (идеал общества и идеал личности). Такие атрибутивные характеристики субъективных образов объективного мира, как предметность, оперативность, оценочность, для идеала весьма специфичны. Идеал жизни призван ответить на фундаментальные вопросы бытия человека в мире: зачем жить, для чего жить, как жить. Он призван служить образцом, целью и средством деятельности. Не случайно идеал, которому человек следует в своей жизни, сравнивают с компасом, с маяком, с рычагом изменения мира. Действительно, подобно компасу идеал указывает возможное общее направление движения и позволяет судить о том, насколько мы от этого направления отклоняемся. Идеал освещает и освящает возможный оптимальный путь, ведущий к цели, к желаемому результату деятельности. Конкретизация идеала в программах и планах деятельности актуализирует возможные условия и способы поэтапного достижения цели. Ведь недостаточно правильно объяснить мир, надо, указывал В. И. Ленин, «это правильное объяснение сделать *рычагом изменения* мира, орудием дальнейшего движения вперед»⁶.

Прогностические аспекты марксистско-ленинской философии стали предметом исследования в межвузовском научном сборнике, который предлагается вниманию читателя. В соответствии с поставленной задачей авторами статей рассмотрены философско-методологические основания социального предвидения и дан философско-методологический анализ путей научного познания.

И. Я. Лойфман

⁵ См.: Лойфман И. Я. Отражение как высший принцип марксистско-ленинской гносеологии. Свердловск, 1987. Гл. 3; См. также: Храленко Н. И. Философско-методологические проблемы прогнозирования. Л., 1980.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 28.

И. С. НАРСКИЙ
Академия общественных наук при ЦК КПСС

Последние статьи В. И. Ленина и их значение для наших дней

С конца декабря 1922 г. по начало марта 1923 г. В. И. Лениным были созданы такие работы, как «Странички из дневника», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше», «О кооперации», «Письмо к съезду» и еще несколько небольших по объему материалов. Значение их огромно, и об этих статьях В. И. Ленина уже немало сказано и написано, но еще больше будет сказано в дальнейшем, так как актуальность их в годы социалистической перестройки колоссальна. Статью «О нашей революции» можно с основанием считать ключевой для понимания всего комплекса проблем, поднятых и решаемых В. И. Лениным в этих документах. «Лучше меньше, да лучше» явилась последней из продиктованных им статей. Статья «О кооперации» среди этих документов ленинской мысли представляет собой центральное произведение, дающее практическую перспективу на длительное будущее в форме конкретных основоположений. «Письмо к съезду», а также записка «К вопросу о национальностях или об «автономизации» могут быть оценены как политическая кульминация всего комплекса последних работ В. И. Ленина, которые в их совокупности рассматриваются ныне как его политическое завещание аналогично тому, как статья «О значении воинствующего материализма» понимается как философское его завещание.

Все эти ленинские работы находятся в теснейшей внутренней взаимосвязи. Рассматривая частные вопросы, писал В. И. Ленин, следует все время иметь в виду «общий план нашей работы, нашей политики, нашей тактики, нашей стратегии...»¹. Об этой внутренней связи, объединяющей последние статьи Ленина в единое целое, напомнил Н. И. Бухарин в 1929 г.: все эти статьи суть «органические части одного большого целого, одного большого плана ленинской стратегии и тактики, плана, развитого на основе совершенно определенной перспективы...»². Мы можем сказать, что в философском отношении в этих рабо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 405.

² Бухарин Н. И. Политическое завещание В. И. Ленина: Доклад на траурном заседании, посвященном пятилетию со дня смерти Ленина // Коммунист. 1988. № 2. С. 93.

тах В. И. Ленина частное объединяется с общим, тактическое — со стратегическим, анализ окружающей действительности — с пронизательным взором в будущее, задачи, как тогда говорили, «текущего момента» — с перспективами, конкретно-организационные мероприятия — с принципиальными теоретическими установками и решениями. Все эти ленинские произведения пронизаны заботой и тревогой за судьбы революции, сердечной болью от сознания того, какие значительные опасности угрожают росткам будущего социализма и какие огромные беды могут произойти, если будет избран неправильный путь или в руководстве партии возобладают недалновидные, нечестные или обуреваемые честолюбием силы и эти силы смогут исказить верный курс или даже сбиться с него в сторону. Последние ленинские работы, примыкая к его произведениям, в которых уже был выработан кооперативный план строительства социализма, рассматривают и намечают практические шаги политически-организационного свойства, без реализации которых на пути построения нового общества сохранятся и разрастутся грозные, враждебные препятствия — бюрократизм и тяжелейшие последствия возможного (и уже намечающегося в месяцы, когда И. В. Сталин как генсек, ссылаясь на рекомендации врачей, стал все более изолировать В. И. Ленина от общения с руководящими деятелями партии) злоупотребления личной властью. Бюрократизм и бесконтрольная личная власть — это два взаимоподдерживающие звена порочной административно-политической практики. Тревожные симптомы разрастания этих явлений прозорливо подметил В. И. Ленин и, обращаясь к партии, сделал в своих последних работах то, что был тогда в состоянии сделать, чтобы этим явлениям противодействовать.

В данной статье я остановлюсь в основном на проблемах бюрократизма и борьбы с ним, другие вопросы затрагиваются в меньшей степени, лишь в связи с названными проблемами. Значение всех этих проблем для наших дней, для лет перестройки несомненно и очевидно.

Для того, чтобы были точно сформулированы наиболее эффективные рекомендации к действию, необходимо прежде всего как можно более точно охарактеризовать существующее в стране победившей Октябрьской революции положение дел. Именно так и поступил В. И. Ленин, еще и еще раз возвращаясь к критической оценке ситуации, сложившейся в стране в условиях начавшейся новой экономической политики. К. Маркс в «Восемнадцатом бюмера Луи Бонапарта» отмечал, что пролетарские революции «постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются в своем движении, возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, чтобы еще раз начать это сызнова, с беспощадной основательностью высмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток...»³ В ра-

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 123.

боте «О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия)» (1921) В. И. Ленин указывал, что «нам придется много еще раз, во всех областях нашего строительства начинать повторно сначала, исправляя недоделанное, выбирая разные пути подхода к задаче»⁴. Но тем самым предполагается именно полная, неприкрашенная правда в оценке реального состояния страны, ее экономики, политической и духовной жизни, состояния самой партии. Недаром М. С. Горбачев в речи 18 февраля 1988 г. на Пленуме ЦК КПСС охарактеризовал марксизм-ленинизм в его творческом, а значит, подлинном смысле как «всегда объективный, глубоко научный анализ живой развивающейся действительности. Анализ критический, ни от чего не отворачивающийся, ничего не скрывающий, не боящийся никакой правды»⁵. Именно таким всегда был ленинский подход.

В. И. Ленин в своих последних работах исходит из того, что в обстановке начавшегося проведения нэпа в жизнь происходит борьба «кто кого», а в самой партии далеко еще до полного идеологического единства, в ней происходят мелкобуржуазные шатания. У многих и многих коммунистов отсутствует пока умение управлять и хозяйничать; налицо значительные дефекты в подборе кадров и в организации контроля. Всюду заметны симптомы бюрократизации государственного аппарата, и вопрос о бюрократизме стал политически острым вопросом. Дело в том, что бюрократизация хозяйственного, советского, а также и партийного аппарата означает опасность утраты партией роли политического авангарда рабочего класса и всех трудящихся, способствует предпосылкам возможного раскола в партии, разлагает союз рабочих и крестьян, обессиливает Советское государство и отталкивает от него трудящихся (последний процесс ныне обычно квалифицируют как взаимоотношение госаппарата и населения). В случае раскола в рядах РКП(б) это в свою очередь послужило бы еще одним толчком к расшатыванию связей взаимопомощи и поддержки между пролетариями и крестьянами⁶. Обеспечивая полупаразитическое существование разросшегося клана канцеляристов за счет общества, бюрократизм подрывает веру в социальную справедливость и углубляет взаимоотношение. М. С. Горбачев на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС подчеркнул, что «в конечном счете задача социализма — покончить с социальным отчуждением человека, характерным для эксплуататорского общества, отчуждением от власти, от средств производства, от результатов своего труда, от духовных ценностей»⁷. «Человеческое измерение» социализма

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 231.

⁵ Горбачев М. С. Революционной перестройке — идеологию обновления. М., 1988. С. 10.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 344.

⁷ Горбачев М. С. Революционной перестройке — идеологию обновления. С. 9.

пока еще реализовано далеко не полностью, поскольку полнота демократии, широкая активность и инициативная самостоятельность людей, взаимосогласованность личных и общественных интересов не достигнуты в надлежащей степени. Командно-бюрократическая система управления, соединявшая в себе уродливые черты двух противоположностей — догматической и волюнтаристской практики, — закрепляла и углубляла бюрократизацию жизни нашего общества. И вообще «...в силу и внешних и внутренних причин мы не смогли достаточно полно реализовать ленинские принципы нового общественного строя»⁸.

В. И. Ленин в начале 20-х гг. хорошо видел исходные причины и механизмы, которые в те годы вели к закреплению и усилению бюрократизма. Причины бюрократизации имели в себе как общее, так и специфическое. В работе «Как нам реорганизовать Рабкрин», а также в «Письме к съезду» и заметке «К вопросу о национальностях или об «автономизации» и других сочинениях последних двух лет своей жизни В. И. Ленин обращает внимание на ряд негативных обстоятельств. Он отмечает, во-первых, что в значительной мере не удалось воплотить идеи «Гражданской войны во Франции» К. Маркса, прокомментированные и развитые в «Государстве и революции» (1917), указывавшие на необходимость «слома» прежней, т. е. буржуазной, государственной машины⁹. Госаппарат молодой Советской республики в основном представляет собой в начале 20-х гг. «пережиток старого»¹⁰, он «заимствован нами от царизма и только чуть-чуть подмазан советским миром»¹¹. Этот аппарат, за исключением только звеньев дипломатической службы, где замену кадров и коренные изменения в практике ее деятельности удалось произвести успешно, проникнут рутинерством, не желает никаких реформ (хотя и научился прикрывать это нежелание «левой» демагогией), препятствует контролю над ним и всячески стремится избежать выборности и сменяемости кадров.

Проблему «слома» старой государственной машины В. И. Ленин понимал диалектически, антидогматично: там, где имел место прямой или косвенный саботаж, речь должна была идти о полной замене кадрового состава людьми, преданными Советской власти; там, где сами структура и состав звеньев аппарата сложились прежде как средство укрепления эксплуататорского государства, надлежало эти структурные звенья упразднить, заменив их совсем новыми, с иными для них целями и задачами; там, где было возможно использовать знания и умения честных и опытных «прежних» специалистов, их следовало

⁸ Горбачев М. С. Революционной перестройке — идеологию обновления.
С. 9.

⁹ Ср.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 39 и др.

¹⁰ Там же. Т. 45. С. 383. Ср.: С. 347.

¹¹ Там же. С. 357. Ср.: С. 44.

использовать в интересах нового строя, соответственно высоко оплачивая их труд¹². В широком смысле слова «слом», таким образом, означает здесь овладение госаппаратом, включающее в себя и моменты слома, упразднения как таковые.

Особый вопрос — о соединении и разделении властей. В. И. Ленин, учитывая выводы К. Маркса из опыта Парижской коммуны, принял положение о целесообразности значительного сближения и даже соединения законодательных и исполнительных органов пролетарской власти. В интересах большей самостоятельности контрольного органа и усиления его прав в деле проверки деятельности государственных и партийных учреждений В. И. Ленин, рекомендуя создать объединенный орган ЦКК — РКИ, хотел в этом случае «соединить учреждения партийные с советскими»¹³ и резко усилить пролетарский состав этого контрольного партийно-советского учреждения, призванного поднять борьбу с бюрократизмом на качественно более высокий уровень (в дальнейшем И. В. Сталин, поставив лично себе подчиненные органы безопасности над партией и развернув массовый террор, свел эти ленинские замыслы на нет). В наши дни, в условиях перестройки, возникла иная задача — устранить столь распространившееся в годы застоя фактическое совпадение содержания деятельности партийных, государственных и хозяйственных органов. Должна быть, разумеется, сохранена первичность законодательной власти и утверждена действительная, а не декларативная, независимость судебных властей.

Что касается причин сохранения в начале 20-х гг. значительной части старого госаппарата, то В. И. Ленин отмечал, что гражданская война и обстановка «военного коммунизма» не создали и не могли создать достаточных условий для его переделки¹⁴. Кроме того, как В. И. Ленин показал на примере Госплана, еще от царских времен сохранился шаблон веры во всеислие «администрирующей силы», стремящейся командовать теоретиками, идеологами, учеными вместо того, чтобы помогать им в их деятельности¹⁵. Как известно, порочный командный стиль управления развился в условиях «культы личности» в целую административно-бюрократическую систему.

В. И. Ленин особо подчеркнул, что сохранению указанного шаблона способствовал довольно низкий культурный уровень населения — недостаточная грамотность (в 1920 г. треть населения России оставалась неграмотной), отсутствие организаторских навыков, привычка подчиняться «без рассуждений», распространенность мелкобуржуазных предрассудков среди выдвиженцев из низов, в том числе спесивости, доходящей, по

¹² См.: Там же. Т. 43. С. 213.

¹³ См.: Там же. Т. 45. С. 398.

¹⁴ Там же. С. 347.

¹⁵ См.: Там же. С. 352.

меткому ленинскому выражению, до «комчванства». Не хватало даже элементарной буржуазной культуры труда и поведения, без которой невозможно эффективное участие в современном производстве¹⁶.

Драматические события последующих десятилетий показали всю серьезность тревоги В. И. Ленина в отношении будущих поступков И. В. Сталина: его «администраторское увлечение»¹⁷ в сочетании с рядом отрицательных черт характера стало основой последующих его действий по укреплению режима личной власти, бюрократизации аппарата. Под знаком этих процессов прошло, к сожалению, более полувека истории Советского государства, сменилось два поколения. Трудно согласиться с иногда высказываемым мнением, будто репрессивные органы при Сталине надежно «удерживали» работников административного аппарата от типично бюрократического поведения в отношении рядовых советских граждан¹⁸, ведь довольно скоро обнаружилось, что самое безупречное поведение от репрессий ничуть не предохраняло, отнюдь не становилось гарантией от них. Могла ли такой гарантией стать партия в целом? В принципе, могла и должна была, но в конкретных условиях второй половины 20-х гг. это было трудно осуществимо. В. И. Ленин в письме В. М. Молотову от 26 марта 1922 г. предупреждал, что «старая партийная гвардия» является лишь «тончайшим слоем» и «достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него»¹⁹. Так оно, увы, и случилось. Ленинская партийная гвардия была в годы репрессий истреблена.

В. И. Ленин ясно видел, что мелкими косметическими исправлениями гидру бюрократизма не уничтожить, как и не решить всех других, в том числе и экономических, задач, стоящих перед народом и партией. Необходимо фактическое участие в борьбе широких масс трудящихся, действенный контроль со стороны народа. Реалистическая ленинская программа строительства социализма в нашей стране, связанная с «коренной переменой всей точки зрения нашей на социализм»²⁰, была проникнута глубоко диалектическим подходом: для того чтобы было обеспечено подлинное участие народных масс в строительстве социализма, необходимо больше демократии, демократии социалистической. А это требует широчайшего культурного строительства, которое в свою очередь самым благотворным образом воздействует на экономическую жизнь, способствуя ее расцвету.

¹⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 364, 389.

¹⁷ См.: Там же. С. 357.

¹⁸ См.: Никольский С. А. Перестройка общественного сознания и преодоление административно-бюрократического типа управления // Вопр. философии. 1987. № 2.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 20.

²⁰ Там же. С. 376.

Эта ленинская программа была пронизана высокими нравственными принципами: она направлена против духовного застоя, мелкобуржуазной самоуспокоенности и демагогии, «комчванства», нахрапистого «хвастовства»²¹. Всюду нужны честные и искренние работники, которые «ни слова не скажут против совести»²². А ведь идея объединения всех честных и компетентных людей вокруг коммунистов на благо социализма — это одна из центральных мыслей философского завещания В. И. Ленина, его работы «О значении воинствующего материализма». Необходимо объединить максимально возможное число единомышленников — такова идея и современной борьбы за перестройку нашего общества.

Ленинская программа включала в себя, как мы знаем, такие важные моменты, как осуществление культурной революции в ее просветительском, собственно политическом, хозяйственно-управленческом и демократическом измерениях. Это «целая полоса культурного развития всей народной массы»²³. Большое значение придает В. И. Ленин научно продуманной организации труда и торговли²⁴. В различных реорганизациях и скорости их осуществления нужна при этом *разумная мера*²⁵, то же и в решении сложных проблем межнациональных отношений. Должен быть поднят авторитет народных учителей на селе, пробуждена их активность и заинтересованность в осуществлении постепенного приобщения «всякого мелкого крестьянина» к социалистическим навыкам. Вообще в создании «строя цивилизованных кооператоров» как строя социализма²⁶ возможно и необходимо действовать через интересы людей, а не через звонкие, но по сути лишь формальные и бессильные, лозунги.

Известно, что идея кооперации — это ядро ленинской концепции построения социализма, «одно из самых блестящих ленинских открытий»²⁷. Огромное значение в осуществлении этой идеи В. И. Ленин придавал неустанной работе по воспитанию доверия крестьянства к рабочим, доверия всех трудящихся к коммунистической партии, к Советскому государству. И здесь снова во весь рост встает задача борьбы против бюрократизма «не взирая на лица»²⁸. В докладе «Новая экономическая политика и задачи политпросветов» в октябре 1921 г. В. И. Ленин указывал на «три главных врага» строительства социализма в стране — коммунистическое чванство, безграмот-

²¹ См.: Там же. С. 376.

²² См.: Там же. С. 391.

²³ Там же. С. 372.

²⁴ См.: Там же. С. 373, 395 и др.

²⁵ См.: Там же. С. 386.

²⁶ Там же. С. 373, 370—371.

²⁷ Горбачев М. С. Потенциал кооперации — делу перестройки // Правда. 1988. 24 марта.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 387.

ность и взятку²⁹. Буквальной безграмотности ныне у нас уже нет, но разве мало недомыслия и путаницы в умах? Разве два другие «врага» уже исчезли? Они проникли и в партийные ряды, и не только в виде застарелой болезни «комчванства». В. И. Ленин в свое время, в статье «Лучше меньше, да лучше», указал на наличие партийной бюрократии, и в целом бюрократизма как определенного стиля мышления и действия³⁰. Итак, без развития широчайшей социалистической демократии, искоренения перечисленных пороков практически невозможны очищение, обновление и совершенствование социализма. Всемирно-историческая по своему значению борьба нашей партии за перестройку опирается на идеи ленинского политического завещания, развивая их далее в новых, хотя частично и напоминающих давние, внутренних и международных условиях конца XX века.

Р. Ю. ГУБАЙДУЛЛИН
Башкирский сельскохозяйственный институт

Г. В. Плеханов о методологии исторического предвидения

История поистине драматических блужданий идеологов революционного народничества (П. Лаврова, М. Бакунина, П. Ткачева), а также писателей-народников (Г. Успенского, С. Каролина и др.) в их благородном стремлении отыскать наименее болезненные для народа пути развития пореформенной России и глубокая, всесторонняя критика их позиций в работах Г. В. Плеханова 1882—1895 гг. достаточно рельефно выявили характерные теоретико-познавательные проблемы, встающие перед мыслителями, дерзнувшими заглянуть в «завтрашний день истории», осуществить достоверный научный прогноз: 1) в какой мере и как теория, сложившаяся на основе изучения одной стадии объекта, может быть распространена на его последующую фазу (проблема соотношения абстрактного и конкретного, теории и практики); 2) каким элементарно необходимым требованиям должна соответствовать структура мировоззрения познающего субъекта, с тем чтобы последний был в состоянии адекватно охватить, выразить в понятиях сущность исторического целого и тенденции его развития.

Г. В. Плеханов, который в деле раскрытия закономерностей развития пореформенной России опирался на «готовую», уже сложившуюся марксистскую теорию об обществе, был вынуж-

²⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 173.

³⁰ См.: Там же. Т. 45. С. 397.

ден решать несколько иные задачи, чем К. Маркс — творец этой теории. Переход от абстрактного к конкретному рассматривается Г. В. Плехановым не только как синтез абстрактных определений, раскрывающих отдельные стороны конкретного целого, в строгую научную систему, воспроизводящую объект в его целостности, «тотальности», как это было реализовано в «Капитале» К. Маркса. Поскольку речь шла о применении уже сложившейся общей теории к живой действительности, этот процесс понимается им еще и как расшифровка, конкретизация, или, как он выражается, «перевод на конкретный арифметический язык абстрактных алгебраических формул» общей теории общественно-экономического развития. Так, он ставит в упрек идеологам революционного народничества (М. Бакунину, П. Лаврову, П. Ткачеву) то, что последние не справились с задачей конкретизации на основе новых данных о русской действительности общих гипотетических формул, выработанных в свое время А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским, относительно возможности развития русской поземельной общины как исходной ячейки будущего социалистического общества.

Любая теория, как бы ни была она развита, по отношению к данной объективной реальности выступает, по Г. В. Плеханову, всегда как нечто более абстрактное, одностороннее. Основные положения теории, как указывает он в письме к П. Лаврову в 1884 г., составляют как бы большую посылку силлогизма, «так что люди, одинаково признающие правильность и великое научное значение этой посылки, могут соглашаться или расходиться между собой в выводе, смотря по тому, как они понимают вторую, «малую» посылку, роль которой должна играть та или иная **оценка современной русской действительности**»¹ (подчеркнуто мной. — Р. Г.).

Следовательно, знание теории, по Г. В. Плеханову, не избавляет исследователя от необходимости тщательной оценки современного фактического материала. При этом, в случае обнаружения определенного «разрыва» между общими научными положениями и наблюдаемой действительностью, объективные факты ни в коем случае не должны жестко подгоняться под научные положения. Исследователь, если он уверен в истинности исходных абстракций, должен видеть свою задачу в том, чтобы путем выработки более частных, опосредующих формул, суметь охватить факты и заполнить таким образом выявившееся расхождение между теорией и действительностью. И понимание того, что понятия, фиксирующие лишь общие закономерности поведения рассматриваемого класса явлений, не могут быть **непосредственно** отнесены к конкретному поведению данного отдельного объекта, составляет необходимое условие правиль-

¹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1956. Т. 1. С. 121.

ного диалектико-материалистического мышления. Поэтому разъяснению и популяризации этого методологического положения Г. В. Плеханов придает особое значение и неоднократно подчеркивает его в своих работах².

Анализ и оценка методологических установок идеологов революционного народничества приводят к заключению, что их попытки применить в своих теоретических выкладках формулы Герцена и Чернышевского о возможности некапиталистического развития России были неудачны не только и не столько в силу недостаточной разработанности применяемой теории. Сопоставление позиции А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского с постановкой указанного вопроса К. Марксом и Ф. Энгельсом³ убеждают в том, что теоретические послышки идейных предшественников народничества (А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского) все же содержали в себе момент объективной истины: приблизительно «схватывали» абстрактную возможность непосредственного перехода русских пореформенных отношений на селе в отношения социалистические.

Основной порок методологии народничества заключался в том, что эти общие формулы о возможных путях русского пореформенного развития без достаточной конкретизации, без посредствующих звеньев, которые могли быть выработаны только на основе анализа современного эмпирического материала, прямо и непосредственно «накладывались» идеологами народничества на все многообразие живой действительности. Последняя сводилась к абстрактным исходным посылкам, тогда как настоящая задача заключалась в том, чтобы, осознав формулы Герцена и Чернышевского как отражение только лишь абстрактной возможности непосредственного перехода в высшую коммунистическую фазу, путем детального изучения фактов русской действительности 70—80-х гг., развивать эти абстракции в сторону раскрытия действительной исторической необходимости. Но, как известно, теоретики народничества не справились с этой задачей. Как указывает Г. В. Плеханов, теоретическая постановка «революционного вопроса» не только не подвинулась вперед со времени Чернышевского, но во многом отступила назад.

Что касается Г. В. Плеханова, то он строго и четко проводит различие в понимании общих законов развития, «взятых» в их абстрактности, изолированности, и видоизменением, модификацией этих общих законов в условиях конкретной исторической среды: «Рассуждать отвлеченно — значит ошибаться даже в тех случаях, когда исходешь из совершенно верного принципа. Знаете ли Вы, читатель, что такое *ангифизика* д'Аламбэра? Д'Аламбэр говаривал, что на основании самых бесспорных

² См.: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 3. С. 146.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 305.

физических законов докажет неизбежность явлений, совершенно невозможных в действительности. Надо только, следя за действием каждого данного закона, забывать на время, что существуют другие законы, видоизменяющие его действие...

Вопреки мнению тех господ, которые упрекают Маркса в односторонности, этот писатель никогда не рассматривал экономического движения данной страны *вне его связи с теми общественными силами, которые, вырастая на его почве, сами влияют на его дальнейшее направление...*⁴

Здесь важно подчеркнуть то обстоятельство, что в развивающихся объектах, с которыми имеет дело историческая наука, сама модификация общего в отдельном и через отдельное «положена» не статично, а представляет собою процесс и проявляется в длинной генетической цепи явлений. Именно так понимается К. Марксом и Ф. Энгельсом соотношение общего и отдельного в развивающейся действительности и соответствующий этому теоретический процесс восхождения от абстрактного к конкретному.

Анализ начинается с отыскания и рассмотрения в самой жизни неразвитого простейшего отношения, которое представляет собою «клеточку», зародыш раскрывающейся в последующем конкретной реальности, того общего и массовидного, которое, развиваясь, развертывается в последовательный ряд «отдельных» исторических состояний.

Такой исходной «клеточкой» русского пореформенного развития Г. В. Плеханов считает форму русской поземельной общины, и поэтому он берет ее за исходный пункт исследования⁵. Конечно, как следует далее из плехановского анализа, о развитии общины можно говорить только в отрицательном, регрессивном смысле. Но поскольку эта первобытная общественная ячейка все еще представляла в России наиболее типическую и распространенную форму организации подавляющей массы населения, поскольку, как следовало логически из теории К. Маркса, капитализм в России не мог развиться иначе, как только превратив основную массу общинников в наемных рабов, постольку прослеживание дальнейшей эволюции русской пореформенной общины в связи со всеми развивающимися и взаимодействующими экономическими отношениями России 70—80-х гг., то есть рассмотрение формы общины как одного из элементов становящейся в России капиталистической формации, и пред-

⁴ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 1. С. 726—727.

⁵ Г. В. Плеханов так пишет об этом: «...так как наша молодежь еще из статей Чернышевского знала, что «масса народа до сих пор понимает землю, как общинное достояние, и количество земли, находящейся в общинном владении... так велико, что масса участников, совершенно выделившихся из него в полновластную собственность отдельных лиц, по сравнению с ним незначительная», то именно с общинного землевладения и должно было начаться изучение революционных факторов русской жизни» (Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 1. С. 153).

ставляло собою процесс единственно возможного теоретического воссоздания развивающейся объективной реальности. И выведение (а отсюда и предвидение) на основе этого анализа общих очертаний «каркаса» складывающейся в России общественно-экономической структуры представляет собой, без преувеличения, образец восхождения от абстрактного к конкретному. Именно этим определяется логика работы Г. В. Плеханова «Наши разногласия». Рассмотрим ее в основных узловых моментах.

Уже в самом начале анализа формы общины Г. В. Плеханов, в противоположность русским «самобытникам», показывает, что данная общественно-экономическая ячейка не есть активная организационная система, обладающая такими внутренними закономерностями, которые с необходимостью двигали бы ее в направлении коммунистического развития; нет, она представляет собой лишь одну из ступеней разложения первобытного коммунизма. Эта форма пассивна, инертна. В эпоху крепостного права община служила объектом эксплуатации со стороны помещиков и феодального государства. В период же развития капиталистических отношений община не способна противостоять новым экономическим тенденциям: товарно-денежные отношения вторгаются в сферу общинного землевладения. В этом пункте исследования мысль Г. В. Плеханова сводится к тому, что общину следует рассматривать как лишь подчиненный элемент данной конкретной общественно-экономической формации (феодальной или капиталистической), не более. Поэтому автор «Наших разногласий» анализирует общину не вообще, в абстракции, а как форму, которую капитал застает готовой, но преобразует и подчиняет своему движению. Но здесь перед исследователем возникает новая методологическая задача: чтобы выявить и воспроизвести в теории тенденцию, направление развития, обязательно должны быть зафиксированы по крайней мере две временные точки в развитии конкретного целого и только затем, на основе этого, можно строить более или менее достоверную гипотезу о структуре будущего объекта (в третьей временной точке)⁶.

Г. В. Плеханов берет в качестве исходного пункта анализа ту точку, которая непосредственно предшествует капиталистически модифицированной форме общины — общину в эпоху разложения феодализма в России (введение к работе «Наши раз-

⁶ О том, как осознавалась самими участниками идейно-теоретической борьбы указанная необходимость, мы можем судить по следующему замечанию Г. В. Плеханова: «Но как одна точка не определяет положения линии на плоскости, так и поземельная община, на идеализации которой сходились все наши социалисты, не обуславливала собой сходства их программ. Все чувствовали, что в самой общине и в мирозерцании и привычках общинников есть много частью недоделанного и недоконченного, а частью прямо противоречащего социалистическим идеалам» (Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 1. С. 154).

ногласия»). Далее, после освещения некоторых вопросов развития капитализма на Западе и доказательства того, что промышленность России также по-своему, но окончательно вступила на путь капитализма (гл. 1), исследователь тщательно анализирует состояние-результат в эволюции русской общины (гл. 3).

В противоположность Г. В. Плеханову, теоретики народничества ставили этот злободневный вопрос совершенно абстрактно, метафизически: способна или не способна русская община перейти в высшую коммунистическую фазу? И решали они ее также в духе самой постановки вопроса, абстрактно: находили в ней социалистические формы общежития, основание идеалов русского народа и т. д. и отсюда делали прямолинейное умозаключение о возможности и вероятности крестьянской социалистической революции в России. Г. В. Плеханов же, как мы убеждаемся, исследовал тенденции развития взаимоотношений крестьян внутри общины именно в связи с конкретными социально-экономическими процессами пореформенной России и только в итоге такого **диалектического** анализа он отвечает на этот вопрос вполне определенно, однозначно: нет, русская община 80-х гг. не способна «самопроизвольно» перейти к социализму, она уступает место не социалистическим, а капиталистическим отношениям. Как известно, история полностью подтвердила данный прогноз Г. В. Плеханова, тогда как «общинный социализм» народников оказался утопией. И дело не только в том, что у теоретиков народничества отсутствовал конкретный анализ экономического аспекта пореформенного развития. Попытки такого анализа были у народников — достаточно указать на довольно обстоятельные «Очерки нашего пореформенного хозяйства» Николай — она (Н. Даниельсона). Сами эти попытки были обречены на неудачу именно потому, что их авторы исходили из метафизического понимания экономических явлений. Этот пример лишний раз убеждает нас в том, что общетеоретическая основа мировоззрения никогда не остается пассивным привеском в сознании познающего субъекта, а решающим образом проявляется в принципах научной идеализации, на способах развития понятий в каждом отдельном акте познания. Например, по поводу формулы Чернышевского о возможности непосредственного перехода к социализму через крестьянскую общину Г. В. Плеханов пишет, что автор «Критики философских предубеждений против общинного землевладения» рассматривал возможность устранения периода господства частной собственности в той или иной стране не метафизически (по принципу «или — или»), а как частный случай его **сокращения**. В этом суть гибкого, диалектического понимания данного вопроса Н. Г. Чернышевским. Но совершенно иначе осмыслили данную формулу идеологи народничества. Народнической же интеллигенции, пишет Г. В. Плеханов, «и на мысль не приходит, что полное устранение данного исторического периода есть

лишь частный случай его сокращения и что, доказывая возможность первого, мы тем самым, и притом в гораздо более сильной степени, подтверждаем вероятность второго»⁷. Здесь ясно, что правильно понятая (согласно «духу», а не букве) формула Чернышевского нацеливала исследователя на анализ «внешних и внутренних сил», которые как раз и определяют возможность и степень сокращения капиталистической фазы развития страны. И в данном случае весь процесс движения теоретического познания приобретает не характер **сведения** многообразия отношений объективной действительности к исходным научным абстракциям, а представляет собой процесс **выведения**, развертывания исходных понятий на базе исследования эмпирических данных в систему научных категорий, воссоздающую сущность изучаемого объекта в его становлении.

Здесь не представляется возможным акцентировать свое внимание на всех частных аспектах постановки «революционного вопроса» Г. В. Плехановым, которую он сделал на основании конкретного и глубокого изучения состояния исследуемого объекта. Но для сопоставления плехановской постановки данного вопроса с народнической, чтобы выявить, насколько первая схватывает всю суть вопроса, «поднимая» всю массу связанной с данным вопросом конкретной реальности, есть необходимость привести обобщающий вывод Г. В. Плеханова по результатам его исследования исторически исходного пункта рассматриваемого объекта — структуры дореформенной общины.

Так, по поводу теоретических построений М. Бакунина и П. Ткачева Г. В. Плеханов замечает, что они очень много говорили о коммунистических инстинктах русского крестьянства. Но оба они даже не ставили вопрос о том, чем они определяются: потому ли существует община, что русский народ «проникнут принципами общинного землевладения» или, наоборот, потому он проникнут этими принципами, т. е. имеет привычку к общине, что живет в условиях коллективного владения землей?

«Если бы они внимательнее отнеслись к этому вопросу, ответ на который не может быть сомнительным, — указывает Г. В. Плеханов, — то им пришлось бы перенести центр тяжести своей аргументации из области рассуждений о народных «инстинктах» и идеалах в сферу исследований о народном хозяйстве. Тогда им пришлось бы обратить внимание на историю землевладения и вообще права собственности у первобытных народов, на возникновение и постепенный рост индивидуализма в общинах охотничьих, кочевых и землевладельческих племен... Применяя результаты такого рода исследований к России, им пришлось бы сделать оценку тех разлагающих общину условий, значение которых в особенности возросло со времени уничтожения крепостного права. Эта оценка логически привела бы

⁷ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 1. С. 352.

их к попытке определить силу и значение индивидуалистического принципа в хозяйстве современной сельской общины в России. Затем, так как значение этого принципа — под влиянием враждебных коллективизму условий — постоянно возрастает, то им нужно было бы узнать величину ускорения, приобретаемого индивидуализмом в ходе его вторжения в право и хозяйство общинников. Определивши, с возможной в таких случаях точностью, величину этого ускорения, они должны были бы перейти к изучению свойств и развития той силы, с помощью которой они думали не только предупредить торжество индивидуализма и не только восстановить сельскую общину в ее первобытном виде, но и придать ей новую, высшую форму. При этом возник бы очень важный, как мы видели, вопрос о том, явится ли эта сила продуктом внутренней жизни общины или результатом исторического развития внешних условий. Во втором из предложенных случаев интересующая нас сила оказалась бы чисто внешнею силою по отношению к общине, и тогда им прежде всего нужно было бы спросить себя, достаточно ли одних внешних влияний для переустройства экономической и социально-политической жизни данного класса?..

В заключение им нужно было бы доказать, что *сила сторонников социализма увеличивается с большей быстротой, чем совершается рост индивидуализма в русской экономической жизни*. Только сделавши это обстоятельство по крайней мере *вероятным*, они могли бы доказать *вероятность* той социальной революции, которая, по их мнению, не могла встретить в России «никаких» затруднений»⁸.

Такова в общей форме постановка «революционного вопроса» Г. В. Плехановым, которая сделана им на основе результатов анализа структуры **исходного состояния изучаемого** объекта. В методологическом отношении это есть одновременно и результат предшествующего анализа, и постановка вопроса для дальнейшего исследования; это один из этапов на пути восхождения от абстрактного к конкретному.

Но вполне понятно, что методологически безупречное определение исходного пункта исследования не может заранее гарантировать то, что исследователь, если он будет придерживаться лишь дедуктивного развертывания исходных посылок, сможет правильно отразить сущность состояния-результата их исследуемого объекта — что может быть сделано лишь при содействии широкой исторической индукции. Поэтому нельзя признать случайностью то, что Г. В. Плеханов переходит к анализу состояния-результата в развитии русской общины лишь **после** рассмотрения и оценки на большом фактическом материале первых итогов развития русского капитализма.

⁸ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 1. С. 170—171.

Анализ состояния-результата в эволюции общинных отношений общины 80-х гг., проведенный Г. В. Плехановым, показывает, что данная структура прежде всего претерпела коренное **функциональное** преобразование: товарно-денежные связи, некогда подчиненные в системе общинных отношений, становятся теперь главными, доминирующими. Связи же, ранее господствующие, — общинное землевладение и самоуправление — становятся подчиненными. Следовательно, структура состояния-результата характеризуется прежде всего и главным образом не появлением новых составляющих (элементов и связей) системы, а более сильным развитием товарных отношений, расширением сферы функционирования их до такой степени, что она подчиняет себе сферу общинного землевладения, чего не наблюдалось раньше в структуре исходного состояния. Г. В. Плеханов раскрывает и сам механизм этого процесса. «Вторжение» этого элемента — денег — в систему общинного землевладения произошло в России преимущественно через «выкупную операцию» на основе реформы 1861 г.

Теперь не только орудия труда, но и основное средство крестьянского производства — земля, которая ранее была коллективной собственностью, переходит постепенно в частное владение. Особенностью этого процесса в России являлось то обстоятельство, что он происходил в скрытой форме, при кажущейся неизменности старых принципов землевладения.

Принципы плехановского анализа эволюции русской пореформенной общины позволяют по-новому оценить действительную гносеологическую значимость генетико-структурного способа исследования сущности отдельного исторического целого⁹. **Сопоставление исходного состояния и состояния-результата** (генетической пары) само по себе позволяет обнаружить лишь внешнюю причину разложения общины — «вторжение» товарно-денежных отношений в сферу земельной собственности в сочетании с налоговым гнетом государства. Но одного такого сопоставления еще недостаточно для раскрытия **внутренней** причины разложения общины. А последняя, как следует из плехановского метода исследования, раскрывается только в итоге непосредственного структурного расчленения исходного состояния объекта. Но само правильное структурное расчленение исходного состояния оказывается возможным на основе привлечения более широкого круга исторических данных, которые лежат за пределами данной генетической пары. Исходя из достаточно широких исторических обобщений М. Ковалевского о тенденциях развития общинной собственности у первобытных народов, Г. В. Плеханов указывает, что коренная причина разложения общины заключается в неоднородности, вернее, в противоположности двух

⁹ О генетико-структурном способе исследования см.: *Грушин Б.* Очерки логики исторического исследования. М., 1964.

форм собственности, включенных с «самого начала» (задолго до исследуемого периода) в систему общинных связей: на «мирской», **общей** земле ведется подворное, **частное** хозяйство. Само проникновение товарных отношений в систему общинных связей только и возможно в силу указанной противоположности форм собственности. Товарно-денежные отношения не создают заново сами, а лишь усиливают и доводят до крайности это до определенного времени «дремлющее» противоречие в «недрах» этой первобытной ячейки.

Доказательство неизбежности разложения общины в условиях общественно-экономического развития России 80-х гг. составляет важнейший момент научного предвидения Г. В. Плехановым действительных путей русского пореформенного развития. Выявление неизбежности распада этой первобытной общественной формы означало конец не только иллюзиям общинного социализма, но позволяло также, исходя из знания законов развития капитализма, заранее определить, куда пойдет высвобождающаяся из деревни в результате разорения и обезземеливания рабочая сила: она будет постоянным источником роста и пополнения наемной армии труда — необходимейшего элемента капиталистического способа производства. «Главный поток русского капитализма пока еще невелик, — писал Г. В. Плеханов, — еще немного таких мест в России, где отношения нанимателя к работнику совершенно соответствовали бы общераспространенному представлению об отношениях труда к капиталу в капиталистическом обществе; но в этот поток со всех сторон направляется такое множество мелких и крупных ручейков, ручьев и речек, что общая масса направляющейся к нему воды огромна, и быстрый, сильный рост потока не подлежит сомнению. Его уже нельзя остановить, еще менее можно его высушить; остается лишь регулировать его течение, если мы не хотим, чтобы он принес нам один только вред, если мы не отказываемся от надежды хоть отчасти подчинить стихийную силу природы разумной деятельности человека.

... Нам нужно воспользоваться в интересах революции и трудящегося населения совершающимся в России социально-экономическим переворотом. Для нас не должно остаться потерянными то в высшей степени важное обстоятельство, что социалистическое движение началось у нас уже в то время, когда капитализм был еще в зародыше»¹⁰.

И далее, исходя из конкретного социально-экономического анализа русской действительности конца 70-х и начала 80-х гг., сделанного в первых главах «Наших разногласий», Г. В. Плеханов в последующих разделах своей книги излагает основные задачи будущей русской социал-демократической партии. Вполне очевидно, что успешный анализ Г. В. Плехановым русского

¹⁰ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 1. С. 289.

общественного развития и в основном правильное выведение на этой основе задач русских социал-демократов были бы невозможны, если бы в своих теоретических построениях первый русский марксист не руководствовался глубоко осознанными им требованиями материалистической диалектики в отношении научного мышления и конкретными положениями Марксовой теории о законах развития общества вообще и капитализма в частности.

Но здесь четко выявляется другой аспект логико-гносеологической проблемы, на которую в нашей философской литературе до последнего времени не обращалось должного внимания. Речь идет о подлинной научности **всех уровней** понятийного аппарата (в общем определении: мировоззрения) познающего субъекта и установлении логически непротиворечивых субординационных связей между ними, исключающих эклектичность мышления. Рассмотрение основных аспектов истории общественного познания России последней трети XIX в. и становления мировоззрения Г. В. Плеханова убеждают в том, что структура конкретного общественного организма никогда не может быть теоретически воспроизведена в его целостности и самодвижении, если мировоззрение познающего субъекта не отвечает некоторым необходимым методологическим требованиям. Во-первых, если отсутствует **правильное и непротиворечивое** диалектико-материалистическое понимание наиболее общих законов развития природы и общества (в фундаменте мировоззрения познающего субъекта), в результате чего знание более частной (хотя и истинной!) теории не может «работать» в правильном направлении. Подобное явление наблюдалось в системе мышления П. Лаврова. Хотя в конкретной революционной теории и практике П. Лавров не без основания считал себя последователем К. Маркса, но ложное эклектическое основание его мировоззрения (позитивизм) проявлялось в каждом отдельном случае в различных формах идеализма и субъективизма в осмыслении фактов. Разумеется, ни о каком достоверном научном прогнозировании в этом случае не может быть и речи. Во-вторых, как показывает анализ мировоззрения М. Бакунина, даже при относительно верном понимании теоретиком наиболее общих законов развития объективной реальности, но при отсутствии правильной частной системы понятий, которая могла бы явиться «связующим звеном» между общими положениями философской теории и конкретной целостностью отдельного исторического объекта, также невозможно правильное объективное осмысление последнего. В этом отношении теоретические построения М. Бакунина представляют собой логический антипод системы П. Лаврова. Как известно, М. Бакунин был довольно основательно, как говорят, «из первых рук», знаком с диалектикой Гегеля, продемонстрировал в «Государственности и анархии» умение диалектически подходить к предмету анализа, но

он вместе с тем был очень далек от правильного материалистического понимания законов развития общества (на конкретно-научном уровне своего мировоззрения). Однако, в-третьих, даже наиболее полное и доскональное знание эмпирического материала, что само по себе является необходимым условием истинного понимания структуры объекта, также не может обеспечить мыслителю правильного объективного воспроизведения отдельного исторического объекта как целостной органической и функционирующей системы, если отсутствуют первые два условия, указанные выше. Об этом убедительно свидетельствует творчество «беллетристов-народников» Г. Успенского и С. Каронина (Н. Петропавловского), хотя, как показывает оценка их творчества Г. В. Плехановым, такой тип мировоззрения, базирующийся в первую очередь на данных живого созерцания, имеет, если можно так сказать, некоторые преимущества перед охарактеризованными выше типами мышления П. Лаврова и М. Бакунина.

Мировоззрение Г. В. Плеханова периода борьбы с догмами народничества (1882—1895) отвечало всем необходимым требованиям, предъявляемым к мыслителю, который должен был осуществить крупнейший научный «прорыв»: теоретически воссоздать картину сложнейшего развивающегося объекта — социально-экономической жизни России 80-х гг. прошлого века — и на этой основе дать вполне достоверный прогноз ее дальнейшего развития вплоть до начала XX столетия. Однако в дальнейшем Г. В. Плеханову пришлось пережить ту же самую трагедию, что и идеологам революционного народничества: длительная эмиграция, отрыв от русской действительности в значительной мере «обескровили» фактологическое содержание его мышления. Отсюда и недооценка революционных возможностей российского крестьянства и возможности свершения социалистической революции в России. Но это уже тема особого исследования.

В. П. КОХАНОВСКИЙ
Ростовский университет

Прогностическая функция принципа историзма

Историзм как требование рассмотрения предмета в его развитии включает в себя не только изучение генезиса этого предмета, ступеней, уровней его эволюции и его настоящего состояния, но и выяснение главного направления, основной тенденции его дальнейшего развития. Иными словами, последовательное проведение принципа историзма неизбежно предполагает предвидение будущего, предпосылки (зачатки, зародыши, «ростки»)

которого образуются в настоящем. А это значит, что прогностическая функция является одной из важнейших функций историзма, обусловленной сущностью данного принципа. Говоря о будущем, мы имеем в виду главным образом то, что должно произойти, появиться, а не только то, что уже реально существует, но еще не открыто, не стало известным.

Предвидение будущего — третье звено в логической операции, два предшествующих звена которой составляют анализ настоящего и исследование прошлого. Точность и достоверность предвидения и определяется прежде всего тем, насколько глубоко и всесторонне изучены как предшествующее и современное состояние предмета, так и закономерности его изменения. Обосновывая необходимость гибели, исчезновения каждой «осуществленной формы», диалектика должна вместе с тем очертить ту новую форму (ступень, фазу и т. п.), в которую превратится вследствие своего саморазвития предшествующая ей старая форма.

В. И. Ленин считал односторонним, недостаточным такой подход, при котором то или иное событие, явление, процесс исследуются лишь с точки зрения прошлого и настоящего без изучения того, «куда растет» данный предмет, то есть без привлечения также и точки зрения будущего. Так, например, при выработке тактики классовой борьбы пролетариата единственно правильным является такой объективный и всесторонний подход, при котором «все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т. е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса). Движение в свою очередь рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего и притом не в пошлом понимании «эволюционистов», видящих лишь медленные изменения, а диалектически...»¹

И хотя, указывает В. И. Ленин, прошлое, настоящее и будущее, которые есть «у всего на свете», в конкретной исторической обстановке переплетаются, так как процесс действительного развития всегда и обязательно идет запутанно, «всовывая кусочки эпилога раньше стоящего пролога», мы не должны все же смешивать пролог с эпилогом и обязаны уметь разделять логически и исторически крупные полосы развития — прежде всего прошлое, настоящее и будущее. При этом сложность, диалектичность и запутанность исторического процесса не могут оправдать путаницы логических заключений, теоретических ошибок и политических лозунгов.

Одна из самых характерных особенностей марксизма-ленинизма состоит в том, что все его положения стоят на «исторической почве» — «не в смысле одного только объяснения про-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 77—78.

шлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению»². Поскольку будущее вырастает именно из настоящего, то поэтому борьба за наступление будущего — это прежде всего борьба за успешное решение тех задач, которые поставлены всем ходом общественного развития в настоящее время.

Между тем одна из форм извращения марксизма со стороны оппортунистов «состоит в том, что внимание переносится на сравнительно далекое, прекрасное и розовое будущее, внимание отвлекается от ближайших задач трудного конкретного перехода и подхода к этому будущему»³.

На практике это означает, что острые задачи современности отрицаются во имя пустых мечтаний о будущих «неострых задачах», а в теории — отрыв от действительного развития ради этих мечтаний. Данный софистический прием служит основанием для ухода, «увиливания» в конечном счете от решения тех практических проблем, которые возникают на том или ином этапе строительства нового общества. А такое «увиливание» и достигается как раз тем, что, как говорит В. И. Ленин, спорами и разговорами о далеком будущем подменяются насущные и злободневные вопросы сегодняшней политики.

Любое научное предвидение, какое бы точное оно ни было, всегда неизбежно ограничено, имеет свои пределы, за которыми оно становится утопией. По мере развития практики и самого познания предвидение становится все более точным и достоверным, одни его элементы не подтверждаются и отбрасываются, другие находят свою реализацию и т. д. Следовательно, предвидение должно быть вполне обоснованным и его следует делать как можно осторожнее и точнее, ибо при «чрезмерных претензиях» оно неизбежно превращается в пустую беспочвенную фантазию.

При исследовании тенденций развития предмета, его будущего познающий субъект должен понять, что будущее есть необходимый результат прошлого и настоящего и его можно предвидеть только тогда, когда глубоко и всесторонне изучены как предшествующее и современное состояние предмета, так и закономерности его изменения. Необходимо проанализировать по возможности все имеющиеся тенденции, пути дальнейшего развития предмета, разобраться в их субординации, выделить среди них основную тенденцию и способствовать ее реализации, создав для этого все необходимые условия. При выявлении тенденций развития данного целого или его этапа следует брать это целое или его этап в неразрывном единстве с их собствен-

² Там же. С. 75.

³ Там же. Т. 41. С. 180.

ными, внутренне присущими им противоречиями, выделить среди них главное, основное, проследить развертывание и разрешение этого и всех других противоречий, ибо только на этом пути возникает новая, более высокая форма развития. В конечном счете необходимо в самом общем виде в соответствии с выявленными законами развития мысленно сконструировать контур, макет, «образ будущего» данной системы по тем его единичным фрагментам («кусочкам», предпосылкам, «росткам»), которые существуют в настоящем ее бытии. А для этого нужно уметь найти эти фрагменты, элементы и выделить их из огромного числа других единичностей, затемняющих, скрывающих те «ростки», которые станут впоследствии компонентами будущей конкретно-исторической целостности.

Исследуя тенденции развития предмета как целостной системы, его будущее, познающий субъект должен избегать следующих методологических ошибок.

1. Стремиться выявить тенденции развития этого целого без знания его предшествующей истории и законов его изменения.

2. Пытаться обнаружить тенденции развития системы без выявления и анализа тех противоречий, которые «выводят» ее в будущее, или тем более стремиться скрыть, затушевать, «ликвидировать» объективно существующие в данной системе противоречия при помощи таких, например, приемов, как:

— отвергать противоречия без всякого объяснения и аргументации, то есть «устранять» противоречия тем, что предполагать их несуществующими. В. И. Ленин называл это «нежничаньем» с природой и историей, квалифицировал как филистерское желание «очистить» их от противоречий и борьбы;

— «ликвидировать» «живые противоречия живой жизни» чисто словесным путем, устранить их при помощи формальных доводов, «отговориться от них фразами», объявив их продуктами только терминологических недоразумений;

— единство противоположностей превращать в их непосредственное абсолютное тождество, исключаяющее полностью какие-либо различия между ними, а следовательно, их взаимоисключение, борьбу;

— устранять «плохие» противоположности, оставляя только «хорошие», что означает по существу игнорирование реальных противоречий как таковых, как «живого единства» противоположностей;

— рассматривать одну противоположность (как сторону противоречия) в развитии, а другую брать как неизменную, постоянную;

— внутренние противоречия, противоречия «в самой сущности предметов» сводить к внешнему противостоянию полюсов в разных отношениях или в разное время;

— признавать объективные противоречия и даже борьбу

противоположностей, но не доводить до признания их разрешения⁴.

3. Подменять рассуждениями о будущем развитии системы анализ ее современного состояния, «увеличивать» от исследования ее настоящего бытия (где только и могут создаваться предпосылки будущего) — прежде всего его противоречий и закономерностей развития.

4. Игнорировать «запрещающий» аспект законов науки и пытаться «вывести» то, что ни при каких условиях в рамках будущего состояния системы появиться не может.

5. Характеризовать будущее данной системы (особенно отдаленное) не в самых общих чертах, а во всех его мельчайших деталях и второстепенных подробностях, не понимая пределов предвидения, за которыми оно становится утопией, превращается в пустую беспочвенную фантазию и прожектерство.

Таким образом, основными ступенями реализации принципа историзма являются: анализ настоящего бытия предмета; изучение прошлого — генезиса и главных этапов его развития; выявление тенденций развертывания данного предмета, предвидение будущего.

На ступени предвидения имеет место воспроизводство знаний о настоящем, которые были добыты на исходной ступени, но на новой основе — прежде всего на базе тех понятий, теорий, законов и т. п., которые были получены при изучении прошлого и, далее, на основе новых фактов о самом настоящем. При этом сохраняются, удерживаются те знания, которые прошли проверку историей, и отбрасываются, уничтожаются те, которые оказались неверными, не подтвердились рассмотрением прошлого. Одновременно осуществляется переработка сохраненных знаний, их преобразование и углубление, наполнение новым содержанием. Тем самым происходит не только простое дублирование двух предыдущих ступеней, не только повторение их «известных черт», а существенное приращение знаний о настоящем, которые, развиваясь уже на новой основе, в новых условиях, углубляются и расширяются, все более адекватно совпадая с реальной историей данного предмета.

На ступени предвидения настоящее бытие предмета рассматривается прежде всего с точки зрения «зародышей» будущего (и условий их осуществления), которые порождены всем предшествующим развитием и служат объективной основой построения «моделей» будущего той или иной системы. На данной ступени исследования теоретический образ настоящего «разворачивается» не к прошлому, а ориентируется на будущее, предвидение которого становится здесь главной задачей познания. Тем

⁴ Об этих и других софистических приемах, искажающих понимание противоречий и их разрешение, см. подробнее: *Кохановский В. П.* Диалектика против софистики и эклектики. Ростов н/Д, 1984. С. 127—139.

самым, во-первых, настоящее понимается теперь не столько как результат, итог всей прошлой истории системы, сколько как основа, исходный пункт дальнейшего движения по направлению к ее будущему, которое является неизбежным, закономерным продолжением прошлого и настоящего, и, во-вторых, настоящее трактуется более полно и глубоко, так как становятся известны тенденции его развития.

Следовательно, принцип историзма может быть реализован во всем его объеме только тогда, когда познание прошло все три рассмотренные ступени и завершилось обнаружением основных тенденций развития исследуемого предмета, его будущего. В свою очередь последовательно научное предвидение в любой из своих конкретных форм (прогнозирование, предугадывание и т. п.) невозможно без прочной опоры на систему принципов материалистической диалектики, среди которых историзм — один из важнейших.

Характерная особенность диалектико-материалистического историзма состоит в том, что он органически связан с общественной практикой, с революционной деятельностью народных масс по преобразованию мира в соответствии с закономерными объективными тенденциями исторического процесса. Теоретической основой этой деятельности является строго научный анализ действительности, ибо «раз понята связь вещей, рушится вся теоретическая вера в постоянную необходимость существующих порядков, рушится еще до того, как они развалятся на практике»⁵. Этот анализ исходит из того, что в процессе развития одна конкретно-историческая система взаимодействия — бытие в форме настоящего превращается в другую систему исторической конкретности — бытие в форме будущего. При этом те элементы, которые в первой системе были единичными, подчиненными, но соответствовали общей основной тенденции развития, во второй системе становятся всеобщими, определяющими «лицо» данной системы.

Когда осуществляется предвидение событий, еще не имеющих места в действительности, то на основе уже известных законов и теорий происходит экстраполяция на будущее процессов настоящего и прошлого. При этом «экстраполируется лишь тенденция, существующая в настоящем, посредством усиления, как бы «удлинения» ее. Теория, которая лежит в основе этой формы предвидения, представляет собой обобщенное отражение множества закономерностей развития объектов в прошлом. И чем более длительный отрезок прошлого обобщает данная теория, тем более отдаленное будущее можно предсказать на ее основе»⁶. Однако это не означает фатальной предопределенности, ибо при данной экстраполяции учитываются допусти-

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Письма о «Капитале». М., 1968. С. 282.

⁶ Оруджев З. М. Диалектика как система. М., 1973. С. 298.

мые пределы, в рамках которых можно проецировать в будущее закономерности, выявленные в настоящем, возможность изменения этих пределов и данных тенденций и т. д.

Роль и значение прогностической функции историзма в наши дни возрастает, ибо мы не можем успешно решать дела исторического масштаба, не осмысливая прошлого и настоящего, законов и противоречий социальной жизни и не прогнозируя на этой основе основных тенденций развития общества на будущее. Сегодня нам необходимы не только подведение итогов и анализ результатов, но также точные научные прогнозы, опережающая картина практически предстоящих перемен, строго выверенные проекты последних, «рабочие чертежи» перестройки и обновления здания социализма. «Нам нужны не социальные утопии, а четкие ориентиры, объективные критерии социальности на всех этапах перемен, чтобы ясно виделись тенденции общественного развития»⁷.

Опираясь на историзм в единстве со всеми другими принципами материалистической диалектики и обобщая опыт социальных преобразований, марксистская теоретическая мысль должна быть устремлена в будущее, а не только погружена в прошлое. Тем более она не может «застрывать» на отдаленных от практики абстракциях в ущерб анализу животрепещущих проблем настоящего, закономерно перерастающего в будущее. Осмысление исторического опыта, подытоживание его результатов дает основу для надежных прогнозов, создания «образа будущего», выбора путей и форм достижения коммунистического общества.

Строго научная социальная теория несовместима с застывшим образом коммунизма (или отдельных его сфер, сторон, этапов), с абсолютизацией сложившихся на практике форм организации общества, лишённого к тому же противоречий и динамизма. Представления о коммунистической формации в целом, о конкретных ее ступенях и сферах непрерывно развиваются и обогащаются принципиально новыми положениями, отражающими изменения социальной жизни, новый исторический опыт, новые реалии, связанные прежде всего с обновлением и совершенствованием социализма, ускорением его развития, своеобразием нынешнего этапа мирового революционного процесса.

Для успешного развития теории и практики социалистического строительства на нынешнем их этапе необходимо четко понимать, что социализм нельзя представить в виде какого-то лишённого динамизма, неизменного общества, а практическую работу по его совершенствованию — как способ подогнать социальную действительность под предвзятые, неизменные схемы и формулы. Творческий подход несовместим с окостенением мыс-

⁷ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. М., 1988. С. 39.

ли, не допускает отставания учения о социализме от быстро меняющейся практики социалистического строительства. Он требует нацеленности научных исследований на адекватное отражение новейшего этапа общественного развития, выявления особенностей социализма нашего времени (а не «давно минувших дней»), его сущности и формообразований, тенденций его развертывания.

Исторический подход в своей прогностической функции ориентирует не только на изучение уже пройденных этапов, ступеней, фаз, но и на предстоящие этапы сложного, противоречивого пути развития. Он обязывает заблаговременно информировать общество не только о предстоящих позитивных переменах и положительных результатах, но и предупреждать об ожидающих его трудностях и проблемах. Принцип историзма должен способствовать разработке альтернативных вариантов социального развития и выбору лучших из них, обосновывать бесперспективность остальных.

Одна из неотложных задач общественнознания наших дней — определение перспектив, тенденций исторического развития, выработка надежных политических, экономических и иных социальных прогнозов. Развертывающийся сейчас процесс перестройки и направлен в первую очередь на укрепление основ социализма, развитие важнейших социалистических принципов и вместе с тем — на устранение всего того, что несовместимо с ними, на создание условий для эффективного использования громадного потенциала социализма. Заботясь об этом, нельзя ни в малейшей мере умалять или тем более отдалять коммунистическую перспективу.

Н. А. БАЛАБАН
Ивановский университет
Н. Н. НИКИТИНА
Уральский университет

Идеал как форма социального прогнозирования: противоречия структуры и развития

Вопрос об отношении людей к миру, границах и перспективах его изменения можно комплексно рассмотреть, исходя из проблемы идеала жизни для общества в целом и для отдельного человека. Именно благодаря наличию идеала жизни в структуре мировоззрения человек, социальная группа или общество в целом способны соотносить свои желания и цели с действительными результатами своей деятельности, а тем самым и осуществлять прогноз на последующую деятельность.

Идеал жизни в данном плане выступает как совокупность результативных устремлений субъекта деятельности, возможность осуществления которых он предполагает в ближайшей или отдаленной перспективе. Отсюда ясно, что человек, социальная группа или общество, лишенные идеалов, лишены и перспективы деятельности. Особенно четко данное положение высвечивается в период, прерывающий обычный, будничные ход времени — в переломные исторические эпохи для общества, социальной группы, которые захватывают в свой «водоворот» и отдельных людей; для отдельного человека, кроме этих исторических катаклизмов, существуют и переломные события личной жизни (смерть близких, любовь и др.).

Уровень развития идеалов, их «наполненность» социальным содержанием, их структура и функции могут показать, в каком направлении движется общество и человек на том или ином этапе своего существования. Но, чтобы исследовать идеал субъекта деятельности с этой точки зрения, необходимо четко представлять составные элементы идеала, противоречия его структуры и развития.

Структуру идеала как формы социального прогнозирования составляют, по нашему мнению, две основные области: утопическая и реалистическая. Отношение к миру с точки зрения наличествующих уже в нем явлений и процессов — реалистическое отношение; отношение, которое склонно к разрыву с реальностью, к полету мечты в умозрительном конструировании идеала — утопическое отношение.

В. И. Ленин, критикуя утопизм народников, писал, что определение утописта как **реакционера** подразумевает «не желание восстановить просто-напросто средневековые учреждения, а именно попытку мерить новое общество на старый патриархальный аршин, именно желание искать образца в старых, совершенно не соответствующих изменившимся экономическим условиям порядках и традициях»¹; народники, по его словам, надевали «себе на глаза шапку иллюзий и мечтаний, чтобы не видеть неприятной действительности»². Характерными чертами реакционно-утопического идеала народников В. И. Ленин считал: полное пренебрежение «к самостоятельным тенденциям отдельных общественных классов, творящих историю сообразно с их интересами»³, социальное прожектерство; воззрение на трудящиеся классы как на объект тех или других социальных мероприятий, как на материал, подлежащий направлению на тот или иной путь. Очевидно, что реакционный утопический идеал — это не просто анализ действительности, который не соответствует новым изменившимся условиям ее существования, исходит из

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 236.

² Там же. Т. 16. С. 294.

³ Там же. Т. 2. С. 539.

прежних, старых условий, а это прежде всего механически созданный идеал, не сопряженный в своем основании с реалистической частью идеального образования. Заметим, что современный социалистический идеал, объявленный в свое время сугубо реалистическим, обнаружил в себе черты догматизма, волюнтаризма, упрощенчества, прожектерства и др.⁴, то есть те самые черты, которые присущи и реакционному утопизму.

Возможность **прогрессивного** утопического идеала, сопряженного в своем основании с реалистическим подходом к действительности, признавали классики марксизма-ленинизма. Так, например, точку зрения русских революционеров-демократов по поводу крестьянской общины, которая традиционно оценивается как сугубо утопическая, К. Маркс и Ф. Энгельс расценили как возможную, допуская осуществление русской революции, свержение самодержавия в условиях общинного способа хозяйствования, при условии, что русская крестьянская революция и пролетарская революция на Западе «дополняют друг друга». Они допускали, что Россия, не испытывая мук капитализма, встанет на социалистический путь развития. В письме в «Отечественные записки» в 1877 г. К. Маркс в принципе согласился с точкой зрения Н. Г. Чернышевского на общину как на возможную форму перехода к социализму, но обратил внимание при этом на то, что «...если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя»⁵. В одном из вариантов письма к В. Засулич К. Маркс писал: «Если революция (русская.— Авт.) произойдет в надлежащее время, если она сосредоточит все свои силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя»⁶.

В то же время широко известно положение, сформулированное К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии»: «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние»⁷.

Думается, что между тем и другим подходом нет противоречия, наоборот, один дополняет другой. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс выступают не против идеала как такового, а прежде всего против гегелевской, сугубо утопической

⁴ Подробнее об этом см.: Багалов Э. Социалистическая перспектива и утопическое сознание // Коммунист. 1988. № 3. С. 77—86.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 119.

⁶ Там же. С. 410.

⁷ Там же. Т. 3. С. 34.

трактовки идеала; оценивая же точку зрения русских революционеров-демократов, они дают уже позитивную разработку структуры идеала как **сопряжения и реалистичной, и утопичной ориентации**.

В. И. Ленин, говоря о социалистах-утопистах, писал, что «они смотрели в ту же сторону, куда шло и действительное развитие», что они «гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно»⁸. Таким образом, было бы неверным абсолютное противопоставление утопизма как метода осмысления действительности и научности как метода познания действительности — они могут взаимно дополнять друг друга. Такое взаимодополнение возможно в том случае, если утопия идет в том же направлении, что и наука, использует ее достижения для прогнозов на будущее и стимулирует поиски субъектом действия путей претворения идеала в жизнь. Опираясь на работы целого ряда советских и зарубежных авторов, можно утверждать, что утопия органически-связана с идеалом как формой социального прогнозирования и что она является неотъемлемым свойством общественного сознания, выполняет определенные социальные функции и не должна рассматриваться как некая аномалия⁹.

Роль социального прогнозирования в современном обществе непрерывно возрастает, что связано как с ускорением темпов общественного развития, так и с усилением роли человеческого фактора. Огромное значение имеет также возрастающее влияние глобальных проблем современности на осмысление судеб человечества. В связи с этим в значительной степени меняется и роль марксистско-ленинской философии.

Современное состояние марксистско-ленинской философии оценивалось на XXVII съезде КПСС как недостаточно ориентировуемая на современные процессы, происходящие в обществе¹⁰. Такой уровень ее развития связан, на наш взгляд, прежде всего с недостаточным вниманием к прогностической функции философии, а следовательно, и к проблеме идеала. Научная литература фиксировала в основном «эталонное» представление о социалистическом обществе, закрывая глаза на «нежелательные» элементы реальности и действуя по принципу «этого нет, потому что этого не должно быть». Нетрудно заметить в таком подходе черты гегелевского абсолютного утопизма, кроме того,

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 240; Т. 6. С. 26.

⁹ См., в частности: Кессиди Ф. От мифа к логосу. М., 1971. С. 59; Пчелинцева Т. А. Истина и заблуждение в утопии // Ленинская теория отражения. Истина как гносеологическая категория. Свердловск, 1983. С. 139—141; Файнбург З. И. Прогностическое содержание социальных утопий: опыт постановки проблемы // Вопросы методологии и методики социального прогнозирования. Красноярск, 1983. См. также: Goodwin B., Taylor K. The Politics of Utopia. L., 1982. P. 28; Mannheim K. Ideology and Utopia. L., 1936; Bauman Z. Socialism: The Activ Utopia. L., 1976.

¹⁰ См.: Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 85.

этот путь закрывает дорогу всякому прогнозу, все дальше уходя от реального социализма и его исследования. По мнению Э. Баталова, «...социалистический общественный идеал являет собой неоднородное образование. Наряду с относительно устойчивым «ядром», без которого вообще нет социализма, он включает более изменчивые, производные от «ядра» и порождаемые новыми условиями черты, которые, как и конкретные формы воплощения сущностных черт, выкристаллизовываются в процессе происходящих преобразований и могут существенно варьировать в зависимости от условий места и времени»¹¹.

Более радикальной является точка зрения, выраженная на всесоюзном симпозиуме «Проблемы мирового общественного развития в свете нового мышления» Ю. А. Красным: «...Нельзя механически делить марксистское мировоззрение на две части: подвижную, включающую отмирающие представления, и неизменное ядро, не подверженное влиянию времени... константные величины... есть, они отражают общие законы развития природы, общества и мышления... развитие марксизма происходит по законам диалектики — через качественные скачки, обогащающие все его содержание: не только периферию частных представлений, но и сам фундамент принципов... На переломных рубежах развития марксистской теории все ее содержание втягивается в поток обновления, в котором ее революционная суть предстает уже в новом, подчас неузнаваемом виде; и как результат вся теория поднимается на качественно более высокий уровень»¹².

Нам представляется, что идеал субъекта действия (человека, социальной группы или общества) может и должен меняться **качественным образом** под влиянием изменения действительности. Этот вывод не нов (правда, применялся он, увы, только к домарксистским формам мировоззрения), однако наиболее важным представляется вопрос: как и по каким основаниям меняется идеал.

Мировоззренческий идеал личности несет в себе как черты общественного сознания на данном этапе развития общества, так и индивидуально-психологические черты, которые лишь в конечном итоге являются «интериоризированными отношениями социального порядка»¹³. Эти отношения накладываются на неповторимые психофизиологические особенности индивида, его природные задатки, темперамент, состояние здоровья и т. д., образуя неповторимую целостность — индивидуальность, кото-

¹¹ Баталов Э. Социалистическая перспектива и утопическое сознание // Коммунист. 1988. № 3. С. 79.

¹² Рахманин В. С. Проблемы мирового общественного развития в свете нового мышления: (Заметки со всесоюз. симпоз.) // Рабочий класс и соврем. мир. 1988. № 6. С. 173.

¹³ Выготский Л. С. Развитие высших психических функций: Из неопублик. трудов. М., 1960. С. 198.

рая отличает каждого человека от людей живших и живущих ныне. Ярко выраженная индивидуальная природа личностного идеала делает его одухотворенным, придает ему неповторимую прелесть, а тем самым делает и важнейшим стимулом к деятельности: человек в своих мечтах должен выходить за пределы того, что выглядит сегодня возможным, тогда он всю жизнь может искать пути к бессмертию, вечному благу, царству разума или созданию вечного двигателя. Все сказанное об идеале личности не означает, что утопических черт лишен идеал социальной группы или общества в целом. «Индивид *есть общественное существо*. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме *коллективного*, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, — *является* проявлением и утверждением *общественной жизни*»¹⁴. Поэтому утопические черты идеала личности на разных этапах ее жизненного пути суть проявление, прямое и опосредованное, утопических черт идеала социальной группы, к которой принадлежит данная личность, или общества в целом. Однако зависимость здесь не такая прямая, как кажется на первый взгляд.

В понимании **развития идеала как формы социального прогнозирования** мы исходим из того, что две его характеристики являются основными: аксиологическая (идеал — это ценность ценностей) и целеполагающая (идеал — это цель целей), но при этом аксиологический аспект мы считаем определяющим для идеала. Личностный идеал — это лично, индивидуально значимый чувственный образ своего собственного совершенного состояния.

Самую раннюю форму идеала личности описал еще Гегель, определив идеал «мальчика» как **авторитет**, авторитет взрослого, «мужа»; Гегель указал и на соответствующий этому идеалу тип поведения «мальчика» — подражание¹⁵. Соглашаясь с этими выводами, мы полагаем необходимым их объяснение и уточнение. Мировоззренческий идеал личности появляется в структуре ее сознания в период раннего отрочества. Объясняется это интенсивным развитием психического уровня личности, а также на современном этапе ускорением ее биологического развития (акселерацией). Осознание личностного своеобразия, выделение лично-неповторимого Я из окружающего мира приводит к появлению мировоззренческого отношения «Я — Мир» как духовно-практического образования. Мироотношение отрока выступает как **зависимость** от «больших», взрослых, старших, являясь отражением несамостоятельности его деятельности и отсутствия равноправного лично-индивидуального общения (дружба и первая любовь еще впереди). Зависимость эта — не

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 119.

¹⁵ Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1977. Т. 3: Философия духа. С. 78—92.

вынужденная, а естественная, закономерная, собственная потребность самого отрока, не достигшего еще социальной зрелости. В «зависимом» мироотношении закономерен идеал как образ **другого** человека, **взрослого, старшего**, причем идеализируются, как правило, **близкие**, хорошо знакомые люди. Из характера этого идеала и подражания как соответствующего типа поведения следует, что всякий ребенок как носитель идеала и каждый близкий к нему взрослый как предмет идеализации «обречены» на **идеальные отношения**, так как последние — элемент механизма социализации, необходимой передачи социально-личностного опыта. Представляется, что доминирующими чувствами идеального образа подростка являются **безотчетные** чувства **любви** и **уважения**. В конкретной «зависимости» эти чувства оттеняются многообразными оттенками: от известной боязни взрослого до его полного обожания. Герой автобиографической повести Л. Н. Толстого так воспринимал свою мать: «...любовь к ней и любовь к богу как-то странно сливались в одно чувство»¹⁶. Личностная зависимость отроческого идеала означает и то, что взрослый отражается и идеализируется не в комплексе всех своих качеств, а сквозь призму своего **отношения к данному** ребенку. Это специфическое свойство отроческого идеала проявляется в объяснительно-оценочной функции последнего. Являясь единственным элементом мировоззрения¹⁷, личностный идеал определяет эмоциональную окрашенность всей духовной жизни отрока, тип, характер его мироощущения, восприятие действительности в целом. Если отношение «взрослый — отрок» позитивно, более того, наполнено неподдельной заботой и любовью, то вся жизнь ребенка наполняется ощущением счастья, как у Николенки Иртеньева из упомянутой повести Л. Н. Толстого. Правда, и в этом случае ребенок не застрахован от сильных отрицательных переживаний: возможны ситуации несовпадения идеала с действительностью, выражающиеся, скажем, в достаточно безобидных, с точки зрения взрослых, ситуациях типа «отец не сдержал своего слова», — о подобной ситуации как о самом сильном потрясении своего детства писал Габриэль Маркес¹⁸. Когда же отношение взрослых носит равнодушный или отрицательный характер, оно порождает другую палитру мироощущений — негативную. Одну из таких ситуаций, думается, описал М. Штирнер, полагавший, что страх является доминантой детского мироощущения, когда страх — это боязнь всего: мира, родителей, вещей и проч.¹⁹. Вариант озлобленного, затаившегося, «волчонком смотрящего на мир» отрока — крайнее выражение превратной формы описываемого от-

¹⁶ Толстой Л. Н. Детство. Отрочество. Юность. М., 1955. С. 47.

¹⁷ О структуре мировоззрения см.: Лойфман И. Я. Отражение как высший принцип марксистско-ленинской гносеологии. Свердловск, 1987. С. 85—95.

¹⁸ См.: Маркес Г. Г. Чему нас учат дети // Семья. 1988. 10 февр. С. 12.

¹⁹ См.: Штирнер М. Единственный и его собственность. М., 1918. С. 23.

ношения. Каково же влияние личностного идеала на собственную жизнь в отрочестве? Конечно, это влияние невелико, так как жизнь личности в этот период носит в целом несамостоятельный характер. Идеал личности может влиять и влияет на качественную сторону общения и деятельности, порождая «идеальные отношения» и подражание как соответствующие идеалу типы общения и поведения. В том, кому подражает отрок, проявляется в определенной степени его свобода выбора, что порождает многообразие стилей жизни уже и на этом этапе личностного развития.

Юность характеризуется новой формой мироотношения: отношением **противостояния, противопоставления Я — Миру**. Это форма негармонического мироотношения, что отмечал еще Гегель. Последнее объясняется противоречивостью мироположения юноши: с одной стороны, он готов к самостоятельной деятельности и равноправному общению (по концепции К. К. Платонова, юноша — это личность, достигшая минимума социальной зрелости), с другой стороны — налицо невозможность моментальной реализации этой готовности. Поэтому сущностью юношеского идеала является стремление юноши **утвердить себя взрослым, быть взрослым**. Незнание реальной жизни и реального самого себя, проявившаяся в полной мере способность к абстрактному мышлению порождают абстрактность как важную черту юношеского идеала (М. Штирнер), отливающегося в форме принципов («Вперед!»...). Однако наиболее важную, интегральную, характеристику юношеского идеала вскрыл Гегель, заметив, что абстрактность в юношеском идеале сочетается с субъективностью. «В субъективности субстанционального содержания этого идеала заключается не только его противоположность по отношению к существующему миру, но также и стремление снять эту противоположность посредством осуществления идеала. Содержание идеала наполняет юношу чувством деятельной силы, он воображает себя поэтому призванным и способным переделать мир или по крайней мере привести в связь мир, который кажется ему распавшимся»²⁰. Эту главную черту юношеского идеала — субъективность субстанционально-всеобщего — Гегель определял в другой системе категорий как его **романтическую сущность**²¹. Представляется, что этот термин точнее отражает ту особенность юношеского идеала, когда общие, самые абстрактные принципы являются личностно значимыми, а точнее, являются самым ценным, что есть в жизни у юного человека. **Личностно-переживаемые абстрактные принципы** — это характерно для юношеского идеала. Последний определяет специфику юношеского мировоззрения как **романтического миропонимания**. В целостности своего бытия юношеский

²⁰ Гегель. Энциклопедия философских наук. С. 88.

²¹ Гегель. Соч. М., 1940. Т. 12. С. 148—154.

идеал предстает как весьма противоречивое образование, как чувство-идея. Сущее отражается в нем неудовлетворенностью и концепцией «все в мире не так»; должное вызывает чувство превосходства над примирившимся с этим миром. Все это придает идеалу в целом оттенок превосходящего его состояния, ожидания-надежды на неординарное осуществление своего взрослого Я в некотором будущем. Варианты романтического идеала и миропонимания могут быть различны: это и желание утвердить себя в переделке Мира, и мечта об идеальной любви, стремление к необычной профессии и т.п. Описанному идеалу и мировоззрению юноши соответствует романтический тип жизненной ориентации, подчас и самого бытия, а иногда, и быта. Эти проявления известны; добавим, что и такие явления, как юношеские самоубийства, встречающиеся не так редко, часто объясняются этой романтической ориентацией: «юноше легко отдать свою жизнь, телесное за ничто, за какое-нибудь вздорное оскорбление чести...»²² Юноша требует к себе и особого, авансированного отношения как к взрослому. Думается, что это востребуемое отношение также можно отнести к типу романтического. Но было бы неверным утверждать, что всем молодым людям свойственен романтический тип идеала и соответствующая жизненная ориентация. Некоторые из них не знают юности в вышеобозначенном, личностном, смысле; вынужденная деятельная самостоятельность, подчас еще с отрочества, да и личностная несклонность к романтическому восприятию действительности порождают такие исключения.

Следующий этап — зрелость, жизнь самостоятельного человека. Гегель расценивал основное мироотношение этого этапа как приспособление Я к Миру, отмеченное отказом личности от идеалов. М. Штирнер характеризовал зрелую личность как личность, меняющую идеалы на интересы. Полагаем, что Гегель отразил одну, хотя и весьма распространенную жизненную позицию, при этом, думается, и последняя не характеризуется полным отказом от личностного идеала. Зрелость характеризуется приближением личности к познанию **действительного** состояния себя и мира. На это указывает появление в структуре личности убеждений и выявление определенности ее характера. Считаю, что основным мироотношением этого этапа является стремление личности к **осуществлению своего Я в мире, к самоосуществлению**. Гегель в выводе о приспособлении зрелой личности исходил из концепции завершенности, законченности действительности. Личность обращается к себе не столько потому, что она «обломала себе рога» о законченные формы действительности, сколько потому, что «воля к жизни» (А. Швейцер), жизнеутверждение, атрибутивно присущие ей, требуют осуществления жизни индивида, его личности, его Я. И хотя эта пози-

²² Штирнер М. Единственный и его собственность. С. 25.

ция неотрывна от осознания личностью своих интересов, она не обречена фатально на штирнеровский эгоизм, ибо осуществление себя подразумевает изменение действительности. Жизненный путь профессиональных революционеров подтверждает нашу позицию. Н. К. Крупская писала, что путь к революционной теории и действию был не просто поиском «дела», но прежде всего поиском себя²³. Неэгоизм описываемой формы мироотношения проявляется и в том, что она сохраняет личностный идеал в структуре мировоззрения взрослого как **реалистический** идеал. Идеал взрослого неоднороден, структурирован. Идеал — это прежде всего стремление к утверждению своего **подлинного на сегодняшний день Я** в стихии ситуационного бытия (Я и не-Я). Личность улавливает счастливые совпадения Я и стихии повседневности («Сегодня я был самым собой!») и стремится сделать это совпадение нормой повседневного существования. Этот идеал можно обозначить как «стремление быть самим собой»; его достижение чувственно выражается в удовлетворенности ходом повседневной жизни. Однако личность может и осознать, что подлинность ее Я находится в принципе за рамками ее сегодняшнего существования. В этом случае идеалом выступает некоторое не-Я. Это может быть образ другого человека, его **отдельные** качества, в которых тенденции развития моего Я выразились лучше, рельефнее. Может иметь место комбинация такого рода образов. Личность может и рационально, на уровне принципов, «концепции жизни», осознать свое лучшее состояние («быть таким-то и таким-то»). Чувствование этих ориентиров и есть второй аспект личностного исходного противоречия (сущее — должное) — на фоне неудовлетворенности своим Я должное оформляется в **стремление превзойти себя**. Два отмеченных типа идеала в чистой, гениальной форме выразились в судьбах А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого. Б. И. Бурсов отмечает, что личностно-художническое Я Пушкина выявилось очень рано, еще в лицейский период, и вся его последующая жизнь была стремлением **реализовать** себя; для Толстого же было характерно всю жизнь **совершенствование себя**²⁴. Такова, на наш взгляд, теоретическая модель личностного идеала зрелой личности. Не в каждом она представлена полностью. У значительного большинства в зрелости функционирует лишь один — первый вариант идеала. При наличии отчуждения во всех его формах стремление утвердить свое действительное Я в ситуационности бытия является целью целей, долгим, желанным, самой высокой ценностью, ибо бытийная утрата личностного Я грозит душевными деформациями, ставит под угрозу само личностное существование. Другой вариант

²³ См.: *Крупская Н. К.* Как я стала марксисткой: (Из воспоминаний) // Пед. соч.: В 6 т. М., 1978. Т. 2. С. 87—92.

²⁴ См.: *Бурсов Б. И.* Судьба Пушкина: Роман-исследование. Л., 1985.

личностного идеала является, по-видимому, уделом «идеальных» натур. Сущностью идеала зрелой личности является стремление к **подлинному Я**. Реализм его как общая характеристика, как тип заключается в том, что идеал так или иначе ориентирован на реальную личностную данность Я, координаты идеала «сущее — должное» заземлены на эту реальность. Какова оценочная значимость этого идеала? Именно он помогает личности (тяга к подлинности) «всплыть» над плоскостью интересов, определяя **степень духовности** личности. Идеал способен «увлечь» взрослого, зрелого человека, так как он реалистичен и, следовательно, способен соперничать с земной тяжестью интересов. Какова его жизнетворческая роль? Личностный идеал зрелости «правит» жизнь личности по лекалу **подлинности существования**. Два кризиса зрелой личности: кризис 30—40-летних и «предосенняя» корректировка жизни так или иначе спровоцированы этой функцией идеала. «Кризис середины жизни», выражающийся в действиях разной степени напряженности: от смены хобби до смены профессии, круга общения, ломки семейно-бытовых устоев, связан в конечном счете со стремлением к обретению **своих** реалий бытия. «Предосенняя» корректировка жизни под влиянием фактора времени обретает специфический лейтмотив — **успеть** осуществить себя. Внутреннее напряжение этого периода не революционизирует, как правило, бытийных основ жизни личности. Стремление к увеличению меры подлинности существования в рамках **наличных** форм бытия характерно для этого периода. В это время, как правило, уже не меняют профессию, стремясь в уже выбранной сказать свое слово, или же реализуются в других сферах: стремятся улучшить наличные семейные отношения, наконец-то «взяться за свое здоровье», объездить мир и т. п. Речь опять же идет, по-видимому, о влиянии идеала личности на стиль ее жизни. Разумеется, эти два этапа зрелости наблюдаются в яркой форме далеко не у всех, степень их выраженности зависит от многих факторов: от меры личностного своеобразия, от характера личности (способности к изменению своей жизни), от точности выбора, сделанного в юности, от способности гибко строить свою жизнь, «на ходу» прислушиваясь к камертону своего личностного Я.

Гегель писал о старости как о физическом угасании и утрате личностного интереса к жизни. В полной мере с последним мы не можем согласиться, поскольку речь идет об активной старости. Этот вывод, думается, — продукт системы Гегеля, исключаящей самоценность отдельной личности. Исходя из жизнеутверждающей ориентации, мы полагаем основным мироотношением старости **«жизнь в этом мире»**. **Процесс жизни** становится высшей ценностью и целью целей, причем переживается этот идеал личностью как **желание жить**. Однако светский идеал лишь в таком виде не смог бы противостоять религиозному идеалу. Соотнесенность вышеупомянутого идеала с действитель-

ностью (угасание тела) накладывает неизбежную печать трагичности на старческое мироощущение. Но безысходность вовсе не является единственным и даже основным типом светского старческого мироощущения. Страху смерти может противостоять чувство **удовлетворенности** прожитой жизнью. Его основанием является осуществленность Я в реалиях бытия: результатах труда, детях и т. д. Это психологическое состояние отливается в сознании личности в принципах-надеждах результативно-итогового, смысложизненного содержания типа «не зря прожитой жизни». Сущностью же этих идей является **надежда личности на продление ее земного существования** за рамками смерти, **надежда на известное бессмертие**. Этот идеал требует особого типа отношения к старику и его жизни. Надежда требует подтверждения значимости жизни, ее положительной оценки, то есть уважительного отношения к старику. Гегель обосновывал угасание личностного интереса к жизни непротиворечивостью старческого мироположения. Считаем, что оно противоречиво: с одной стороны, стремление к продлению жизни как сущность идеала, с другой — биопсихическое угасание. Это сказывается на противоречивости идеала и мироощущения в целом. Очевидно, что жизнь как мироотношение требует хотя бы удовлетворительного физического состояния. Как ни в какой другой период жизни личность чутко «вслушивается» в свое физическое состояние, сознание старика в значительной степени «погружено» в состояние его тела. Это придает **заземленный** оттенок идеалу и мировоззрению в целом. Если к тому же личность путает цель и средства в этом «вопросе», то заземленность может стать доминантой ее мировоззрения. Удовлетворенность жизнью питается обращением в прошлое. Эту черту ретро подметил еще Гегель, иллюстрируя угасание личностного интереса к жизни. Однако эта обращенность может порождать **достойный** тип старческого мировоззрения, что возможно при осуществленности Я. Заземленность личностного идеала порождает **осторожность** физического существования как специфическую черту старческого бытия. Удовлетворенность прожитой жизнью одухотворяет жизнь старца и, позволяя сбалансировать трагический аспект мироощущения, позволяет **достойно встретить смерть**.

Таким образом, на всех этапах жизненного пути индивида личностный идеал определяет сверхзадачу, лейтмотив жизни личности, являясь своего рода индексом духовности личности. Жизнетворческая, ориентационно-прогностическая значимость идеала находится в прямой зависимости от степени жизненной самостоятельности личности. В отрочестве и старости идеал влияет на стиль жизни личности; в начале самостоятельной жизни, и особенно в зрелом состоянии, личностный идеал посредством выбора в рамках социально-возможного влияет на структуру жизненного бытия личности: структуру деятельности, круг общения, место жительства и т. д.

Методологические аспекты операционной культуры личности

Процесс целеполагания включает в себя предвосхищение в мышлении результата деятельности и пути его реализации с помощью определенных средств. История общественного развития свидетельствует, что цели и результаты деятельности нередко не совпадают. Классически это противоречие проанализировано К. Марксом, который, отвергая известный тезис «цель оправдывает средства», писал: «...цель, для которой требуются неправые средства, не есть правая цель»¹. Справедливости ради следует отметить, что подмена целей есть не только следствие применения антигуманных средств, но и в не меньшей мере средств несовершенных.

Достижение цели во многом зависит от вооруженности средствами. Поэтому интереснейшим объектом прогнозирования являются операционные возможности субъекта. Прогностические возможности философии в проектировании путей совершенствования вооруженности человека средствами есть смысл реализовать в плане развития культуры на различных субъектных уровнях: общества в целом, класса, социальной группы, коллектива, семьи, индивида.

Исходя из концепции целостности человечества, общности коренных интересов всех людей на планете, философы, политики, общественные деятели активно ищут новые средства решения глобальных проблем современности. Это и конструктивный диалог на политическом, гуманитарном, житейском уровне, и создание многослойных глобальных математических моделей, позволяющих научно обосновать систему запретов для человеческой деятельности, нарушение которых грозит гибелью, и народная дипломатия, и т. д.

По-новому просматривается операционная культура класса. Если средства достижения целей эксплуатируемым классом до завоевания им власти в известной мере ясны: классовая солидарность, интернационализм, парламентская борьба, создание широкого фронта демократических сил и т. д., то операционная культура победившего класса включает в себя не тронутые философской рефлексией блоки. Почему, скажем, не только в нашей стране, но и в ряде других стран построение социализма так или иначе сопровождалось массовыми репрессиями, уничтожением культурного слоя общества, узурпацией власти? Ведь

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 65.

В. И. Ленин не раз подчеркивал, что марксизм не может быть безразличен к средствам. Именно в операционной культуре класса есть смысл поискать ответ на вопрос, почему ленинский план построения социализма стал осуществляться неадекватными средствами.

В условиях хозрасчета обостряется проблема выбора средств в трудовых коллективах. Новые средства постепенно включаются в операционную культуру коллектива: выборы руководителя, компенсация издержек управления, преодоление критических точек в становлении специалистов (5—6 лет без продвижения по службе снижают деловые качества); изучаются психологические возможности членов коллектива для обеспечения свободного обмена информацией, работают возрастные цензы для администраторов.

Многое известно об операционной культуре семьи: сотрудничество поколений, приоритет супружеских ценностей, создание адаптационной ниши от стрессующих факторов внешней среды, автономия всех членов семьи (наличие разумной экстравертности по отношению к семье), разработана тактика поведения в условиях семейного конфликта и т. д.

Нашу статью мы посвящаем операционной культуре личности, полагая, что без развития операционной культуры на уровне индивида новые подходы относительно семьи, коллектива, класса, общества в целом не получат своего развития.

Культура выбора средств достижения целей, на наш взгляд, включает в себя следующие моменты: оценка ситуации и основных условий действия, установление границ возможного и невозможного; самооценка; оценка наличных средств и правил их выбора, расширение диапазона выбора средств; разработка альтернативных сценариев деятельности, различных репертуаров поведения, выбор оптимальной стратегии; контроль за исполнением.

Остановимся подробнее на перечисленных элементах операционной культуры. «Не все мы можем», — говорили древние. Действительно, уровень развития производительных сил, характер производственных отношений очерчивают границы возможного. И тем не менее очевидно, что невозможное для одного возможно для другого в приблизительно равных условиях: «тому был возмездием крест, а этому — диадема».

Оценка ситуации предполагает расширение сферы возможного. Простор для деятельности обеспечивает заинтересованность. «Если потребность ориентирована прежде всего на предмет удовлетворения, то интерес направлен на те социальные отношения, институты, учреждения, от которых зависит распределение предметов, ценностей, благ, обеспечивающих удовлетворение потребностей»². Человек должен знать общество, в

² *Здравомыслов А. Г.* Потребности, интересы, ценности. М., 1986. С. 75.

котором он живет, знать его историю, механизмы власти, особенности социальных институтов, от которых зависит удовлетворение его потребностей. Развитость интересов создает множество вариантов действий.

Интересно, что наиболее распространенный тип неврозов сегодня — это невроз ориентации, связанный с утратой понятной (объясняющей и ориентирующей) картины мира. Как правило, человек ограничивает свою деятельность не действием объективных законов общественной жизни, а своим представлением о них: не общество само по себе, а внутренний мир человека обрекает его на длительный дефицит возможностей, человек не ищет ситуаций для самореализации. Как говорил Ф. Бэкон, «либо случая нет, либо нас нет при случае».

Дефицит возможностей связан прежде всего с отчужденным бытием человека, с отсутствием личностного смысла в основных сферах жизнедеятельности. Общество предлагает личности множество ролей, играя которые можно успешно решать проблемы собственного развития. Если роли отчуждены от личности, то проблемы не решаются: нет личностного смысла в том, что ты член профсоюза — нет возможности решить жилищную проблему; нет личностного смысла в роли отца и матери — неизбежны проблемы в старости; нет личностного смысла в совершенствовании механизма власти, как следствие этого — застои; формальное членство в обществах защиты окружающей среды, охраны памятников культуры и т. д. в значительной степени сужает возможности полноценного отдыха, гармоничного бытия с окружающим предметным миром. Таким образом, расширение сферы возможного предполагает внедрение личностного смысла в сферу отчужденного бытия.

Личностная переработка ситуации заключается также в том, что в начальных условиях деятельности содержится возможность получить результаты, которые можно приписать себе, а не стечению обстоятельств, то есть оценить собственные способности. Давно известно, что препятствия дают новые возможности, и, по-видимому, прежде всего возможности для личностной переработки ситуации.

Оценка ситуации осуществляется исходя из принципа: «Никто не может сделать что-нибудь, не делая этого вместе с тем ради какой-либо из своих потребностей...»³ — несмотря на то, что где выгода, там и бремя. Изучение потребностей окружающих людей имеет ряд операционных аспектов. Во-первых, не потерял свежести афоризм Марка Аврелия: «Каждый стоит столько, сколько стоит то, о чем он хлопочет». Найти судьбоносные потребности, понять механизм их развития можно только опираясь на знание потребностных структур общества. Во-вторых, успех деятельности одного человека оказывает различное

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 245.

влияние на удовлетворение потребностей окружающих: это влияние либо нейтрально, либо способствует косвенно или непосредственно удовлетворению потребностей других людей, либо препятствует их желаниям, что диктует определенную тактику поведения. Следовательно, к основным условиям действия относится изучение системы потребления⁴.

Самооценка включает в себя, во-первых, самооценку, во-вторых, рефлексивную по поводу психоэмоциональной подструктуры человека, в-третьих, оценку личностных — собственно социальных качеств.

Самоанализ начинается с сомы. «Дано мне тело,— писал О. Мандельштам,— что мне делать с ним, таким единым и таким моим?»⁵.

На сегодня изучены требования, предъявляемые человеку различными профессиями⁶. Например, работа токаря требует длительного стояния на ногах. Поэтому тяжесть работы почувствует меньше тот рабочий, у кого более совершенное строение ног, нет плоскостопия. Хотелось бы подчеркнуть, что физиологические барьеры в процессе научения снять довольно сложно. Например, игнорирование физиологических критериев пригодности к профессиям, связанным со сборкой изделий из мелких деталей, приводит к тому, что нужная на производстве скорость не достигается рабочим даже в течение нескольких лет, при этом план выполняется на 50—60 %⁷. Действительно, «никого нельзя обязать сверх его возможностей».

Для виртуозного овладения профессией необходимо не только индивидуальное строение тела и мозга, но и индивидуальное устройство человеческой психики. В значительной степени индивидуальность определяется психоэмоциональной подструктурой человека. Правомерно ставить вопрос о генетическом многообразии по таким психологическим качествам, как темперамент, память, внимание, интеллект, восприятие.

Психологический тип личности определяется характером, темпераментом, особенностями восприятия, памяти, речи, воображения, понимания, эмоционального реагирования. К веко-

⁴ Следует отметить, что структура потребностей в нашем обществе в большей степени определяется не классовой принадлежностью и доходом, а социально-демографическим типом семьи (супружеская пара без детей, с детьми, молодая, зрелая или семья пенсионеров, неполная семья, молодой одиночка или в пожилом возрасте), типом жилища (отдельная квартира в государственном жилом фонде, собственный дом, кооперативная квартира или коммунальная, общежитие и т. д.), профессионально-квалификационной занятостью (сфера производства, обслуживания, управления). См. подробнее о потребностных структурах общества: *Римашевская Н.* Необходимость новых подходов // *Коммунист.* 1987. № 13. С. 64.

⁵ Цит. по: *Русская поэзия начала XX века: (дооктябрьский период).* М., 1977. С. 317.

⁶ См.: *Карцев И. Д.* Ищи свою профессию. М., 1973. С. 93; и др.

⁷ См.: *Карцев И. Д.* и др. Физиологические критерии профессиональной пригодности подростков к различным профессиям. М., 1977. С. 22, 52, 53.

вым типам характера относят волевой, рассудочный и чувственный характеры, воплощающие соответственно мощь, мудрость, человеколюбие.

Достичь желаемого можно только в том случае, если желаешь достижимого. Психическая конструкция в определенной мере очерчивает сферу достижимого⁸. Ситуация осложняется тем, что психоэмоциональное напряжение из-за сложностей социальной жизни повлекло за собой явление, которое С. Н. Давиденков назвал парадоксом нервно-психической эволюции. Он состоит в том, что в человечестве чрезвычайно широкое распространение получили патологические типы нервных систем, срывающихся при небольших жизненных трудностях. Соответственно большинство людей обладает очень хрупкой психической структурой: мимозоподобные личности, капризные недотроги, погибающие вне тепличной обстановки; мечтатели, фанатики — люди одной идеи и одной страсти; множество вариантов истерического типа психической конструкции — патологические лгуны, невыносимые болтуны, «несносные спорщики» — люди, имеющие склонность к скандалам, к бессознательному самовзвинчиванию, к стремлению обратить на себя внимание, к архикритическому мировосприятию; оторванность от внешнего мира, причудливая парадоксальность эмоциональных переживаний — основные элементы шизоидной конструкции.

Хотя бездарных людей нет, есть люди, бездарные к определенному виду деятельности. Осознание индивидуального профиля одаренности — важнейший элемент операционной культуры. Исследования динамики профессиональной ориентации молодых москвичей показало, что до поступления в вуз многие молодые люди не соотносят свои индивидуальные особенности со спецификой будущей профессии. Как следствие, 47 % студентов педагогических институтов не желают работать учителями по причине отсутствия склонности к педагогической деятельности. Аналогична аргументация 10 % медиков, 17 % экономистов, 14 % юристов, которые не повторили бы свой выбор⁹. Желанный социальный статус, приобретенный с получением диплома, не гарантирует успеха в профессиональной деятельности.

Социальное существование человека выражается в философии понятием «личность». Проблема личности в философии — это прежде всего вопрос о том, какое место человек занимает в мире, «чем человек может стать, т.е. может ли человек стать господином собственной судьбы, может ли он «сделать» себя самого, создать свою собственную жизнь»¹⁰.

⁸ См.: Гильбух Ю. З. Психодиагностика: теория и практика. М., 1986.

⁹ См.: Мкртчян Г. М., Чиркова А. Н. Динамика профессиональных ориентаций молодых москвичей // Социол. исслед. 1986. № 6. С. 166.

¹⁰ Грамши А. Формирование человека: (Записки о педагогике). М., 1983. С. 60.

Реальная возможность верной самооценки заключается в том, что важнейшие характеристики личности находятся не только в ней самой, но и в других людях. Личность — «Я» в «других» и «другие» во «мне» — такова одна из формул современной психологии. Например, человек агрессивен, груб, конкурентоспособен — это вызывает чувство тревоги у других, реакцию активного противодействия у других. Каждая черта внутреннего мира находит свое продолжение в других людях. Кто «Я»: герой или злодей? Ответ на этот вопрос — в деяниях, в жизни других людей. Познать себя можно по эффектам отраженной субъективности. «Безличность» — это характеристика индивида, безразличного для других людей, человека, чье присутствие или отсутствие ничего не меняет в их жизни, не преобразует их поведение и тем самым лишает его самого личности»¹¹.

Оценка наличных средств и правил их выбора, расширение диапазона выбора средств. Строй ценностных и нормативных символов, которые в общих чертах соотносят цель с ситуацией, ограничивает выбор средств, задает диапазон возможного и невозможного. Причем очень важна увязка средств не только с социальными нормами, но и прежде всего с тем, что для тебя значимо и ценно: честолюбие, любовь к родителям, верность слову, деньги, вещи, знания, прекрасное, чувственные, волнующие образы, межличностные отношения, сексуальность, объекты, требующие помощи, воспитания, авторитет, власть над другими, престиж, репутация, источники поддержки, помощь, положение в обществе, группа, социальная система как ценность, ибо «счастлив, кто смело берет под защиту то, что любит». В этой связи любопытно замечание М. Г. Ярошевского о том, что «поведение мучеников, идущих на костер, следовало рассматривать не как результат воздействия на них социальных условий самих по себе... а как результат их инкорпорирования внутренним строем личности, который Л. С. Выготский назвал характером. Очевидно, что характер приобретает роль условия поведенческого акта, его психологической детерминанты»¹².

Для осуществления своих намерений человек должен иметь источники власти (власть вознаграждения, власть принуждения, нормативная власть, власть эталона, знатока, информационная власть). Определяя силу своих источников власти, человек намечает стратегию их использования. В зависимости от субъекта воздействия строятся различные модели действия власти. Интересна модель действия власти по Картрайту¹³.

¹¹ Петровский А. В., Петровский В. А. «Я» в «других» и «другие» во «мне» // Будущее науки. М., 1987. Вып. 20. С. 244.

¹² Ярошевский М. Г. И. П. Павлов и Л. С. Выготский // Филос. науки. 1987. № 12. С. 50.

¹³ См.: Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М., 1986. Т. 1. С. 311.

1. МОТИВАЦИЯ
ВЛАСТИ

Актуальные потребности, состояния, удовлетворение которых возможно только в случае соответствующего поведения партнера

3. ИСТОЧНИКИ
ВЛАСТИ

Личностные: ум, физическая сила, красота, обаяние.

Институциональные: экономические, правовые, оружие, ролевые полномочия

2. СОПРОТИВЛЕНИЕ СУБЪЕКТА
ВОЗДЕЙСТВИЯ

4. ВНУТРЕННИЕ
БАРЬЕРЫ

Боязнь ответных мер, ценности, затраты, недостаточная уверенность в себе, институциональные нормы, культура

6. РЕАКЦИЯ
СУБЪЕКТА
ВОЗДЕЙСТВИЯ

Уступки, послушание, внутреннее согласие, потеря самоуважения, уважение к обладающему властью субъекту

5. СРЕДСТВА
ВОЗДЕЙСТВИЯ

Убеждения, угрозы, обещания, вознаграждения, насилие, принуждение, изменение окружающей обстановки

7. ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ
ПРИМЕНЯЮЩЕГО
ВЛАСТЬ СУБЪЕКТА

Изменение потребностно-го состояния, ощущение своей власти, новый образ субъекта воздействия, изменение ценностей

Продуктивна деятельность не одним мотивом власти, а различными мотивами партнера. С этой целью необходимо продумать различные варианты основных и побочных следствий в плане увеличения их привлекательности для партнеров. Рецепты такого рода ухищрений известны: аргумент к человеку, аргумент к милосердию, аргумент к невежеству; веками наработанные операционные тонкости: вдвойне дает тот, кто дает быстро; милее всего те подарки, ценность которых в самом дарителе; не быть жадным — уже богатство; не быть расточительным — доход; уметь наслаждаться прожитой жизнью — значит жить дважды; легко нести то, что несешь добровольно, и т. д.

Эффект сотрудничества достигается различными средствами. Это и любовь, и игра, и злорадство. Любовь, по определению, есть «интенсивное, напряженное и устойчивое чувство, выражающееся в стремлении быть своими лично-значимыми чертами с наибольшей полнотой представленным в жизнедеятельности другого таким образом, чтобы пробуждать у него потребность в ответном чувстве той же интенсивности, напряженности и устойчивости»¹⁴. Игра объединяет людей, подчиняет общим задачам. Играя, человек может добровольно изменить смысл известных ему вещей и с энтузиазмом отстаивать новый, игровой смысл. Механизм переориентации поясним на примере игры

¹⁴ Социальная психология. М., 1987. С. 97—98.

в «детский сад». Двое играют, а третий еще не вошел в игру и возмущается тем, что играющие собираются перевозить мебель в детском саду с помощью кубика, заявляя, что такой лошади не бывает. Но как только малышу надоедает наблюдать и он включается в игру, оказывается, что, по его мнению, кубик может стать не только лошастью, но даже парой лошадей. Злорадство — нередко встречающийся мотив сотрудничества. Вспомним, с какой целью Варвара дает Катерине ключи в пьесе А. Н. Островского «Гроза» — ключи, открывающие Катерине путь к беде. «Варварины ключи», как правило, дают по дружбе с целью обрести душевный покой от падения ближнего.

Побочные следствия деятельности могут продуцировать мотив сотрудничества не только отдельных личностей, но и групп людей. Скажем, есть ли интеллигентный способ получить дефицит вне очереди? Есть, если очередь будет иметь мотив расступиться. Так, герой Е. Будинаса дает пожилому человеку в конце очереди в кинотеатр 25 рублей с просьбой: «Передайте, пожалуйста, на два билета на 18.30». Импульс проникновенности, проследовав весь лабиринт очереди, вернулся к герою в виде двух билетов и сдачи в 5 рублей. «Признаюсь,— говорит герой, размышляя об операционной культуре вообще,— поначалу мне все это давалось с трудом. Все-таки очередь. Тогда все решала очередь... Это, конечно, демократично, но связано с целым рядом неудобств и требует значительных затрат внутренней энергии. Теперь проще. Теперь все решает личность»¹⁵.

К правилам выбора средств достижения целей относится соизмерение внутренних горизонтов свободы личности с границами свободы, которые находятся под официальной защитой государства, поскольку при определенных обстоятельствах они могут не совпадать. Например, необходимость оптовой торговли средствами производства в личном плане была осознана многими хозяйственниками до перестройки, а общественные нормы, очерчивая границы свободной деятельности, не санкционировали предприимчивость. Какие операционные идеи продуктивны в застойные периоды и в периоды реакции? Единственным ли символом порядочности в такие времена является бабочка, летящая в огонь? Над этим сегодня мучительно думают писатели и философы. Давно было сказано: «Мужайтесь и храните себя для благоприятных времен». Выбирая средства, надо знать противостоящие силы и уметь рассчитывать свои. «В невидимых, скрытых от масс «бескровных» гражданских битвах,— говорит В. Дудинцев, автор романа «Белые одежды», в котором положительный герой не в условиях войны, а в мирное время скрывает свое истинное лицо,— бойцу за истину нередко надо иметь совершенно особую стойкость. Он должен быть готов к непониманию и равнодушию со стороны близких

¹⁵ Будинас Е. Уходящий объект // Дружба народов. 1988. № 2. С. 196.

друзей, окружения. Он должен быть готов к тому, что истинные мотивы его действий будут всячески искажаться, что он станет объектом подозрений, наветов, клеветы, что разоблачить лицемерие будет невысказанно тяжело. Что, наконец, даже, если ему удастся доказать собственную правоту, его не ждут ни медаль, ни орден, ни рукоплескания, ни почет, а чаще всего результатом будет несколько ироничное отношение сослуживцев да прочная репутация неудобного человека»¹⁶. Двойная игра — атрибут человеческой культуры, который позволяет становиться новому в рамках старого. Возможны ли гарантии для мыслящих на запретные темы? — вопрос риторический. Вместе с тем человеческая культура вооружена богатым арсеналом средств, с помощью которых можно продуктивно мыслить в условиях несвободы. Это прежде всего абстрактное, философское видение проблем, прием доведения до абсурда, саботаж под видом поддержки, удушение объятиями, различные приемы риторики: подмена тезиса, в результате которой новое содержание вливается в старые формы, этическое, патетическое доказательство, смещающие акценты с содержания еретических идей на их оценку с позиций морали, позволяющее гневно осудить неприемлемое на сегодня, но осудить, обсудив, и т. д. Процесс доказательства заведомо ложного — тоже путь к истине, и путь более эффективный, чем уход от проблем.

К правилам выбора средств достижения целей и к способам расширить диапазон средств относится способность отклонить иллюзорное решение проблемы. Имитационные решения, как правило, используют следующие средства: перебор знакомых вариантов, подмена конфликтных условий задачи более приемлемыми, стремление решить не объективную задачу, а придуманную, продуцирование маниловских гипотез, обрамленных массой подробностей, заслоняющих реальный конфликт проблемы.

Расширение диапазона средств возможно исходя из анализа сущности основного конфликта с помощью устранения дефицита информации. Поиск новой информации заключается в умении ставить вопросы, причем вопросы абстрактные. Абстрактные вопросы, обобщая проблему, выделяют существенные задачи и таким образом дают новое видение проблемы. Что нужно найти: силу, форму, новую структуру, смысл и т. д.? Активный поиск необходимой информации ограничивает зону поиска и дает негативную информацию, а также создает информационную базу решения проблемы, то есть дает позитивную информацию, которая структурирует проблему, разрезает ее на кусочки, подающиеся решению.

¹⁶ Дудинцев В. Любовь к Отечеству — нелегкая работа // Комс. правда. 1988. 19 апр.

Психика человека диалогична. «Человек и наедине с собой сохраняет функции общения»¹⁷. Развитие операционной культуры опирается на внутренний диалог в процессе интериоризации схем деятельности различных людей. Л. С. Выготский в этом процессе обращал внимание на роль вспомогательных знаковых средств, которые выполняют функцию стимулов деятельности, позволяют легче овладеть своим поведением. Знаковый характер принципа регуляции высших психических функций дает возможность конструировать модели вариантов деятельности не только на основе слова, но и с помощью звука, цвета, движения, ритма, перспективы, мимики, жеста. Индивидуальность психосоматических характеристик личности определяет выбор соответствующих знаковых вспомогательных средств, что дает дополнительные возможности.

Разработка альтернативных сценариев деятельности, различных репертуаров поведения, выбор оптимальной стратегии. Развитая операционная культура ведет к способности различения большого числа альтернатив. Не случайно ведущие экономисты социалистическую предприимчивость связывают с умением разрабатывать альтернативные решения и выбирать наиболее разумные из них под свою ответственность.

Способность к многовариантному проектированию действительности необходима прежде всего потому, что если альтернативы осознаны, то в процессе выбора не происходит механического уничтожения противоположностей. «Чем острее борьба противоположностей, тем интенсивнее происходит процесс их взаимоотражения и тем в большей степени совершается изменение каждой из них под воздействием приобретаемых отражений-следов»¹⁸. В этой связи вспоминается оценка В. И. Лениным фигуры Н. И. Бухарина. Бухарин до революции оспаривал ленинские позиции в вопросах о государстве, о диктатуре пролетариата, о праве наций на самоопределение, доказывал невозможность победы социалистической революции в России, после революции возглавлял группу «левых коммунистов». Весьма уязвимой была его позиция во время дискуссии о профсоюзах. Тем не менее В. И. Ленин всегда оценивал Н. И. Бухарина как крупного теоретика партии и считал полемику с ним весьма полезным занятием, позволяющим в значительной мере отшлифовать собственное видение проблемы. Таким образом, выбор из множества вариантов одного не есть механическое отбрасывание альтернатив, а их диалектическое снятие. Волевым уничтожением неразвитых альтернатив в значительной степени снижает продуктивность деятельности.

¹⁷ Выготский Л. С. Собр. соч. М., 1983. Т. 3. С. 146.

¹⁸ Пивоваров Д. В. Тождество противоположностей в процессе развития: (методол. аспект пробл.) // Тождество противоположностей как методологическая проблема. Свердловск, 1987. С. 29.

Что способствует выбору оптимальной стратегии? Для продуктивной деятельности необходима неоднородная группа с различием мотиваций и уровней развития. А. Платонов еще в первые годы Советской власти гениально сформулировал главную заповедь врагов социализма: «Нельзя же думать кому по-пало».

Выбор оптимальной стратегии проходит ряд этапов, каждый из которых имеет свои операционные параметры: «противодействуй в начале», «не упускай из виду конца», «что порочно с самого начала, то не может быть исправлено с течением времени», «что сделано достаточно хорошо, то сделано достаточно быстро», «научайся познавать людей» и т. д.

Выбор оптимальной стратегии деятельности осуществляется исходя из социальной ситуации развития личности. Согласно Л. С. Выготскому, социальная ситуация развития не есть просто среда, обстановка развития, она представляет собой совершенно особое сочетание внутренних процессов развития и внешних условий, типичное для каждого возрастного периода; на стыке двух возрастов возникают кризисы развития, означающие завершение предыдущего этапа и переход к следующему. Совершается перелом, который А. Н. Леонтьев называет переходом к новой ведущей деятельности. Причем кризисы взрослых не имеют жесткой отнесенности к возрасту и могут быть спровоцированы ситуационно.

Различные социальные ситуации развития личности наполняются разными жизненными смыслами, которые и служат ориентирами для выбора оптимальной стратегии. Бессмысленная жизнь — бессмысленная задача для человека, если нет цели — не нужны никакие средства. Жизнь должна быть наполнена смыслами. Хотелось бы подчеркнуть, что значимые цели сегодня становятся бессмысленными завтра. В каждой возрастной группе свое содержание жизнедеятельности. Откладывание жизни на потом бессмысленно, ибо «пока мы откладываем жизнь, она проходит» (Сенека). Развитая жизненная программа включает в себя всесторонне развитое детство, всесторонне развитую юность, всесторонне развитую зрелость и старость.

Говорят, что молодость зависит не от возраста (или по крайней мере не только от возраста), а от темперамента. Возможность рассогласования между психологическим и физиологическим возрастом личности позволяет выглядеть и чувствовать себя моложе. Для этого существуют альтернативные средства. Можно, например, вступив в пору зрелости, сохранить ценности юности: если человек в оценке дружеских связей остается на уровне юности, то он чувствует себя моложе, но с неизбежностью отстает от сверстников в решении вопросов строительства семьи. Альтернативное средство — устремленность в будущее: если главные цели жизни уже достигнуты, человек чувствует себя старше; если будущее кажется более значительным, то

моложе. Считай, что еще ничего не сделано, пока что-то осталось сделать.

Как уже отмечалось ранее, лучшим средством снятия альтернативы является ее полное развитие. В реальной жизни зачастую имеет место механическое снятие — волевое уничтожение альтернативного видения. Соответственно, если индивид не может изменить ситуацию или повлиять на нее, то он от нее защищается. Как правило, защита чрезмерна, неадекватна воздействию неблагоприятных факторов: получил двойку — убежал из дому. Выбор оптимальной стратегии деятельности, основанный на особенностях психического склада, включает в себя продумывание «репертуаров поведения» — системы действий в ситуациях, которые вызывают раздражение.

«Сила Я» определяется мерой способности целенаправленно регулировать действия в условиях невозможности удовлетворения влечений нарастающей силы»¹⁹. Средством регуляции является воля. Воля, по мысли И. Канта, есть способность желания, внутреннее основание которой следует уже не из чувства, а из разума и размышления. Способы рациональной психической защиты достаточно подробно были проанализированы З. Фрейдом. Это «феномен вытеснения» (устранение из сознания неприемлемых представлений), «замещение» (перенос внимания с объекта, на котором стремление не может быть реализовано, на более доступный объект), «проекция» (освобождение от навязчивой идеи путем приписывания ее другому лицу), «рационализация» (попытка рационально оправдать мотивы, которые коренятся в области бессознательного), «сублимация» (превращение неприемлемого для сознания стремления в активность для него приемлемую).

Контроль за исполнением предполагает сбор информации о последствиях выбора, периодическое обследование результатов стратегии для определения возможности изменения некоторых параметров, количественных характеристик в целях улучшения результата. Контроль — одна из сложнейших областей человеческой деятельности. В ходе контроля, с одной стороны, возникает предвзятое изменение оценок в пользу выбранной альтернативы, с другой стороны, эффект сожаления — ценность избранной альтернативы снижается. Одни берут ответственность на себя, другие склонны приписывать неудачи обстоятельствам или товарищам. Существуют проблемы соизмеримости внутреннего и внешнего контроля и эффективности того и другого. Объяснение причин или неудач собственного поведения решающим образом сказывается на продолжении деятельности. Эффективность контроля в конечном счете базируется на справедливости

¹⁹ Бассин Ф. В. О «Силе Я» и «Психической защите» // *Вопр. философии*. 1969. № 2. С. 120.

оценок, воздаяний. Нами напрасно забыто одно из крылатых латинских изречений: «Справедливость есть постоянная и неизменная **воля** каждому воздать по заслугам».

А. М. БЕКАРЕВ
Горьковский политехнический институт

Методологические аспекты взаимосвязи прогнозирования и свободы

Взаимосвязь прогнозирования и свободы прослеживается по меньшей мере в трех аспектах. Во-первых, прогноз является условием и предпосылкой человеческой свободы. О какой свободе может идти речь, если будущее неожиданно обрушивается на человека, причем неважно в какой ипостаси — фатума или фортуны? Поскольку правильно сделанный прогноз кроме всего прочего содержит в себе творческий заряд, как бы творит (а не только отражает) будущее, то и сам процесс прогнозирования становится элементом сложного процесса освобождения человека и человечества. Во-вторых, для успешного прогнозирования тоже необходим определенный «запас» свободы. Оптимум в прогностической деятельности достигается в условиях максимальной свободы всех субъектов — общества, социальной группы, индивида. В этом смысле реальная свобода выступает как практическая предпосылка и условие научного прогнозирования. И, наконец, третий аспект взаимосвязи свободы и прогнозирования ограничен собственно областью прогноза, а именно прогноза свободы. Надо сказать, что прогноз свободы представляет собой, конечно, частный случай прогнозирования. Вместе с тем особенность этого частного случая заключается в том, что здесь мы имеем дело с объектом **философского** прогнозирования. В советской литературе отмечается и исследуется методологическая роль философии по отношению к более конкретным формам прогностики (скажем, по отношению к социальной прогностике¹). Однако в меньшей степени представлены области собственно философского прогнозирования, хотя именно здесь проявляется прежде всего социальный смысл и предназначение философии. Сложившееся положение в марксистско-ленинской философии можно охарактеризовать в тех же терминах, что и положение в философии до К. Маркса: она занимается скорее объяснением мира (или даже его интерпретацией), нежели изменением. Отсюда объяснительная функция

¹ См.: Гендин А. М. Предмет и основные функции социальной прогностики // Филос. науки. 1985. № 4.

философского знания получила куда большее развитие по сравнению с прогностической. Практика перестройки всех сфер общественной жизни настоятельно требует усиления прогностических возможностей в рамках обществоведческого и философского знания.

Первый аспект связи прогнозирования и свободы, где научный прогноз функционирует как предпосылка и идеальное условие свободы, изучен довольно обстоятельно². Тем не менее имеются основания акцентировать внимание на некоторых сторонах этого вопроса, так как в философской литературе связь прогноза и свободы подчас отрицается. Дело в том, что научное прогнозирование и свобода имеют один общий знаменатель — познannую необходимость. Отмечая важнейшие основания прогнозирования, многие исследователи (А. М. Гендин, И. Я. Лойфман, В. Н. Панибратов, М. Н. Руткевич и др.) указывают в первую очередь на объективные закономерные связи, единство необходимости и возможности. Свобода также, за редким исключением, трактуется как деятельность субъекта на основе познannой необходимости. Но именно на редких исключениях и хотелось заострить внимание. В первую очередь к таким исключениям относится позиция, согласно которой «свобода индивида может реализовываться и вне познannой необходимости», и «вопреки» ей³. В данном случае никакие указания на то, что вне познannой необходимости реализуется лишь индивидуальная свобода, а формула Ф. Энгельса верна на уровне общества в целом, не меняют сути дела. А раз так, то резонно задать вопрос: может ли осуществиться свобода индивида, если индивид вообще ничего не знает? Разумным может быть только отрицательный ответ, так как вряд ли ничего не ведающий индивид имеет право называться человеком и тем более осуществлять свое «Я». Можно предположить, что круг знаний человека ограничен областью исключительно случайных явлений (хотя и в этом случае происходит метафизическое противопоставление случайности и необходимости). Отсюда следует, что использование случайности для осуществления цели приводит к свободе. Не на такое ли понимание свободы указывали основоположники марксизма, когда писали: «Это право беспрепятственно пользоваться, в рамках известных условий, случайностью называли до сих пор личной свободой»⁴? Разумеется, мы вправе использовать то знание, которое было «до сих пор», то есть в рамках домарксистской философии, но при этом надо отдавать себе отчет в том, что

² См.: Бычко А. К., Бычко И. В. Детерминация, свобода, предвидение // Развитие, предвидение, планирование. Пермь, 1984. С. 125—133; Руткевич М. Н. Актуальные проблемы ленинской теории отражения. Свердловск, 1970; и др.

³ См.: Грушин Б. А. Возможность и перспективы свободы: (10 полев. вопр. и ответов) // Вопр. философии. 1988. № 5. С. 7.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 76.

такое знание является весьма ограниченным. Свобода, полученная путем использования случайности, является случайной свободой, в известном смысле «везением». На наш взгляд, если человек что-то знает, он знает также необходимость, — другое дело, насколько полно и адекватно. Свобода зависит не только от качества этих знаний (в том числе и прогностических), но главным образом от возможностей их практического использования. Верный прогноз — это важное, но, разумеется, не единственное условие свободы, хотя без этого условия свобода неосуществима. Что же касается возможности свободы «вопреки» необходимости, то это положение верно лишь в том случае, когда познанной необходимости, которая мешает свободно жить (катастрофы, голод, пожары и т. п.), противопоставляется другая познанная необходимость. Одного желания и цели преодолеть «чуждую» необходимость мало.

Рассмотрим второй аспект взаимосвязи свободы и прогнозирования, в рамках которого свобода выступает как предпосылка и условие успешного (в данном случае научного) прогнозирования. Здесь имеются выходы к так называемой проблеме прогноза с обратной связью, или к эффекту Эдипа, когда наблюдаются явления либо организации, либо предотвращения социальных предсказаний на основе человеческой деятельности⁵. Главная трудность здесь связана «не только с естественной сложностью познавательного овладения действительностью, сколько с «неопределенностью» протекания того или иного естественного процесса при вмешательстве в него человеческого действия. Ход событий в природе под воздействием человека существенно отклоняется от того, каким он должен быть «сам по себе»⁶. Ввиду того, что природная необходимость все-таки существует «сама по себе», ведущую роль получает изыскательский (поисковый) прогноз, который в данном случае преобладает над нормативным. Между тем следует особо учитывать и то обстоятельство, что «определенное отношение к природе обуславливается формой общества, и наоборот»⁷. И речь в этом случае может вестись не только вокруг проблем антропоморфизации природы, но и о более широком внесении человеческого компонента в познание природы, а именно о перенесении общественных отношений на познание природных явлений в их прошлом, настоящем и будущем, а также о том влиянии, которое оказывает та или иная общественная форма на процесс предвидения. С одной стороны, следует говорить о тех отношениях в обществе, которые вовсе для природы не характерны, но они

⁵ См.: Гендин А. М. «Эффект Эдипа» и методологические проблемы социального прогнозирования // *Вопр. философии*. 1970. № 5; *Он же*. Предмет и основные функции социальной прогностики // *Филос. науки*. 1985. № 4.

⁶ См.: Бычко А. К., Бычко И. В. Детерминация, свобода, предвидение. С. 125—126.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 29.

рассматриваются как объективные природные отношения (чаще всего неосознанно и имплицитно), например, отношения господства и подчинения. Поэтому, в частности, общественная форма, основанная на разделении труда и разделении на социальные группы, ведет к тому, что и природа разделяется на «классы», и объекты делятся по «функциям». С другой стороны, и на это хотелось бы обратить особое внимание, общественная форма может порождать частичных или целостных людей. Примечательна в этом отношении одна фраза на полях «Немецкой идеологии»: «Ошибка Фейербаха заключается не в том, что лежащую под носом чувственную видимость он подчиняет чувственной деятельности, устанавливаемой путем более точного изучения чувственных факторов, а в том, что в конечном счете он не может справиться с чувственностью без того, чтобы рассмотреть ее «глазами» — т. е. через «очки» философа»⁸. Аналогично этому горизонт и качество прогноза оказываются зависимыми от субъекта предвидения и от разделения труда в науке, которое делает несuverенным индивидуальное сознание; их развитие соответствует целостному и свободному развитию индивидов.

Еще сложнее обстоят дела с прогнозированием социальных явлений, хотя утверждение о свободе как предпосылке и условии адекватного прогнозирования и здесь остается в полной силе. Только в данном случае имеется в виду не абсолютная свобода всех и каждого, а свобода революционного класса и его идеологов. В иных ситуациях и для иных субъектов либо свобода сводится к минимуму, либо прогностическая функция социального знания постепенно сходит на нет. Поскольку история творится людьми, обладающими сознанием и волей, постольку в прогнозировании общественных явлений лидирующее положение занимает нормативный прогноз (в известной мере он подчиняет себе изыскательский прогноз). Сложность социального прогнозирования обусловлена во многом «самоуничтожающей» исторической необходимостью. Наилучшей иллюстрацией «самоуничтожающей» исторической необходимости служат слова Ф. Энгельса о параллелограмме сил и его равнодействующей: «Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, *бессознательно* и *безвольно*. Ведь то, чего хочет один, встречает противодействие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел»⁹. Как правило, с исторической необходимостью отождествляют только равнодействующую параллелограмма индивидуальных волей. Возможно, как раз поэтому появляются иллюзии свободы, когда человек реализует свои цели, как бы не соприкасаясь с исторической необходи-

⁸ Там же. С. 42.

⁹ Там же. Т. 37. С. 395—396.

мостью. Однако в структуру исторической необходимости включается не одна равнодействующая, которая Ф. Энгельсом характеризуется, кстати, более точно как историческое событие: в эту структуру включаются и индивидуальные воли, вступающие в противоречие с равнодействующей и друг с другом. В связи с «саморазорванностью» исторической необходимости вполне может показаться, что индивидуальные воли (точнее, деятельность людей по реализации собственных целей) и их равнодействующая — это разные вещи, хотя на самом деле они составляют две стороны одной медали — исторической необходимости. Если считать вечным такое состояние исторической необходимости, как «саморазорванность», то следует признать конфликт атрибутивным свойством свободы, что, собственно говоря, и делается в рамках буржуазной философии¹⁰. Внутренний разлад исторической необходимости — явление, разумеется, необходимостью, но не вечное. Правда, пока оно существует, возникают различного рода следствия, значительно влияющие на прогнозирование. Из характеристики, данной Ф. Энгельсом, прямо следует вывод о том, что исторические события предстают перед людьми в «виде» случайности, как то, чего никто не хотел. А поскольку видимость случайности здесь объективна, то предсказать историческое событие оказывается делом трудным. В качестве исторической необходимости рассматривалась чаще всего иллюзорная общность интересов людей, представляющая на самом деле общность интересов представителей господствующего класса. В условиях «саморазорванности» исторической необходимости она представляется тем, чем является для людей в действительности — случаем. Таким образом, «царство необходимости» не способствует адекватному прогнозированию **объективно** (на субъективных моментах, к которым относятся, в частности, иллюзорные формы идеологии, мы не останавливаемся, но несомненно их огромное воздействие на процесс прогнозирования). Между тем свобода является отнюдь не субъективной предпосылкой и условием прогнозирования, в том числе и прогнозирования свободы. Чтобы осуществить прогноз свободы, необходимо, чтобы сама реальная свобода уже до этого периодически возникала. Предвидится прежде всего то, что уже неоднократно случалось. Критерий повторяемости как существенный признак закона выступает ближайшей основой предвидения. В повторяемости, периодичности, цикличности проявляется мера сохранения вещи или явления. В общем виде предвидение поэтому и определяется как «отражение субъектом объективно-возможных явлений, основанное на знании меры явлений»¹¹. В связи с этим следует предположить в условиях существования «царства не-

¹⁰ См.: *Dahrendorf R. Gesellschaft und Freiheit. München, 1965.*

¹¹ *Лойфман И. Я. Отражение как высший принцип марксистско-ленинской гносеологии. Свердловск, 1987. С. 34.*

обходимости» реальность периодических флуктуаций свободы (по крайней мере как свободы относительной¹²). С другой стороны, скачок из царства необходимости в царство свободы связан с возникновением совершенно нового, ранее не известного качества. Можно ли в этом случае говорить о предвидении свободы? Думается, что можно. В нашей литературе вполне обоснованно ведется разговор о «предвидении непредвиденного»¹³, хотя это и кажется парадоксальным. Вместе с тем все та же мера сохранения вещи служит объективным основанием такого рода предвидения. Предугадать появление нового качества можно в том случае, если познаны возможности или хотя бы созрели предпосылки отмирания старого качества. Рассуждая о предвидении объективно-возможных явлений, мы, как правило, имеем в виду «ростки» будущего. Наряду с этим, однако, нельзя упускать из виду, что существующая («старая») действительность имеет свою меру сохранения и, стало быть, еще неисчерпанные возможности существования. Определяя эти возможности, можно предвидеть то, **чего не будет**, и уже на основе негативного прогноза и анализа «ростков» будущего составить более или менее адекватный прогноз. Невозможность дальнейшего существования явления выступает объективной основой появления и развития противоположного ему явления. Относительно прогноза свободы этот вывод выглядит следующим образом: невозможность дальнейшего развития «царства необходимости» — основа свободного развития всех.

Из всего набора объективных оснований прогноза свободы (к таким основаниям можно отнести закон, условия, направленность процесса и т. д.¹⁴) мы остановимся только на двух: 1) периодически повторяющиеся свободные действия в рамках господства необходимости — как **условия** господства свободы при коммунизме; 2) невозможность дальнейшего развития и существования господства необходимости. Характеристика свободы как условия прогноза свободы будет неполной, если сказать только о ее относительности и ограниченности. Различие между свободой как условием и свободой как обусловленным подобно различию между товарными отношениями до капитализма, когда они были подчиненными, и при капитализме, когда произошла экспансия товарных отношений. Свободное действие в условиях «саморазорванности» исторической необходимости, в условиях, когда волевые действия людей не только не совпадают, но и прямо противоположны их «пересечению», направлено

¹² См.: Грушин Б. А. Возможность и перспективы свободы. С. 12.

¹³ См.: Орлов В. В. Развитие, предвидение, планирование // Развитие, предвидение, планирование. С. 11—12.

¹⁴ См.: Панибратов В. Н. Категория «закон». Л., 1980. С. 114; Практика, познание, мировоззрение: Мировоззрен. содерж. принципов диалект. и истор. материализма. Киев, 1980. Гл. 5: Развитие, планирование, предвидение. С. 5—11.

преимущественно против этого «пересечения». Результаты совокупной деятельности людей, представленные прежде всего в получившей «видимость» самостоятельности общественной форме или структуре, господствуют над людьми; и лишь тот революционный класс, который поднимается над господствующей общественной структурой (другими словами, перестает быть «рабом разделения труда») и направляет свои действия против существующих общественных отношений, становится на какое-то время свободным классом. В этом случае свободная деятельность класса свободна в одном отношении — в отношении деструкции сложившихся общественных форм, иначе говоря, — это свобода «отрицания»¹⁵. Свобода в коммунистическом обществе является свободой «созидания» (коммунизм в силу этого и определяется как «производство самой формы общения», или общественной формы). Переход от свободы как условия к свободе как обусловленному осуществляется на основе разрешения внутреннего противоречия исторической необходимости. В данном случае возникают некоторые любопытные моменты, связанные с разрешением этого противоречия. Обычная схема рассуждений примерно такова: люди, подобно лебедю, раку и жуке, имеют разнонаправленные воли и интересы, что и обуславливает несовпадение итогового результата их деятельности с индивидуальными желаниями. Но на самом деле все обстоит иначе: именно **тождественность** воли и интересов порождает конфликты, и все дело оказывается в содержании тождества. Достаточно представить такую ситуацию, когда два человека пытаются занять одну и ту же вакансию, и сразу напрашивается вывод в духе «недоброжелательного общения» (И. Кант) или «агрессии» (К. Лоренц). При рассмотрении содержания тождества интересов и воли различных субъектов антагонистического общества обнаруживается следующая особенность: все люди стремятся обрести самостоятельность посредством господства над другими людьми, а орудием этого господства выступает частная собственность. Поскольку в обществе все составляющие его индивиды не могут в принципе стать частными собственниками, возможен другой вариант развития — все становится частной собственностью. И как раз этим вариантом развития оказался капитализм, то есть общественный строй (форма), при котором все подчинено интересам «голового» чистогана. Именно частная собственность нивелирует воли людей и является тем «яблоком раздора», ликвидация которого приводит к восстановлению единства исторической необходимости. Основоположники марксизма указывали на то, что «собственность есть распоряжение чужой рабочей силой»¹⁶. Действительное

¹⁵ См.: Берзин О. Г. В. И. Ленин о свободе и необходимости. Харьков, 1978. С. 23.

¹⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 31.

богатство людей заключается не в обладании чужими социальными силами, а в развитии своих собственных. Развитие собственных способностей означает всестороннее развитие индивидуальности, **нестождественности** одного человека другому человеку. Индивидуальное развитие каждого является условием объединения всех.

Таким образом, найдя причину того, что мы называем «царством необходимости» (частная собственность на живую и накопленную рабочую силу), достаточно установить пространственный и временной предел развития этой причины. Частная собственность достигает апогея развития в пространстве тогда, когда все становится частной собственностью, когда она подчиняет себе все другие отношения между людьми — политические, религиозные, нравственные и проч. Сложнее определить временной предел развития частной собственности. Как известно, К. Маркс связывал его с обществом свободной капиталистической конкуренции, В. И. Ленин — с империализмом как кануном социалистической революции. И до настоящего времени установить меру сохранения частной собственности довольно трудно, тем более что, даже исчезая в сфере экономики, частная собственность может проявляться в сфере политики, права, нравов и т. п. Достаточно привести примеры командно-волевого стиля управления, чтобы понять то, что и у нас не все проблемы частной собственности решены с победой социалистической революции. В этой связи, разумеется, нельзя сказать, что прогноз свободы не нуждается в уточнении в настоящее время. Причем, если можно так выразиться, нуждается в уточнении «изыскательская» часть прогноза, суть которой состоит в поиске всех факторов, мешающих подлинному объединению и всестороннему развитию людей. И, соответственно, определение «возраста» этих факторов — тоже важнейшая часть прогноза, которая может нам подсказать, как долго возможно развитие найденных факторов.

Н. В. БРЯНИК
Уральский университет

Внедрение науки в духовную жизнь общества: противоречивые тенденции

Высоко оценивая цивилизирующее воздействие науки на человека, В. И. Ленин уже в первые годы Советской власти настаивал на том, «чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой... чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне

и настоящим образом»¹. У В. И. Ленина мы находим такие рассуждения: «Посмотрите на карту РСФСР. ...Везде, где десятки верст проселка — вернее: десятки верст бездорожья — отделяют деревню от железных дорог, то есть от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом. Разве не преобладает везде в этих местах ...патриархальщина, обломовщина, полудикость?

Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого, преобладающего в России, состояния к социализму? Да, мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии, которое мы знаем теперь **благодаря** одной громадной и завершённой **научной работе...**»² (подчеркнуто мною.— *Н. Б.*). Под научной работой В. И. Ленин подразумевает план ГОЭЛРО.

Научная работа и ее непосредственное воплощение — техника, по мысли В. И. Ленина, должны не только изменить материальные условия жизни людей отсталой России, но и сделать их самих другими, перевернуть их мировоззрение: «Надо добиться того, чтобы каждая фабрика, каждая электрическая станция превратилась в очаг просвещения»³. Именно поэтому В. И. Ленин называл план ГОЭЛРО итогом научно-технической работы, второй программой партии. Он понимал, что если гуманистическая направленность социалистических идеалов не будет подкреплена научно-технической образованностью и культурой тех, кто борется за их претворение, социализм останется мечтой. Именно этим объясняется призыв: «Самая лучшая политика отныне — поменьше политики. Двигайте больше инженеров и агрономов, у них учитесь...»⁴. Начало этого процесса В. И. Ленин оценивал как крупный перелом: «Это начало самой счастливой эпохи, когда политики будет становиться все меньше и меньше, о политике будут говорить реже и не так длинно, а больше будут говорить инженеры и агрономы»⁵.

Интересно было бы проследить процесс нарастающего влияния науки как доминантного элемента культуры. Он привел к внедрению науки в общественную жизнь, к решению с ее помощью не только потребностей производства, но и самых что ни на есть жизненных, интимно-человеческих проблем. Это и вызвало в наше время в общественном сознании такое явление, как массовый фетишизм науки. В научно-технократическом мышлении наука воспринимается как палочка-выручалочка: она и первопричина загрязнения окружающей среды, и средство ее очищения с помощью новых технологий; наука способна вторгаться в генотип человека, вызывая непредвиденные последствия, но в то же время она и единственный способ избавления

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 391.

² Там же. Т. 43. С. 228.

³ Там же. Т. 42. С. 161.

⁴ Там же. С. 156—157.

⁵ Там же. С. 156.

от болезней, сотни лет преследующих человечество, и т. п. В сознании не только людей, профессионально занимающихся наукой, но и далеких от нее укореняется мысль о всесии науки. Отмеченные процессы и явления очень метко выражают слова о том, что вера в науку заменила веру в религию.

В 30-е гг. В. И. Вернадский, размышляя о природе науки, приходит к выводу: наука не занимает еще подобающего ее значимости места в обществе. И эту ситуацию надо менять, поскольку «с поднятием значения науки в государственной жизни неизбежно в конце концов и другое изменение в конструкции государства — усиление его демократической основы. Ибо наука по сути дела **глубоко демократична**. В ней «несть иудея, ни эллина»⁶. Как видно, В. И. Вернадский связывает с внедрением науки процесс демократизации государственной общественной жизни. Не будем углубляться в логику обоснования и аргументации этого вывода. Заметим только, что данная оценка науки у В. И. Вернадского не случайна, а является важнейшим положением его концепции.

Спустя сорок лет, в 70-е гг. нашего столетия П. Фейерабенд заговорил о чрезвычайной опасности повсеместного распространения науки, об агрессии, о шовинизме науки по отношению к другим формам жизни⁷. По его оценке, наука угрожает свободному обществу, поскольку с ней связаны антидемократические, догматические тенденции. Он как будто вступает в прямую полемику с В. И. Вернадским, когда утверждает: «Рационально-либеральное общество не способно включить в себя негритянскую культуру в ее подлинном смысле. Оно не способно включить в себя подлинную еврейскую культуру или культуру средневековья в их чистом виде. Все эти культуры оно способно терпеть только в качестве вторичных привоев к стволу **фундаментальной структуры, представляющей собой порочный альянс науки, рационализма (и капитализма)**»⁸ (Подчеркнуто мною.— Н. Б.). Чтобы снять или хотя бы смягчить межкультурную и социальную напряженность, задаваемую в своих истоках наукой, П. Фейерабенд предлагает радикальную меру — отделить науку от государства: «Наука есть одна из форм идеологии, и она должна быть отделена от государства, как это уже сделано в отношении религии»⁹. Особенно эмоционально и страстно он призывает покончить с монополией науки в духовной жизни общества и прежде всего в сфере образования.

Вряд ли есть необходимость вступать в полемику с П. Фейерабендом. Он, как и В. И. Вернадский, зафиксировал одну из

⁶ Вернадский В. И. Размышления натуралиста: Научная мысль как планетное явление. М., 1977. Кн. 2. С. 68.

⁷ См.: Фейерабенд П. Наука в свободном обществе // Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

⁸ Там же. С. 517.

⁹ См.: Там же.

реальных тенденций противоречивого по сути процесса проникновения науки в жизненно важные структуры нашего бытия. К тому же негативные тенденции, которые П. Фейерабенд обозначил как антидемократические воздействия науки, в 70-е гг. (по сравнению с 30-ми гг.), безусловно, усилились.

Смена сциентистско-технократического мышления (как разновидности фетишистской формы сознания) научно-гуманистическим мировоззрением — это следующий по логике реального развития общества этап, что должно найти свое отражение и в методологии науки, и в методологии социально-политической деятельности. В методологическом сознании гуманистический подход проявляется в новом видении природы науки и самого смысла научной деятельности. Этот подход уже отсчитывает собственную историю. Не вдаваясь в сложности и тонкости данного вопроса, приведем в качестве примера рассуждения одного из представителей гуманитарно-культурологического подхода к науке — И. Элкана, который сам себя относит к антропологическому направлению. Принципиальной для своей концепции он считает следующую мысль: «Мое фундаментальное предположение состоит в том, что различные измерения культуры: религия, искусство, идеология, здравый смысл, музыка — соотносимы; все они — культурные системы. И я отвергаю альтернативный подход, согласно которому культура может быть рассмотрена как арифметическая сумма своих измерений, которая затем может быть разделена на религию, искусство, науку и т. д.»¹⁰. Наука гуманистична не потому, что испытывает воздействие гуманитарных измерений культуры, а поскольку она сама органично вписана в культуру и является в ней лишь одним из измерений.

Более радикальной представляется позиция М. Хайдеггера: «Наука не есть просто культурное занятие человека. Наука — это способ, притом решающий, каким для нас предстает все»¹¹.

Поскольку влияние науки на духовную жизнь общества имеет не какое-то частное или фрагментарное значение, правомерно, на наш взгляд, оценивать это воздействие именно как **внедрение**, меняющее внутренние и глубинные структуры мыслительного строя эпохи. Этот процесс обнаруживает определенные закономерности, связан с борьбой научно-гуманистической и сциентистско-технократической тенденций. Конкретное соотношение этих тенденций зависит от социально-политических особенностей общества и изменяется на различных исторических этапах его развития.

Социализм в своей целевой ориентации должен создавать условия и формировать научно-гуманистическое мировоззрение,

¹⁰ *Elkana Y. Programmatic Attempts at an Anthropology of Knowledge // Sciences and Cultures. Dordrecht; Boston; London, 1981. P. 16.*

¹¹ *Хайдеггер М. Наука и осмысление // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 67.*

которое в программных документах КПСС конкретизируется как научно-коммунистическое. Эпитет «научный» фигурирует здесь не для красоты и полноты звучания нового типа мировоззрения. Возрастание степени сознательности (предсказанное еще основоположниками марксизма как закон развития нового общества) возможно только тогда, когда знание законов общественного развития и научная картина мира смогут стать достоянием не только узкой группы профессионалов — творцов науки, но и самой широкой общественности. И в этом деле большую роль должны играть пропагандисты, популяризаторы громадно разросшейся на сегодняшний день системы наук. По ленинским работам последних лет видно, сколь важную роль он отводил пропагандистам такого толка. Нам представляется, что именно в этом деле смогли бы практически проявить себя профессиональные философы в силу особого положения философии и в системе наук, и в культуре в целом.

В современном социалистическом строительстве повсеместное распространение получил сциентистско-технократический стиль мышления, и не только в экономике и сфере управления экономикой, но и в социальной политике, образовании, идеологии, и др. Несомненно, вопрос о причинах, формах проявления сциентизма и технократизма и их социальных последствиях на разных этапах социалистического строительства нуждается в специальном исследовании. И это, безусловно, тема обществоведов, хотя названные явления настолько наболели и стали очевидными, что в последнее время их социально-значимый анализ мы скорее встречаем в публицистике, выступлениях самых разных специалистов, чем у обществоведов.

Сциентистско-технократическая направленность экономического и социально-политического мышления приводит к обращению и перемене мест целей и средств в сферах экономической и социальной политики, и в конечном счете человек оказывается за кадром, он не принимается в расчет. Сциентистский подход захлестнул и философию. Научность оценивается как важнейшее достоинство философии, но при этом упускается, что на массовое сознание философия воздействует, будучи представлена как жизненная позиция, как жизненный принцип. Длительное развитие современной марксистско-ленинской философии преимущественно в научно-теоретической форме сделало ее доступной только философам-профессионалам и возвело ее в ранг официальной идеологии, не переходящей органически в мировоззрение и убеждения. Думается, что подобная ситуация сложилась и в других областях общественнознания.

Наиболее зримо позитивное и негативное воздействие науки на духовную жизнь общества обнаруживается в сфере образования. Сфера образования — важнейший показатель состояния духовной жизни общества. Массовое внедрение науки практически во все области человеческой деятельности оказало колос-

сальное влияние на воспроизводство рабочей силы. Сейчас в литературе общепризнана оценка образования как важнейшего канала и механизма реализации научных знаний. Его называют личностным механизмом реализации науки.

Какие изменения вносит наука в процесс образования, взятый не только со стороны воспроизводства им рабочей силы, но и как своеобразный механизм социализации, действующий в современных условиях социального прогресса?

Приобретение производством онаученного характера с момента возникновения крупной промышленности потребовало передачи элементарных научных знаний непосредственным участникам производства. Естественнонаучные и технические знания становятся важнейшей составляющей содержания образования. Исследуя историю образования, специалисты отмечают, что в XIX в. начальное образование приобретает массовый характер именно в связи с указанной причиной. Продолжающийся процесс сайентификации различных видов человеческой деятельности, который приобрел невиданные темпы в условиях научно-технической революции, привел к тому, что постоянно повышается минимум научных знаний, необходимый современным участникам исторического процесса. Мы приведем только один, на наш взгляд, весьма показательный пример. В Японии в 70-е гг. достаточно устойчивой стала тенденция, когда примерно 34 % всей молодежи страны, оканчивающей среднюю школу (12 лет обучения), поступает в вузы. И это вызвано потребностями научно-технического прогресса, в котором Япония занимает лидирующее положение.

То, что сегодня со всей очевидностью на повестке дня стоит потребность в непрерывном образовании, тоже следует оценивать как положительное влияние науки на содержание и механизм образования. Лавинообразно растущий поток новой научной информации, реализующийся в практике, и вызывает потребность в непрерывном образовании. В этом смысле миссия науки прогрессивна еще и потому, что наука не позволяет образованию догматизироваться. Так, например, информатизация и компьютеризация многочисленных сфер человеческой деятельности, развиваемые на основе целого комплекса отраслей научного знания, приводят к необходимости качественного обновления ряда традиционных учебных дисциплин, а также введения принципиально новых дисциплин. Во многих странах — членах СЭВ, участвующих в реализации комплексной программы по научно-техническому прогрессу, в школьные предметы введен курс «Основы информатики и вычислительной техники». Расходы на образование, на подготовку человека к существованию в онаученном и технизированном мире становятся сопоставимыми с расходами, идущими непосредственно на процесс внедрения науки в производство.

Те позитивные сдвиги, которые претерпела вся система обра-

зования под воздействием науки, одновременно сопровождаются и такими явлениями, которые уже сегодня мы достаточно однозначно можем оценить как негативные.

Усвоение научных знаний, даже его элементарных форм и уровней — занятие трудоемкое, требующее значительных интеллектуальных усилий, специальной подготовки. А постоянный поиск новой научной информации, ее переработка и воспроизводство придали образованию профессиональный характер. Высоко оценивая профессионализм в любом виде деятельности, мы нередко закрываем глаза на узость и односторонность, которые он несет с собой. Изъяны профессионализма как его обратная сторона особенно ощутимо дают знать о себе в последнее время. Сколь бы глубокой ни была специализация и подготовка к какому-либо виду деятельности, не будучи дополнена гуманитаризацией, постоянным обращением к культурному наследию прошлых эпох, она способна воспроизводить в целом безликую массу усредненных, посредственных специалистов, к которым не применимы понятия «образованность» и «интеллигентность». Стало очевидно, что и система университетского образования грешит подготовкой подобного рода специалистов: «университеты утратили свою роль центров духовной жизни и превратились в учреждения для приобретения профессиональной квалификации»¹².

Отмеченные тенденции приобрели в последнее десятилетие интернациональный характер. Задавая вопросом, в чем смысл образования, директор Кавендишской лаборатории — известного центра по подготовке специалистов-физиков высшей квалификации, приходит к выводу: «профессиональная подготовка... — более легкая часть работы, а трудная часть — распространение науки как главного компонента культуры»¹³.

Истоки и причины профессионализации образования, нацеленного на воспроизводство научных знаний, объясняются тем, что ростки онаученного образования с необходимостью возникают при капитализме, когда исторически прогрессивный смысл науки заключается в ее способности порождать новые типы техники и технологии, удешевляющие рабочую силу. При воплощении в производство и в образование, нацеленное на производство, от науки требовалось одно — быть полезной. В профессионализации как существенной особенности современного образования и закрепилось качество полезности. Это качество, будучи оторвано от полярных по сути культуротворческих, созидательных процессов целостного механизма социализации, превращается в профессиональный кретинизм. Антигуманную направленность онаученного в вышеизложенном смысле образования довольно точно выразил К. Ясперс: «Дух сводится к способности

¹² Пунпард А. Б. Образованный ученый. М., 1979. С. 47.

¹³ Там же.

обучаться и выполнять полезные функции»¹⁴. Многозначен и глубок смысл этой фразы. Из нее мы вычитываем дань величии науки (а в контексте речь идет о науке), которая сравнима с самой природой человеческого духа; вместе с тем сознательная ориентация лишь на полезное использование науки оценивается как умаление и принижение возможностей человеческой духовной деятельности.

Формирование навыков исследовательской деятельности, без которых не может состояться наука, должно пробуждать творческие потенции человека. Творчество неотделимо от культуры как целостного воспроизводства человеческой личности. Наука должна витать в представлении обучающихся и обучаемых не только как определенная технология, но прежде всего как научная культура, связанная с культурой породившей и воспроизводящей ее эпохи, с культурой мысли. На это должны быть ориентированы образование и подготовка не только будущих ученых-исследователей, но всех тех, чья деятельность так или иначе соприкасается с наукой. Перефразируя К. Маркса, можно сказать, что жить в онаученном мире и быть свободным от него нельзя. Поэтому образование должно ориентироваться не только на полезность науки, но и на дух науки — исследовательский, творческий, незапрофессионализованный.

Е. Г. ТРУБИНА
Уральский университет

Социальное отчуждение в науке: перспективы преодоления

Сейчас осознано, что оппозиции «наука — общество», «наука — культура» нацеливают на создание слишком абстрактных, условных моделей науки, что «ролевые», «функциональные» характеристики науки в ее отношении к обществу себя исчерпали. От анализа роли науки в обществе и культуре центр интереса исследователей сместился к пониманию культурной, социальной природы науки. При этом чем более «культурной» видится исследователям природа науки, тем менее она оказывается совместимой с пониманием науки как производства.

Приведем несколько тезисов, характерных для «культурного» подхода.

1. Нужна не только «экология культуры», но и «экология науки». Научная почва на грубую вспашку отвечает бесплодием.

¹⁴ Ясперс К. Современная техника // Новая технократическая волна на Западе. С. 121.

Научная деятельность в общественном сознании и в управленческих структурах должна оцениваться положительно, а не критически. Наши прежние потери невосполнимы, и главный их урок — бережное отношение к настоящему.

2. Наука — это вечный поиск истины. Служите ей — и вы будете счастливы.

3. Центральное место науки в культуре определяется тем, что она главное средство разрешения противоречия между потребностью человека в совершенствовании его сущностных сил и конкретными возможностями ее удовлетворения.

4. Природа науки, в особенности социалистической, состоит не столько в высокой рентабельности, обеспечении экономической эффективности производства, сколько в ее культурном предназначении, высоконравственном содержании, способности адекватно воплотить гуманистические ценности.

5. Творчество в науке предполагает целостного человека. Даже занятые во вспомогательных операциях люди компенсируют «частичность» своего труда сознанием высокой цели, причастности к созданию общечеловеческих ценностей.

Необходимость «производственного» взгляда на науку, который мы попытаемся развить, продиктована следующими соображениями по поводу приведенных тезисов.

1. «Экология науки» нужна. Но бережное отношение к настоящему требует признать достойным существования все виды научного творчества, все его направления и все его результаты. Кто и что позволит решить, что беречь, а что не беречь? Трудно говорить о «положительном эмоциональном фоне» общества по отношению к науке, если затраты на производство знания рассматриваются ныне уже не как предпосылка общественного развития, а как одна из его альтернатив.

2. Чтобы вывести из кризисного состояния «большую науку», необходимо понимание ее не только как поиска истины, но как социально организованного процесса производства знаний (результатов и способов решения проблем).

3. Спорен тезис о том, что гуманистическим предназначением науки определяется ее место в культуре. Последнее обусловлено системой связей науки с другими областями культуры, отношениями, в которых наука пребывает в рамках данного общества.

И верно ли считать, что сама наука не виновата в ее неправильном использовании политиками и практиками? Может ли быть неотчужденной наука в обществе, для которого отчуждение не стало еще достоянием истории?

4. Столь симптоматичная концептуальная реакция вызвана не только озабоченностью судьбой человечества, но и фактом утраты социалистической наукой приоритетов по ряду направлений. Что даст меньше оснований тревожиться за будущее человечества: «усугубление» культурной природы науки или возврат ее практической эффективности?

5. Чем более распространены такие мнения, тем менее ясно, как с ними можно согласовать конкретное положение человека науки, отчужденного от целей и результатов собственного труда. И разве отчуждение рациональных оснований науки от «мира» человека характерно только для буржуазного общества?

Существование личности в науке в качестве «частичного человека», «винтика» и даже «фактора» обусловлено сложившимся характером научного производства¹. Вполне оправдан, казалось бы, следующий мыслительный ход: чем меньше будет в науке от производства и чем она больше впитает в себя общекультурных ценностей, тем скорее обретет вожделенную целостность частичный человек.

Мы думаем иначе: только оптимизация науки как производства позволит сделать шаг к указанной цели. Оптимизировать его можно, не столько апеллируя к совести и ответственности «человеческого фактора», сколько поняв, что отношения, сложившиеся в рамках научного производства, являются отчужденными.

К. Маркс, показывая историчность степени и универсальности потенциалов человеческой индивидуальности, подчеркивал, что они «имеют своей предпосылкой как раз производство на основе меновых стоимостей, которые вместе со всеобщим отчуждением индивида от себя и от других впервые создают также всеобщность и всесторонность его отношений и способностей»². Рассуждая далее об ограниченности как «романтического взгляда», тоскующего по «первоначальной полноте индивида», так и «буржуазного», верящего «в необходимость остановиться на нынешней нашей опустошенности», К. Маркс указывает в скобках: «В качестве примера здесь можно взять **отношение отдельного лица к науке**»³ (подчеркнуто мною.— *Е. Т.*). Беспочвенность тоски по целостности античного мыслителя и апологетичность убеждения в вечности раздвоенного сознания ученого в буржуазном обществе равным образом снимаются следующим тезисом: цельная наука цельными людьми будет создаваться только на основе полного цикла научного производства. Оно не снимает отчуждения, но способно нейтрализовать его результаты: «Только потребление и завершает акт производства, придавая продукту законченность его как продукта... повышая посредством потребности в повторении способность, развитую в первом акте производства, до степени **мастерства** (подчеркнуто мною.— *Е. Т.*); оно, следовательно, не только тот завершающий акт, благодаря которому продукт становится продуктом,

¹ См.: Злобин Н. С. Культурная сущность науки // Наука и культура. М., 1984. С. 49.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. С. 105.

³ Там же. С. 106.

но и тот, благодаря которому производитель становится производителем»⁴.

При этом мы вполне разделяем точку зрения, согласно которой «придание показателям, характеризующим результаты фундаментальных исследований, чуждой их природе экономической метрики некорректно. Традиционные формулы экономистов здесь не годятся, но обсудить эти проблемы надо, чтобы яснее представить, что именно производит наука и техника»⁵. Товарный способ производства в науке порождает отчуждение, но, как это ни парадоксально, для снятия последнего нужно довести товарный способ до логического конца, позволить ему исчерпать все возможности. Обсуждение упирается, казалось бы, в проблему: есть или отсутствует в науке меновая стоимость? Ведь научный труд уникален, нет возможности соизмерить его результаты. Однако у громадного большинства научных результатов есть меновая стоимость: в науке много массовидного, технического, стандартизированного, репродуктивного труда, направленного на проверку и перепроверку результатов, воспроизводство образцов. Кстати, «традиционные формулы экономистов» обнаруживают свою исчерпанность не только в данном отношении, но и в рассуждениях о товарном производстве в целом. Не случайно в современной политэкономии настойчиво обсуждается вопрос, так ли уж необходимы классические категории стоимости для обсуждения устойчивой тенденции: в процессе производства вкладывается масса труда, но результат его не несет никакой пользы⁶. На первый план в характеристике товара выходит поэтому не стоимость, а определение, данное ему В. И. Лениным — как продукта, произведенного для обмена⁷.

При всех обстоятельствах ясно, что только полный цикл производства, завершающийся на рынке, способен снять разнообразные виды имитации научной деятельности, «делание ничего». Исключение же науки из сферы товарно-денежных отношений отрицательно сказывается не только на экономическом механизме, но и на самой науке, на ее производителях. Между тем рынок (в том числе рынок и научно-технических новшеств, и исследователей) способен развить «способность» участника научного производства до степени «мастерства» (К. Маркс) и высвободить частично науку из-под спуда централизованного управления, серьезно деформировавшего объективные критерии науки.

На первый взгляд, в литературе справедливо отмечается, что теперь «фундаментальные исследования по своим интенцио-

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 29—30.

⁵ Социальные показатели в системе научно-технической политики. М., 1986. С. 165.

⁶ См., напр.: Шаталин С. С. Оптимальное управление экономикой // ЭКО: Экономика и организация пром. пр-ва. 1987. № 3. С. 162—176.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 86—87.

нальным характеристикам мало чем отличаются от технических наук: для современного ученого более проблемный характер имеет эффективность, нежели истина»⁸. Х. Сколимовски, Дж. Фейблинг, И. Жарви эффективность действий связывают с эффективностью знаний, противопоставляя ее истине. Даже ложные знания могут приводить технологическую деятельность к успеху⁹. Возникает парадокс: истина оказывается неэффективной, а эффективное оказывается неистинным. Как озаботить ученого не только продажей, но и получением качественной продукции? Достаточно ли убедить всех, что тщательность и добросовестность лучше, чем халтура, ибо именно они соответствуют принятому современным научным обществом идеалу? Как быть с той, не столь уж редкой пока, лабораторией, которая идет по тупиковому пути и не может с него свернуть, так как нет фондов и т. д., и все при этом понимают, что истина сама по себе хороша, но зарплата-то идет... Пока условия научного производства воспроизводят халтуру, прохиндейство, пропаганда высоких идеалов мало что дает: иные образцы научной деятельности должны задаваться иными условиями производства. Г. Х. Попов констатирует: «исключая себя из политики, Зубр ограничивает себя как ученый, как человек, как патриот»¹⁰. Но ученый не есть сумма нескольких ипостасей, в каждой из которых он имеет разную ответственность. Мнение, что ученый как ученый отвечает только за добросовестность, неверно, ибо ответственность ученого — это ответственность участника производственного процесса. И разоблачения навредивших, активизация принципов добросовестности, самокритики и прочих принципов научной этики — лишь предпосылки реорганизации процесса, в который вовлечены глубинные явления. Поэтому упование на совершенствование самосознания исследователей подспудно влечет недопущение крупных политических решений, призванных переделать механизмы, порождающие ныне недобросовестность и прохиндейство.

Сознаем, что высказанные соображения трудно отличить от позиции структурного функционализма с его постулатом «человек — продукт обстоятельств»: «включение индивидов в... системы предполагает, что они должны четко выполнять предписанные им ролевые требования. Если этого не происходит, то вся вина ... списывается на организационное несовершенство структур, и решение проблемы упирается в дурную бесконечность»¹¹. Становление академической науки в СССР изобилует

⁸ Методологические проблемы взаимосвязи фундаментальных исследований и разработки интенсивных технологий. Москва; Обнинск, 1987. С. 75.

⁹ Там же.

¹⁰ Попов Г. Х. Система и Зубры: Размышления экономиста по поводу повести Д. Гранина «Зубр» // Наука и жизнь. 1988. № 3. С. 59.

¹¹ Осипов Г. В. Человеческий фактор и ускорение: (к вopr. о разраб. социол. концепции) // Социол. исслед. 1987. № 5. С. 13.

примерами реорганизации структур или создания новых, не всегда оправданных, порой бесполезных. Г. В. Осипов справедливо обращает внимание на то, что подобная реорганизация была внешней адаптацией к переменам, а не подлинным совершенствованием, и, как следствие, породила дисбаланс между организационной структурой и социальными качествами людей¹². Не секрет, что это обстоятельство оборачивалось невосребованностью талантов и процветанием посредственностей.

Требование переделки механизмов, порождающих социальное отчуждение, ориентирует на ожидание крупных перемен в обществе, которые, как следствие, породят изменения в науке.

Наука, а точнее люди, в ней занятые, тогда придут к осознанию своей родовой сущности, когда поймут, что ряд потребностей других людей могут удовлетворить лишь они. Главная из этих потребностей — в создании образцов действий и отношений, создающих условия конструктивного разрешения противоречий между логикой выгоды и логикой совести, соединяющих воедино свободу материальной инициативы и свободу духовного различия. Научное производство, следовательно, должно давать образцы производства общественной связи, исключая отчуждение человека от цели, от результата собственного труда.

¹² См.: Там же. С. 17.

В. А. ОКЛАДНОЙ
Новосибирский электротехнический институт

Философия как конструктивно-критическое иницирование развития науки

Когда мы говорим о прогностической функции философии в отношении науки, то очевидно, что речь идет не только о настоящем, тем более не об истории науки, а о будущем, точнее о переходе из настоящего в будущее — о том, чего в науке пока нет или не выявилось в полной мере, но что со временем может появиться, сложиться, в полной мере реализоваться. Также очевидно и то, что в данном случае речь идет не о пассивном наблюдении за развитием науки, но об активном участии философии в этом процессе. Справедливо мнение тех авторов, кто подчеркивает, что плодотворное обсуждение прогностической природы философского знания возможно в том случае, когда при этом рассматриваются вопросы инициирования развития науки, проектирования возможных изменений в ее основаниях, соучастия философии, соответственно ее возможностям и целям, в научном творчестве¹.

Здесь нельзя не вспомнить знаменитый тезис К. Маркса: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»². Наука также является частью того, что в тезисе названо «миром», и мы с полным основанием можем использовать заключенное в Марксовом высказывании содержание для обсуждения вопроса о прогностической функции философии в отношении науки.

Содержание тезиса, привычного, хорошо знакомого, в действительности исключительно сложно. В нем в краткой, афористической форме подведен итог размышлений о целом ряде философских учений, об их отношении к действительности; в то же время, как известно, «Тезисы о Фейербахе» — это и зародыш нового мировоззрения. Таким образом, человек, желающий опереться на одиннадцатый тезис, попадает в исключительно сложную ситуацию: слишком много проблем и решений скрыто за ним. Однако общая мысль К. Маркса очевидна: философия

¹ См.: Лойфман И. Я. Отражение как высший принцип марксистско-ленинской гносеологии. Свердловск, 1987. С. 34—35; Степин В. С. О прогностической природе философского знания. Философия и наука // *Вопр. философии*. 1986. № 6.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 4.

может по-разному относиться к действительности, к творчески преобразующей деятельности — может «лишь объяснять мир», то есть даже вопреки сознательным намерениям не работать на будущее, а может стать основой «практически-критической деятельности» и в этом смысле способствовать «изменению мира», переходу от настоящего к будущему.

Свою задачу мы видим в том, чтобы, имея в виду философские проблемы науки, привлечь внимание к отмеченному различию и выделить некоторые его существенные моменты. У нас нет возможности воспроизвести, хотя бы схематично, ход мыслей К. Маркса, позволивший ему вскрыть сущность и корни «объяснительного» отношения философии к действительности и разработать основы философии действенной и критичной³, и мы не пытаемся смоделировать этот ход мыслей на материале философии науки. Однако мы воспользуемся целым рядом выводов и аргументов К. Маркса в рамках решения сформулированной нами задачи.

Философское исследование, как и любое другое, начинается с некоторой проблемной ситуации. Как может показать анализ философской литературы, проблемные ситуации весьма многообразны по своему содержанию, поэтому мы упростим картину. Наука есть деятельность по производству новых знаний. Эта деятельность, помимо сугубо технических норм и предписаний, регулируется и принятыми в данных конкретно-исторических условиях определенными философскими основаниями — «образом науки», имеющим нормативное значение, дающим членам научного сообщества самосознание по поводу содержания и смысла собственной деятельности (то есть отвечающим на вопросы: «Для чего наука?» и «Что есть наука?»), содержащим аргументацию в пользу данного и контраргументацию против альтернативного «образа науки», задающим мировоззренческо-методологические регулятивы по осуществлению научных исследований. Целый ряд элементов «образа науки» — онтологические постулаты, методологические регулятивы, принципы организации знания и т. п. — могут закрепиться в научной практике, стать общепризнанными, функционировать, так сказать, в автоматическом режиме, но другие элементы (в период научных революций их число значительно увеличивается) могут стать предметом споров, дискуссий, порождая различные мировоззренческо-методологические позиции. Философские споры (их участниками являются и философы-профессионалы, и ученые) ведутся по поводу науки и для своего решения требуют апелляции к науке, к реальной научной практике. Проблема заключается в том, каким образом подойти к исследованию науки

³ Этот вопрос в определенной мере был нами рассмотрен ранее. См.: *Окладной В. А. Формирование диалектико-материалистической критичности // Критическая функция марксистско-ленинской философии. Свердловск, 1988.*

с тем, чтобы результаты философского исследования способствовали становлению нового в научной деятельности, то есть инициировали и проектировали деятельность по переводу науки из актуального состояния в новое, будущее. Выделим характерные моменты и следствия «философии объясняющей».

Исходная позиция. Чтобы разобраться в спорах по поводу философских оснований, определить, какая из высказываемых точек зрения верна, получить обоснованный ответ на возникшие проблемы, мы занимаем позицию рефлексии над наукой, точнее, разделяем, с одной стороны, высказываемые о науке философские утверждения, точки зрения, концепции и т. п., то есть философское знание, а с другой — науку, реальную научную практику и, обращаясь к последней, стремимся получить ответ на интересующие нас вопросы. Исследование реальной научной практики должно позволить выявить действительные черты и механизмы научной деятельности и, исходя из них, оценить имеющиеся утверждения о науке. Например, если возникает спор: работает ли принцип причинности не только в динамических, но и в статистических теориях, мы на время абстрагируемся от высказанных учеными и философами утверждений на этот счет и обращаемся к исследованию объектов статистических теорий; если возникает проблема научных революций, мы опять разделяем различные логико-методологические модели научных революций и реальную практику, изучаем историко-научные факты имевших место научных революций, стремимся всесторонне исследовать действительные механизмы коренных преобразований в науке и с этой позиции оценить представленные в философско-методологической литературе модели научных революций и т. п.

Существенный момент: разделяя реальную научную практику и философское знание, мы в последнее включаем и философские утверждения и концепции ученых, то есть разграничиваем науку и философскую рефлексию над ней последовательно и до конца. Например, Эрнст Мах — это крупный физик, но он же и создатель одной из философских концепций науки. Мах-практик реализовал в своей деятельности нормы и предписания физического исследования, то есть действовал так же, как и другие физики, как это вообще характерно для физической науки. Мах-философ занимался философской рефлексией над наукой. Его философию науки мы будем оценивать так же, как и другие концепции: обращаясь к реальной научной практике, включая в нее и то, что сделано Махом-физиком.

Философское знание и философская реальность. Занятая нами позиция разделения философской рефлексии и науки означает вместе с тем разделение философского знания, то есть системы философских понятий, или категорий, и, с другой стороны, — своеобразной философской реальности. Обращаясь к науке для разрешения интересующих нас философских проблем,

мы сталкиваемся с массой самых различных фактов, явлений, событий, но не все они и не в качестве частных фактов нас интересуют. Нам необходимо выявить «философскую сторону», то есть некоторые фундаментальные, существенные особенности научной деятельности, общие или даже всеобщие закономерности ее функционирования и развития. Мы можем рассуждать о науке в целом, либо об отдельной научной дисциплине, либо об отдельной научной теории, либо, наконец, о каких-то конкретных ситуациях научного познания, и в каждом случае нас интересуют существенные характеристики и закономерности науки, которые представляют «философскую сторону» науки, требуют для своего выражения специальный философский язык.

Результат философского исследования. Результатом является философское знание о науке, и для обозначения его формы обычно используются различные понятия: модель, теория, концепция, учение и т. п., например, «гипотетико-дедуктивная модель», «модель научной революции», «теория познания». Однако в целом, если отвлечься от деталей и различных языковых нюансов, иногда порождаемых модой, можно отметить, что за всеми используемыми выражениями скрывается то, что обозначается словом «теория». Обращаясь к исследованию «философской стороны» науки и занимая внешнюю по отношению к науке позицию, мы строим именно теорию со всеми присущими для нее функциями: объяснение, обобщение и т. д.

Подход-исследование. Когда мы обращаемся к решению спорных философских проблем, мы не конструируем, так сказать, не выдумываем содержание философского знания, но, наоборот, стремимся выявить, вскрыть это содержание в науке с тем, чтобы затем зафиксировать его в значении соответствующих терминов. Мы именно исследуем, открываем содержание «философской стороны» науки, ее философские основания. Этот исследовательский характер нашей деятельности отражен в значении и даже названии решаемых в данном случае задач и применяемых процедур. Так, мы строим «рациональную реконструкцию» тех или иных историко-научных фактов и событий, чтобы обнаружить, вскрыть соответствующие закономерности; мы «эксплицируем» значение каких-либо терминов, чтобы сделать его явным и более точным, то есть мы по самому смыслу процедуры «эксплицирования» предполагаем, что значение изучаемого термина уже существовало объективно, функционировало в его употреблении, но не было лишь прояснено и выражено в строгой рационально-логической форме. С помощью такого рода процедур мы постепенно выявляем философские, существенные характеристики и закономерности науки, «объясняем» полученные «описания» фактического положения дел, тем самым «обосновываем» формулируемые выводы и в конечном счете получаем «обобщение». Наш подход, таким образом,—

это исследование того, что есть, что представляет собой известная нам наука, **обобщение** ее механизмов и результатов.

Обоснование через предсуществующую сущность Философское знание, вообще говоря, может выполнять различные функции по отношению к науке. Функций столько, сколько решается задач с помощью философии. Но так или иначе «экологическая ниша» философского знания — основания науки и, соответственно, ведущая цель философских исследований — обоснование тех или иных принципов, подходов, методов научной деятельности. Обоснование как деятельность рационально-логическая настолько неотделимо от философии, что, как показывают факты, любой, кто пытается показать невозможность никаких оснований, сам строит обоснование. Но задача обоснования может пониматься и решаться по-разному. В рассматриваемом нами подходе обоснование имеет ту особенность, что оно строится, как уже говорилось, путем «исследования»: фундаментальные характеристики и закономерности науки объективно функционируют, но они не выявлены, их следует найти, строго описать и систематизировать, последнее позволит проделать обратную операцию, то есть собственно построить обоснование — вывести характеристики науки из философского знания.

Отношение к будущему. Если заново просмотреть содержание каждого из отмеченных выше пунктов, можно заметить, что ни в одном из них прямо не ставится задача соотнесения решаемых задач, применяемого подхода с возможным влиянием результатов исследования на будущее науки. Однако эта задача в конечном счете всегда имеется в виду. Ведь философское исследование обращено к фундаментальным, существенным характеристикам научного познания, следовательно, к таким, которые являются устойчивыми, будут, более того, должны проявлять себя в будущей деятельности. «Обобщение» научной практики и направлено на выявление фундаментальных характеристик, а «обоснование», собственно, и строится для того, чтобы обращение науки к новому, неизведанному базировалось на достаточно надежном фундаменте. Одни философы пытаются создать теорию научного творчества, законы которой позволили бы получать новые результаты «по правилам», другие отрицают возможность такой теории и обращаются к исследованию науки с тем, чтобы выявить в ней не правила открытий, а методологические нормы оценки, в частности проверки, построенных теорий, третьи рассматривают науку в эволюционно-историческом плане, стремясь открыть закономерности развития науки и т. д., и в каждом случае речь идет о том, чтобы результаты философской рефлексии над наукой могли тем или иным образом регулировать обращенную к новому научно-исследовательскую деятельность.

Остановимся на этом. Что в рассматриваемом подходе «объяснительного»? В чем его недостаточность для инициирования

и проектирования нового? Критический анализ этих вопросов позволит выявить и некоторые характеристики того философского подхода, который ориентирован на «изменение мира».

Оценивая философию Канта, Гегель отмечал: «Критическая философия требовала, чтобы раньше, чем приступить к познанию, мы подвергли исследованию способность познания. Здесь, несомненно, заложена верная мысль, что мы должны сделать предметом познания сами же формы мышления. Но здесь же прокрадывается ошибочная мысль, что мы должны познавать до того, как приступим к познанию, что мы не должны войти в воду раньше, чем научимся плавать»⁴. В этом высказывании, особенно в последней фразе, очень точно схвачена суть того отношения к будущему, новому, которое характерно для «объяснительной» философии. Последняя фактически претендует на большее, нежели инициирование и проектирование будущего, а именно: на знание будущего до процесса его реального осуществления. Эту мысль в эмоциональной форме подчеркивал и К. Маркс, который отмечал, что «до сих пор философы имели в своем письменном столе разрешение всех загадок, и глупому непосвященному миру оставалось только раскрыть рот, чтобы ловить жареных рябчиков абсолютной науки», что философы стремились «догматически предвосхитить будущее»⁵.

У К. Маркса мы находим и объяснение того, почему из «объяснительной» философии вытекало, что будущее известно до его осуществления. Она понимает себя как «созерцание, усматривающее «истинную сущность» вещей»⁶. Последнее чрезвычайно важно и многое объясняет. Действительно, если философская рефлексия над наукой претендует на раскрытие «истинной сущности», то тем самым она претендует на знание любых будущих состояний науки. Именно это и имеет место в том философском подходе, который мы анализируем. Нужно только добавить, что данный момент не всегда осознается и, более того, «исследовательско-обобщающий» подход способен вводить «истинную сущность» науки, то есть образ науки как таковой, науки вообще, даже вопреки сознательным намерениям.

Для доказательства последнего, важного, утверждения обратимся к фактам. Не вызывает сомнения, что когда Бэкон и Декарт пытались построить универсальный метод познания, они неявно вводили идею «истинной сущности» науки: правила такого метода действовали бы всегда и везде, в любом наперед заданном научном исследовании. Иными словами, это правила «науки вообще». Универсальный метод представлял бы собой, фигурально выражаясь, своеобразную «мясорубку», которая оставалась бы всегда одной и той же, независимо от того, какой материал ей предстоит «перемалывать».

⁴ Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 154.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 379.

⁶ Там же. Т. 3. С. 42.

«Истинная сущность» науки вводится и в тех онтологических концепциях, в которых допускается возможность говорить о «материи», «природе» самих по себе, безотносительно к меняющейся научной практике. В этом случае на деле вводится универсальный для любых научных теорий объект познания, образ объекта познания вообще.

«Истинная сущность» науки неявно вводится теми математиками и логиками, которые пытаются построить некоторые «единственно верные», раз и навсегда данные основания математики. Сама постановка вопроса найти Основания Математики вводит идею «математики как таковой», принципы которой будут реализовываться в любой наперед данной математической теории и никогда не будут модифицироваться последующими нововведениями.

Идея «истинной сущности» вводилась в эмпиристских концепциях «чистого опыта», «нейтральных чувственных данных» и т. п. Предлагаемые правила фиксации такого рода «опыта», несомненно, претендовали бы на «правила вообще», не зависящие ни от содержания объектов, ни от развития инструментария и методик эмпирических исследований, ни от характера научных теорий.

Примеры неявного введения идеи «истинной сущности» науки, приведенные выше, достаточно известны. Но сейчас в методологии науки, как никогда раньше, говорится об историзме, о развитии науки, о смене и преобразовании ее оснований. Можно ли говорить, что и при исследовании науки в таком аспекте конструируется абстрактная «истинная сущность»? Если применяется рассмотренный выше «объяснительно-обобщающий» подход, то неизбежно конструируется. Просто при этом производится определенная перестановка акцентов: вместо синхронического вводится диахронический план рассмотрения науки, и в том и в другом случае «исследуются» и «обобщаются» неизменные механизмы, только в последнем случае — это неизменные механизмы развития науки. Когда мы строим теорию развития науки, в частности теорию научных революций, «прогоняем» через «рациональные реконструкции» всю до сих пор осуществленную научную деятельность и стремимся не просто показать, как в том или ином случае действовали и что думали ученые, но именно за всеми этими действиями пытаемся выявить некоторый закономерный действующий механизм, выявить общее и существенное в многообразных конкретно-исторических ситуациях, то разве мы не ищем Законы развития Науки? Разве не конструируем новую «мясорубку», через которую с одинаковым правом, в «существенных аспектах», проходят и научная революция Нового времени и революция рубежа XX в., и Дарвин и Максвелл, и т. д.?

Развитие науки признается. Но если отыскиваются механизмы и законы, которые действовали на протяжении истории

и, следовательно, будут действовать в будущем, то в развитие вносится элемент, который сам не подвержен развитию, не зависел и не будет зависеть от содержания нововведений. Это та же неизменная «истинная сущность» науки.

Первым указанную перестановку акцентов осуществил Гегель. Вместо статичного «чистого разума» он стал рассматривать человеческий разум в историческом развитии, но при этом претендовал на открытие неизменной Логике развития. Кант дал структурную схему «чистого разума», Гегель сделал то же самое, только представил эту схему в виде своеобразной «временной развертки».

В логико-методологической концепции Поппера, в которой наука рассматривается именно в историческом плане, также неявно вводится «истинная сущность» науки. По Попперу, уже первые греческие натурфилософы, а затем, начиная с Коперника, Галилея и Ньютона, и вообще все ученые были «критическими рационалистами». Стандарты критической проверки научных теорий — это Метод Науки, или, другими словами, метод «науки вообще».

Примеры неявного конструирования неизменной «сущности» науки можно продолжать. Остановимся еще на двух, связанных с важной для нашей темы проблемой творчества. Нередко высказывается идея построения теории «диалектического доказательства». Если под этим понимается нечто подобное математическому или формально-логическому доказательству, то это явно попытка конструирования «истинной сущности» науки и вообще человеческого мышления. В построенном математическом доказательстве диалектики уже нет, в том смысле что она «снята»: доказательство должно преодолеть противоречия, контрпримеры и в итоге иметь непротиворечивую форму. Но процесс построения, нахождения доказательства диалектичен, в нем, как это отмечал еще Фейербах, мыслитель раздваивается, мысленно спорит с реальным или воображаемым оппонентом. В диалектическом, то есть творческом, процессе ничто не известно наперед, содержание доказательства складывается в самом процессе доказывания, в итоге может никакого доказательства и не найтись, это открытый процесс. Если мы попытаемся найти «правила» так называемого диалектического доказательства, фактически правила творчества, то мы неизбежно сконструируем некий «чистый разум», разум как таковой, не зависящий ни от какого конкретного содержания мышления. Это были бы правила построения любого возможного доказательства и в эмпирических науках, и в математике, и в логике и т. д., то есть это было бы доказательство вообще.

Сходная ситуация имеет место в достаточно распространенных попытках построить «метод научных открытий», «теорию решения изобретательских задач», применимую в техническом творчестве. В этом случае прямо ставится задача достичь тако-

го положения, когда технические изобретения и научные открытия будут делаться по заранее известным правилам⁷. Если бы такого рода теорию можно было создать, то она обладала бы необъятными прогностическими и эвристическими возможностями. Но, на наш взгляд, такая теория — фикция, попытка ее построения есть неявное введение фиктивной, абстрактной «истинной сущности» научного и инженерного мышления. Выскажем несколько аргументов в пользу этого утверждения.

Во-первых, эмпирический довод: со времен Бэкона и Декарта, пытавшихся создать такую теорию, теория не создана. Во-вторых, то, что в различных «рациональных реконструкциях» научных открытий и технических изобретений представляется как правила открытия, есть схема, сконструированная задним числом. Если такие правила действительно найдены, то нужно делать изобретения, «изменять мир», пользуясь выражением К. Маркса. Если же вместо этого нам продолжают показывать, какие правила действовали в тех или иных открытиях, продолжают доказывать существование таких правил, то это лишь «объяснение мира», апелляция к чему и показывает, что действительных правил еще не найдено. В-третьих, утверждается, что правила творчества «в действительности» уже есть, функционируют, их нужно только открыть. Если так, то сначала следовало бы открыть правила открытия правил творчества, ведь предполагается, что правила творчества всеобщи и универсальны, значит, не зависят от содержания изобретений и открытий. Если люди, решающие проблему правил творчества, считают свою деятельность также творческой, то есть открытой, без заранее данных гарантий успеха, без наперед известных правил (то есть такой же, как и у всех решающих творческие задачи людей), то этим признается, что правила творчества не существуют. Если утверждается, что правила все же есть, только не осознаются, тогда, как говорилось выше, сначала нужно открыть правила открытия правил (а затем и правила открытия этих правил и так далее до бесконечности), при этом не обращаясь к «рациональным реконструкциям» научной и изобретательской деятельности. Где можно открыть этого рода правила? Ведь теория открытий еще не построена. Нигде. Остается только фикция — неявно введенное представление о некоторой неизменной «истинной сущности» научного и инженерного мышления. Гегелю именно поэтому и пришлось в свое время представить процесс развития завершенным, что он оперировал абстрактными «истинными сущностями вещей»: Идеей государства, Идеей философии и т. д., то есть представлениями о философии вообще, государстве вообще, а равно и о мышлении вообще. Мысль о возможности правил открытий, именно

⁷ См. напр.: *Альтшуллер Г. С. Найти идею: Введение в теорию решения изобретательских задач.* Новосибирск, 1986.

потому что она вращается вокруг неявно сконструированной идеи мышления вообще, логически ведет к тому же концу: как только правила творчества будут получены, творчество прекратится. Останутся — если уж продолжать фантазировать о такой возможности — применения правил, а не изобретение и открытие правил, что до сих пор считалось творчеством.

Рассмотренный выше «исследовательско-обобщающий» подход в философии есть то, что К. Маркс назвал «созерцанием «истинной сущности» вещей». Это подход созерцательной философии, которая в силу созерцательности, в силу предпосылки, что фундаментальные характеристики науки — рассматриваемой статично ли, либо в историческом плане — уже сложились, «объективно» функционируют и их остается только выявить и обобщить, не выходя за рамки актуальной научной практики, не иницирует и не проектирует нового, но, наоборот, является способом мышления, закрепляющего, консервирующего надичные научные подходы и методы.

Сначала занимается позиция созерцания, а вслед за ней выстраивается и «истинная сущность» науки. Последняя вуалирует творчество, открытый характер развития науки, тот факт, что в каждый данный период наука стоит перед неизвестным, сталкивается с открытыми проблемами, которые в той или иной степени ставят под сомнение существующие нормы и критерии научности и для решения которых нет ни правил, ни гарантий успешности, заранее данных.

Якобы внешняя, нейтральная позиция философской рефлексии над наукой на самом деле не нейтральна. В ее основе лежит чаще всего неосознаваемый, методологический выбор, результатом которого является возведение некоторых вполне конкретных образцов научной деятельности в ранг «сущности науки». Когда, например, мы рассуждаем о механизме научной революции, то мы уже сделали выбор модели, образца того, что обозначили термином «научная революция». Исходя из этого образца мы и судим, есть ли вообще революции в науке, можно ли те или иные преобразования отнести к революциям, несмотря на то, что создатели какой-либо новой теории объявляют себя революционерами в своей области. Когда мы сталкиваемся с конструирующими философскими концепциями, высказываемыми учеными, и пытаемся для разрешения спора обратиться к «объективному положению дел», к самой научной практике, то неявно делаем тот же методологический выбор. В качестве модели берем онтологические допущения, методологические предписания и т. п. одной из конструирующих сторон, после чего заключаем, что философская рефлексия одних оппонентов соответствует «действительной науке», а у других эта рефлексия неверна.

На этом возведении конкретного образца научной деятельности в ранг «сущности» строятся различные «рациональные ре-

конструкции» истории, в которых целостная и регулируемая вполне определенными методологическими представлениями деятельность разрезается на объективную и субъективную стороны и последняя довольно легко интерпретируется в терминах другой деятельности, взятой за образец. Таким образом, например, Ньютон, который придерживался концепции Бэкона, после «реконструкции» и якобы внешнего и нейтрального исследования науки самой по себе оказывается и образцовым позитивистом, и критическим рационалистом, и платоником, и чистым материалистом (бог в его картине мира и вытекающие из идеи бога понятия абсолютных пространства и времени — это неподлинная, «субъективная» сторона) и т. п., но только не бэкоником. Т. Кун извлек идею парадигмальной «нормальной науки» из вполне конкретной ситуации⁸, затем, пользуясь термином «парадигма» достаточно вольно, всю науку «реконструировал» в схеме регулярной смены «нормальных периодов». Тем самым появилась «истинная сущность» науки, ее историческое развитие.

В «исследовательско-обобщающем» подходе абстрактная «истинная сущность» науки вводится с неизбежностью. Каждая из концепций-претендентов на интерпретацию «сущности» отплевается от какого-либо образца, характеристики которого переводятся на язык общих философско-методологических терминов, после чего, а также с помощью распространения образца на иные конкретно-исторические ситуации посредством «рациональных реконструкций», эти характеристики, собственно, и становятся представителями Метода Науки.

В готовой логико-методологической концепции, когда на науку смотрят через призму данной концепции, дело приобретает такой вид, будто скрытая «сущность» науки действительно предсуществовала в научной деятельности и лишь потом была выявлена и обобщена.

Поскольку исходные образцы отвлечены из разных конкретных деятельностей или ситуаций (вообще говоря, задним числом можно и одну и ту же деятельность интерпретировать различным образом), то появляется почва для самых разных объяснений «сущности» науки и философских споров по этому поводу. Последние, в принципе, могли бы быть бесконечными, поскольку абстрактная «сущность» не накладывает каких-либо ограничений. На деле такие споры имеют определенную привязку к конкретной научной практике, ибо каждая из конкурирующих методологических концепций чаще всего выступает представителем взглядов и практики какого-либо определенного сообщества ученых. Философия вовсе не открывает «истинную сущность» науки, но, конструируя последнюю, превращая принципы определенного научного подхода в Философию Нау-

⁸ См.: Кун Т. Структура научных революций. М., 1975. С. 10, 262.

ки, вырабатывает своеобразное «идеологическое» обеспечение соответствующего научного подхода-образца.

Когда за основу «обобщения» науки берется и задним числом «рационально реконструируется» уже сформировавшийся научный подход, то философия не создает нового, она лишь осуществляет «философское разложение и восстановление наличной эмпирии»⁹, вследствие чего «таким путем мы не приобретаем никакого нового содержания, а лишь изменяем *форму* старого содержания. Это содержание приобрело теперь философскую *форму*, философское свидетельство»¹⁰. Новое появляется лишь в распространении переведенного на язык философии образца на всю науку, в переинтерпретации различных научных подходов и исторических ситуаций с новых позиций. Поэтому, в частности, Ньютон, которого невозможно обойти ни одному автору Истинного Метода Науки, и становится то одним, то другим, то третьим. Интерпретации, объяснения науки изменяются, но наука от этого не меняется.

Мы затронули проблему творчества, и в ней суть вопроса, ибо творчество и есть тот механизм, который переводит настоящее в будущее. Первый шаг, с которого начинается философия, претендующая на инициирование, проектирование нового,— это критическое преодоление позиции философского созерцания.

Развивающаяся, открытая новому, и, главное, со временем меняющая свои философско-методологические основания наука требует по-новому подойти к осуществлению прогностической функции философии. Чтобы творить новое и приближать будущее, философия должна включиться в процесс созидания нового, переориентироваться с изучения того, что есть и что было, к инициированию и проектированию того, что возможно и должно быть. Суть дела не в призыве творить новое. «Объяснительно-обобщающий» подход тоже был ориентирован на поиск новых интерпретаций науки и, как мы видели, всегда имел в виду будущее науки. Суть дела в том, что прямое обращение философии к будущему, с учетом того, что речь идет о творческом процессе, заставляет переосмыслить некоторые привычные ходы рассуждений, порождает новые требования к философской деятельности.

«Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм,— писал К. Маркс,— находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики»¹¹. Эта известная мысль имеет у К. Маркса более конкретную расшифровку, непосредственно затрагивающую философию: «Разрешение *теоретических* противоположностей само оказывается возможным *только практическим* путем, только посредством

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 626.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 263.

¹¹ Там же. Т. 3. С. 3.

практической энергии людей... поэтому их разрешение отнюдь не является задачей только познания, а представляет собой *действительную* жизненную задачу, которую *философия* не могла разрешить именно потому, что она видела в ней *только* теоретическую задачу»¹².

Существо вопроса здесь — в связи философии с практикой, в нашем случае — с практикой научных исследований. Если мы, как это делается в «объяснительно-обобщающем» подходе, пытаемся оценить различные философско-методологические концепции, сравнивая их с тем, какова наука «на самом деле», то мы создаем ту ситуацию, которая «уводит теорию в мистицизм». Мы вводим несуществующую «истинную сущность» науки, и все теоретические дискуссии начинают концентрироваться вокруг того, чтобы дать наиболее верную интерпретацию этой «сущности».

Существо вопроса в том, что неверно изначально отделять научную практику от управляющей и регулирующей ее философско-методологической концепции; если нам эта концепция представляется в каком-то отношении неверной, неплототворной и т. п., то новая концепция должна рассматриваться не как лучшее объяснение того, какова наука «на самом деле», а как основа нового «дела», новой научной практики. Нет раз навсегда данной «истинной сущности» науки, но есть постоянное продуцирование нового в науке, в том числе и выдвижение ее новой сущности, новых философско-методологических оснований, которые должны реализоваться, однако, не в существующей, а в будущей, складывающейся научной практике. Характер философской деятельности в таком случае меняется. Останемся на ряде наиболее важных моментов.

Прежде всего отметим то, что уже упоминалось: философскую концепцию, которая подвергается критике, неверно отделять от соответствующей практики. В основе построения научной теории — что особенно заметно в деятельности по созданию новых фундаментальных теорий — лежит определенная исследовательская программа, которая придает всему процессу целенаправленный, в достаточной мере сознательный характер. Весьма часто, а когда речь идет о крупных преобразованиях в науке, то почти всегда, исследовательские программы специально выделяются в так называемых программных работах. В последних представлен проект будущей деятельности, в них, как правило, достаточно широко представлен и тот философско-методологический «образ науки», которым руководствуется ученый. Каким бы этот образ в последующем, с иной точки зрения, не казался неверным, он неотделим от той практики, которую он реально направлял и регулировал. Разумеется, в регуляции научной деятельности играет свою роль и це-

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. С. 594.

лый ряд неосознаваемых механизмов, но отсюда не следует, что сознательно разделяемые ученым философско-методологические убеждения есть лишь эпифеномен, какая-то не относящаяся к сути совершаемой деятельности субъективная рефлексия. Эта рефлексия не есть некоторый взгляд со стороны, она изначально была заложена в исследовательской программе и действительно работала: регулировала исследовательскую деятельность и реализовалась в ней, насколько успешно — это другой вопрос.

Мы можем, к примеру, говорить, что позитивистская концепция науки неверна и т. д. Но в каком смысле? По отношению к «истинной сущности» науки (которую, кстати, сами позитивисты искали)? Ясно, что мы делаем оценку с позиции своего «образа науки». Но чтобы не впасть в искушение представить последний как наконец открытую «истинную сущность», а также верно понять ученых-позитивистов (не объясняя их успехи той методологией, которой они не пользовались, и не относя неудачи на счет их собственных взглядов), нужно сначала признать то, что было. Была определенная концепция науки, и как неудачи, так и успехи ученых, сознательно разделявших позитивистскую программу, вытекают из соответствующей концепции. Скажем, И. М. Сеченов известен как материалист. И это верно. Но в посвященных ему работах почему-то упускается, что Сеченов руководствовался одновременно и позитивистскими идеями, в частности, Спенсера¹³. Эти идеи не были каким-то субъективным довеском, но применялись в конкретных научных исследованиях. Например, в проведенном Сеченовым исследовании развития представлений о причинной связи у ребенка и взрослого совершенно прозрачно используется позитивистское решение проблемы причинности¹⁴. Нам важна та мысль, что позитивизм — не просто концепция, которую можно оторвать от реальной деятельности людей, заключить в книги соответствующих авторов и затем сравнивать, так ли обстоит дело в «науке самой по себе», как написано в книгах. Позитивизм стал жизненной практикой и в науке, и даже в культуре, где он выразился в сциентизме и технократизме (опять же не просто в «рефлексиях», а в реальном поведении).

Другой пример, более близкий к современным проблемам. Широко известна концепция науки Т. Куна. Нас будет интересовать, в частности, та ее часть, которая посвящена механизмам функционирования «нормальной науки». Напомним наиболее характерные черты последней. В той или иной научной дисциплине посредством «техники убеждения», то есть посредством приемов воздействия на эмоционально-чувственную сфе-

¹³ См., напр.: *Мирский М. Б.* Революционер в науке, демократ в жизни. М., 1988.

¹⁴ См.: *Сеченов И. М.* Избранные философские и психологические произведения. М., 1947. С. 511 и след.

ру, устанавливается единственная, парадигмальная теория. Критика в адрес парадигмальной теории не допускается. Из жизни сообщества ученых исключаются расхождение во взглядах и соперничество конкурирующих точек зрения. Внешняя критика парадигмы преодолевается «техникой убеждения» либо вообще игнорируется, но в принципе «нормальная наука» стремится настолько распространить парадигмальный подход, чтобы никакой почвы для внешней критики вообще не существовало. К противоречиям и проблемам рекомендуется относиться как к головоломкам, то есть задачам, у которых есть гарантированное решение, и притом такое, которое обязательно должно быть дано с позиции парадигмального подхода. Если головоломка не решается, то источник неудачи следует искать не в парадигме, а в профессиональных качествах ученого: верность парадигмальной теории превыше всего.

Оценивая эту концепцию, мы можем действовать таким образом. Кун построил Модель Науки, и мы тоже имеем в виду, что методология должна построить Модель Науки. У нас имеются какие-то свои представления на этот счет, и мы сравниваем то, что нам известно, с тем, что утверждает Кун, и обращаемся к различным историко-научным фактам. Мы соглашаемся с рядом высказанных Куном новых мыслей, признаем, что он обогатил содержание Модели Науки. Но в то же время нам не совсем нравится, что в его образе науки исключены критика и соперничество различных точек зрения. Мы приводим целый ряд историко-научных фактов, показывающих, что в науке имели место разнообразные дискуссии и что они приносили пользу. Мы улучшаем Модель Науки. Теперь она вбирает в себя больше обобщений научной практики и лучше объясняет, что такое наука. Но кем-то или нами выдвигается новая идея: в исследовании научного познания нужно учитывать социокультурные факторы. Мы начинаем оценивать и... так далее и тому подобное: в итоге мы улучшаем Модель Науки, теперь она вбирает в себя больше обобщений научной практики и лучше объясняет, что такое наука.

Подойдем к оценке концепции «нормальной науки» несколько иначе, не отрицая того, что в приведенном выше типе рассуждений имеются свои рациональные моменты. После того, что раньше говорилось относительно понятия «истинная сущность науки», мы пользуемся выражением «модель науки» без заглавных букв. Мы привязываем модель «нормальной науки» к практике и ставим вопрос таким образом: была ли эта модель реализована в сообществе ученых какой-либо дисциплины и каковы были результаты такого типа функционирования дисциплины?

Можно, вообще говоря, найти немало фактов, когда различные школы в той или иной научной дисциплине функционировали по образцу «нормальной науки» и стремились, руко-

водствуясь своими методологическими убеждениями, вытеснить другие школы и ввести «нормальную науку» в рамках всей дисциплины. Но интересно то, что описанная Куном модель науки буквально во всех существенных чертах, разумеется, без помощи Куна, сложилась и функционировала в советской науке, начиная с 30-х гг. Сначала в одних дисциплинах, затем и в других и, наконец, практически почти во всей науке. В каждой дисциплине устанавливалась своя парадигмальная теория, она не критиковалась, альтернативные точки зрения исключались, «техника убеждения» использовалась широко, на первый план выдвигалась верность парадигме и т. д. и т. п.

Увязывая оценку философско-методологической концепции с той практикой, которую эта концепция регулировала, мы и выводы должны связывать с практикой. Если концепция в чем-то неудовлетворительна, неприемлема, то это означает, что не вполне удовлетворительна и та практика, которая регулировалась этой концепцией, верно и обратное. Следовательно, вопрос теперь состоит не в том, чтобы дать улучшенную интерпретацию существующей практики, а в том, чтобы улучшенная философско-методологическая модель стала самосознанием людей, выступающих против существующей практики.

Исходный пункт философии, ориентирующейся на иницирование и проектирование нового — это критический анализ реальных противоречий, сложившихся в конкретной научной практике (а не в Модели Науки и различных ее интерпретациях), выявление тех сознательно или неявно применяемых философско-методологических норм и принципов, которые явились источниками возникших противоречий, исчерпали свою плодотворность или вообще неверны.

Если возвратиться, скажем, к советской «нормальной науке», то порожденные ею результаты достаточно очевидны и много раз описаны. Но с философской точки зрения важно проанализировать тот «образ науки», то есть те философско-методологические установки, которые лежали в основе этого типа функционирования науки. Модель «нормальной науки» — это сравнительно внешнее описание поведения членов научного сообщества. Но у них есть и определенное самосознание, представление о том, какой должна быть наука. Это представление лежит в основе деятельности тех, кто сознательно принимает и утверждает соответствующую научную практику (сводить все к злой воле, нравственной нечистоплотности и т. п. — значит в значительной мере оставаться на поверхности событий).

Далее. Обращение к новому, к новой научной практике исключает то требование, чтобы новая философская концепция соответствовала всем имеющимся историко-научным фактам. Наоборот, она должна не соответствовать, противоречить тем фактам, против которых выступает. Если, допустим, разрабатывается философская концепция, дающая «образ науки», вклю-

чающий в себя наряду с методологическими и этические регулятивы, то эта концепция не может и не должна претендовать на то, чтобы она соответствовала всей наличной практике, ибо имеется довольно значительное количество ученых, которые продолжают в своей практической деятельности ориентироваться в основном только на чисто профессиональные, методологические нормы и принципы. Если, например, у П. Фейерабенда мы узнаем, что ученые нередко действовали по принципу «все дозволено», применяли предосудительные приемы борьбы и при этом добивались успеха, то это еще не повод для того, чтобы философская концепция непременно обобщала все, что ранее имело место. Наоборот, она может, а на наш взгляд, и должна разработать и пропагандировать образ науки, исключающий подобного рода практику разрешения научных споров.

Мы уже затронули вопрос об отношении к истории науки. Выделим этот пункт специально. В получивших в последние годы популярность «рациональных реконструкциях» истории так или иначе, иногда неявно, чаще явно, решается задача развития и обоснования определенной концепции науки, значимой для настоящего. Это вполне правомерно. Но все зависит от того, как эту задачу решать. Если мы хотим, чтобы эта концепция подтверждалась всей историей науки, то мы неявно вводим «истинную сущность» науки, строим Модель Науки. В этом случае начинают казаться значимыми выводы такого рода: ученый А придерживался каких-то методологических норм и внес крупный вклад в науку, следовательно, примененные им нормы есть нормы Науки. И мы действительно видим, как нередко в литературе для подкрепления современных концепций ссылаются и на Гегеля, и на Дарвина, и т. д. Мы уже говорили, что если концепция претендует на новое, то она не должна соответствовать всему, что было раньше. Отношение, на наш взгляд, должно быть иным. Обобщение истории — это выявление ранее найденных решений, пригодных и в настоящее время, и учет ранее сделанных ошибок. Иными словами, отношение истории — это критический учет имеющегося опыта, но не поиск скрытых механизмов науки, которыми можно было бы обосновывать актуальные концепции науки.

Теперь об обосновании. Если философия ориентируется на инициирование и проектирование нового в науке и, естественно, претендует на его обоснование, то нужно отметить, что она никогда не может обеспечить гарантированной надежности предлагаемого подхода, доказательства, что он является «единственно верным». Философско-методологическая концепция не может претендовать на роль теории, выявившей «сущность» науки, она, строго говоря, хотя и представляется обычно в форме описания того, какова наука «на самом деле», в действительности является программой, проектом будущей практики.

Ее обоснование единственно возможно через анализ существующих проблем, критическое обобщение результатов ранее применявшихся концепций. Действительная ее плодотворность определяется тем, оказывает ли она стимулирующее влияние и к каким результатам ведет.

Д. М. НИКОЛАЕВ
Уральский университет

Футурология науки: проблемы теоретического обоснования

Фундаментальной характеристикой настоящей эпохи является зависимость развития общества от науки. Строго говоря, существует взаимозависимость развития науки и общества. Однако мы оставим в стороне обширный комплекс вопросов, связанных с исследованием всего диапазона этой взаимозависимости, и сосредоточимся на одной проблеме — анализе возможностей предсказания развития науки и, таким образом, теоретического обоснования футурологии науки. Прагматический аспект решения этой проблемы представляется очевидным. При этом мы осознаем рискованность радикальных решений в такой сложной области, как науковедение, и попытаемся, скорее, обозначить и прояснить те трудности, которые лежат на пути создания эффективной футурологии науки.

Эта попытка может показаться нелепой и надуманной с двух, прямо противоположных, точек зрения. Согласно первой, прогнозирование науки невозможно, поскольку наука в принципе непредсказуема. Обратное означало бы, что мы заранее знаем открытия, которые еще не сделаны. Отсюда, в частности, выводится следствие, что непредсказуемо также развитие общества в силу существующей зависимости его от развития науки, и на этом основании отвергаются как авантюристические идеи глобального проектирования социального переустройства жизни людей.

Согласно второй точке зрения, прогнозирование науки не только полезно, но и вполне возможно. Для подтверждения этой точки зрения достаточно сослаться на ряд успешных предсказаний развития научно-технического прогресса и на широкую сеть научных центров как правительственного, так и неправительственного уровня, появившихся во всем мире в XX в., особенно во второй его половине¹. Причем одной из основных

¹ Динамику возникновения и развития этих центров можно проследить, например, на основе сопоставления данных, представленных в следующих работах: *Бестужев-Лада И. В. Окно в будущее*. М., 1976. С. 244—259; Рабочая книга по прогнозированию. М., 1982. С. 370—386.

тем во всех крупнейших центрах по социальному прогнозированию является анализ развития науки и техники.

Таким образом, проблема анализа прогнозирования развития науки становится вдвойне проблематичной, и предвременно мы обязаны устранить по крайней мере проблематичность самой ее постановки. Для этого необходим более точный взгляд на то, что, собственно, подразумевается под развитием науки и прогнозированием этого развития.

Прежде всего относительно самой процедуры прогнозирования. Словесная синонимия значения деятельности по созданию знаний о будущих событиях — прогнозирование, предвидение, предсказание, отражение будущего и т. п. — есть признак, с одной стороны, наличия нюансов и разнообразия в способах осуществления этой деятельности и, с другой стороны, опасности различных интерпретаций и определений этого значения в зависимости от философских позиций. В философском отношении мы присоединяемся к мнению, что «предвидение выступает как отражение желаемого (результата) состояния ситуации в будущем и возможных последствий деятельности субъекта, как отражение возможных путей и эффективных алгоритмов, методов достижения цели»².

Конкретизацию предвидения, заключающуюся не только в анализе целей и последствий деятельности субъекта, но и в теоретическом обосновании представлений о развитии действительности в определенном направлении, мы будем считать прогнозированием. В этом смысле создание теории науки является основой для прогнозирования тенденций ее развития и представляет собой теоретическое обоснование футурологии науки.

Понятие «наука» в настоящее время используется в трех основных значениях: 1) совокупность знаний, соответствующих определенным канонам; 2) деятельность по получению этих знаний; 3) социальные институты, в рамках которых целенаправленно осуществляется подобного рода деятельность³.

Не подлежит сомнению, что по этим трем направлениям развития весьма важно выстроить прогностические сценарии с тем, чтобы оказывать целенаправленное влияние на формирование науки будущего. Назовем эти три направления развития соответственно: 1) эпистемологическим — отражающим внутреннюю историю науки; 2) методологическим — выражаю-

² Лойфман И. Я. Категория предвидения в ленинской теории отражения // Ленинская теория отражения. Свердловск, 1976. Вып. 7: Отражение как предвидение. С. 6.

³ Последнее значение в историческом плане, на наш взгляд, адекватно и без специальных оговорок может интерпретироваться только в рамках западноевропейской культуры, ибо только здесь ученые заняли достойное и впоследствии экономически обоснованное место в общественном разделении труда.

щим изменения в способах получения знаний; 3) социологическим — фиксирующим место науки как социального института в структуре общества. Очевидно, что методы и результаты прогнозирования развития науки по этим направлениям имеют различный характер. Попытаемся рассмотреть их последовательно и прежде всего выявить трудности теоретического плана при построении и обосновании прогнозов.

Эпистемологические исследования содержания научного знания показывают, что в сфере научных исследований и опытно-конструкторских разработок мы можем различить три области: а) теоретические и экспериментальные исследования, когда ученый не уверен в успехе, полон надежд, не имеет ясной цели; б) прикладные исследования, определяющие область использования предыдущих результатов; элемент неизвестности сопряжен в данном случае лишь с выяснением эффективности и экономической целесообразности их применения; в) разработка опытных образцов, а также оценка и подтверждение их эффективности и экономической целесообразности⁴.

Данная схема позволяет, как нам кажется, устранить парадоксальность постановки вопроса о возможностях эпистемологического прогнозирования науки. Несомненно, в сфере прикладных исследований и опытно-конструкторских разработок не существует принципиально непреодолимых препятствий для прогнозирования новых знаний и новых технологических решений, поскольку прогнозы опираются на открытия в области фундаментальных исследований. Разумеется, сами по себе фундаментальные теории не содержат в явной форме все возможности их применения и процедура прогнозирования не сводится к выведению следствий, а требует творческой работы инженерного мышления. Однако тематическое прогнозирование на основе имеющихся открытий в области фундаментальных исследований и, с учетом его, планирование затрат материальных и интеллектуальных ресурсов позволяют в значительной степени оптимизировать развитие прикладных исследований и разработок, что подтверждается практикой деятельности крупных фирм во всех развитых странах мира. Фактически при построении прогнозов в этой сфере во внимание принимаются также еще два условия: возможности экономики и потребности людей. Пересчет различных сочетаний данных по этим трем переменным позволяет строить эффективные прогнозы и осуществлять их оценку при планировании развития науки.

Если же говорить об эпистемологическом прогнозировании фундаментальных исследований, то эта проблема представляется более сложной. Первая трудность, которая бросается в

⁴ См.: *Массэ П.* Экономическое воздействие политики США в области науки // *Политика США в области науки.* М., 1971. С. 346—347.

глаза при анализе возможностей прогнозирования фундаментальных исследований, заключается в том, что научное знание как предметная реальность имеет отчетливо выраженный динамический характер. Если, допустим, речь идет о физической реальности, представленной как предмет исследования, то мы можем сказать, что эмпирические закономерности, выявленные для прошлых и настоящих событий, можно с высокой степенью вероятности экстраполировать на будущие события. Например, закон соотношения кинетической энергии молекул и температуры газа, имеющий место сегодня, сохранится, вероятно, и в обозримом будущем.

Принципиально иной характер имеет социальная реальность и такая ее сфера, как научное знание, которая находится в непрерывном изменении и развитии. Используя термины теории организации, можно сказать в общем, что в мире существуют два типа неопределенностей: 1) регулярные, повторяющиеся события и процессы, по отношению к которым возможно формирование гносеологических схем и законоподобных утверждений; 2) уникальные, неповторяющиеся события и процессы, по отношению к которым выдвижение различного рода схем и обобщений является заведомо безнадежным делом. Несомненно, что научное знание фундаментального уровня, рассмотренное в процессе развития, представляет собой совокупность событий, каждое из которых имеет уникальный характер. Именно динамический характер научного знания в значительной мере обесценивает существующие теории науки, что подтверждается сегодня перманентной негативной критикой философии науки ее историей⁵. Никогда нет оснований для уверенности в том, что факты истории науки, имевшие место в прошлом, обязательно будут встречаться и в будущем. Да это и невозможно в силу изначальной ориентации ученых на поиск нового знания и новых методов его получения⁶. Поэтому аналитические схемы предсказаний бессильны перед таинственным будущим научного знания и могут быть обращены только назад, в ее историю, что и происходит в современной философии науки⁷.

Вторая трудность состоит в том, что теория науки сама является частью науки и должна соответствовать общенаучным

⁵ Напомним в этой связи слова И. Лакатоса, сказанные им, правда, несколько по иному поводу: «мудрым» можно быть только задним числом» См.: *Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции* // Структура и развитие науки. М., 1978. С. 222.

⁶ Эта ориентация ученых является одной из основных причин разрушения всякого рода «истин» и «единственно научных» методов познания. В науке действует принцип: не все новое хорошо, но хорошим может быть только новое.

⁷ Ирония П. Фейерабенда по поводу глубокомысленных упражнений теоретиков науки в этом пункте находит наибольшее оправдание. В чем ценность различных теорий науки, если они с трудом объясняют ее прошлое и совершенно не в состоянии предсказать ее будущее?

нормам и традициям. В частности, прогнозирование развития основных тенденций научного знания должно также включать прогнозирование тенденций собственного эпистемического развития. Но уловить в теоретических схемах и в языке специальных терминов развитие науки в целом и собственное развитие логически невозможно. Разумеется, предсказание свойств объекта не тождественно развитию процесса познания этих свойств. Тем не менее прогнозирование развития всего научного знания, включая и науковедение, фактически означает прогнозирование прогнозирования и т.д., в бездну логической бесконечности. И это не парадокс языка, то есть так называемых самореференциальных высказываний (наподобие парадокса «лжеца»), а трудность, связанная с реальным функционированием науки в отношении анализа собственного развития.

И последнее. Возникновение новых направлений в развитии фундаментальной науки или появление новых научных школ естественным образом обусловлено научными открытиями соответствующего уровня или появлением неординарных научных лидеров. Но поскольку невозможно прогнозировать открытия и научных лидеров — то есть причину, то логически невозможно прогнозировать и следствия — то есть конкретный характер развития фундаментальной науки.

Представленные аргументы позволяют, как нам кажется, сформулировать следующий вывод. Эпистемологическое прогнозирование может быть теоретически обоснованно по отношению к прикладным исследованиям и опытно-конструкторским разработкам. Но по отношению к фундаментальной науке в эпистемологическом измерении возможно только историческое исследование. Переход от истории науки к ее теории в данном случае означает переход от описания к вынужденной спекуляции. В более сильной и парадоксальной форме этот тезис звучит следующим образом: прогнозирование эпистемологического развития фундаментальной науки невозможно обосновать с помощью научных средств.

Этот вывод не исключает того, что ученые способны предугадывать развитие фундаментальных исследований, появление новых открытий и т.п. Но обосновать свою позицию ссылками на теорию развития фундаментального научного знания в каждом из этих случаев они не могут в силу отсутствия последней и принципиальной ее невозможности. Из этого вывода вытекает ряд следствий, имеющих отношение к практике организации научных исследований.

Поскольку фундаментальные исследования лежат за пределами рациональных способов обоснования и утверждения тех или иных направлений развития, то традиционное тематическое планирование исследований должно быть ограничено пределами отраслевых научно-исследовательских институтов, в которых осуществляются прикладные исследования и опытно-конструк-

торские разработки. В обществах с механизмом централизованного планирования и управления народным хозяйством, в том числе и наукой, существует реальная опасность монополизации материальных и финансовых ресурсов для проведения исследований одной научной группой или даже одним крупным ученым под флагом реализации наиболее прогрессивного направления развития науки. Каким бы многообещающим не было провозглашаемое направление исследований, оно не должно подавлять остальные, ибо гарантий от ошибок не существует и в принципе не может быть. Только взаимный контроль ученых через борьбу конкурирующих программ и научных школ способен обеспечить подлинный плюрализм и свободу творчества, являющиеся необходимыми условиями развития науки.

Методологическое прогнозирование, или, в более развернутом виде, прогнозирование развития научных способов получения знаний о мире, представляется весьма важным, особенно с точки зрения необходимости интенсификации научного познания. Однако сегодня эта проблема является даже недостаточно проясненной, чтобы можно было говорить о возможностях и направлениях ее решения. Ретроспектива развития научного знания убеждает в том, что появлению новых фундаментальных открытий и даже научных направлений и дисциплин предшествовало радикальное изменение способов получения знаний. Поворот от схоластики как доминирующего метода получения знаний на основе различных интерпретаций традиционных текстов к опыту как единственному источнику познания обусловил формирование эмпирической науки и ее активное развитие вплоть до нашего времени. Применение математических моделей в языкознании привело к появлению математической лингвистики. Синтез некоторых разделов физики и биологии означал формирование такой научной дисциплины, как биофизика.

Эти примеры, перечисление которых можно продолжить, показывают, что появление новых методов познания связано с влиянием нескольких факторов. Таковыми являются изменение гносеологической ориентации познающего субъекта в зависимости от изменений философских и общемировоззренческих представлений; экстраполяция эффективных методов познания, апробированных в одной дисциплине, на другие научные дисциплины; повышение уровня анализа реальности с помощью приборов и информационных систем в результате технологического прогресса; сочетание методологических приемов двух и более научных дисциплин при исследовании пограничных областей научного знания.

Влияние двух последних факторов на изменение методов познания в принципе поддается теоретически обоснованному прогнозированию. Успехи в астрономии, связанные с использованием радиотелескопов, или возникновение генной инженерии легко подтверждают этот вывод. Результаты экстраполяции

эффективных методов познания из одной дисциплины в другую, на наш взгляд, также могут быть представлены в теоретически обоснованных прогнозах. Например, в химии существует четыре способа решения проблемы определения свойств материалов и создания промышленных технологий для производства материалов с заданными свойствами. Эти способы основываются на анализе: 1) элементного состава; 2) структуры; 3) кинетики реакции; 4) способности к самоорганизации. Они, соответственно, выражают четыре уровня развития химических знаний: 1) учение о составе; 2) структурная химия; 3) учение о химическом процессе; 4) эволюционная химия⁸. Появление последнего уровня знаний в значительной степени было стимулировано экстраполяцией методов эволюционной биологии, основанной на термодинамике неравновесных процессов, на область химии, и этот результат вполне поддается теоретически обоснованному прогнозированию. А сегодня, как утверждают А. М. Кутепов и В. И. Кузнецов, ссылаясь на изменение химических технологий, наиболее важные открытия для интенсификации химического производства следует ожидать от исследовательских работ именно на этом уровне⁹.

Что же касается изменений гносеологических ориентаций субъекта познания под влиянием новых философских принципов и мировоззренческих убеждений, то прогнозирование таких процессов, носящих тотальный характер по отношению ко всей науке или пусть даже локальный характер, если речь идет о научной революции в рамках одной научной дисциплины, представляется более чем трудным, если не невозможным. В самом деле, допущение о возможности прогнозирования изменения философских принципов, доминирующих в науке, должно опираться на некоторую теорию развития философского знания. Но по отношению к любой теории, в том числе и теории развития философского знания, должны выполняться некоторые минимальные требования: а) объект теории должен рассматриваться во всей его полноте; б) в объекте должны выделяться существенные стороны и явления и фиксироваться как факты; в) на основании зафиксированных фактов должны формулироваться законоподобные утверждения, являющиеся основой для предсказаний.

Однако ни одно из этих требований не может быть выполнено, если речь заходит о философии, поскольку философское знание не имеет завершенного характера и с учетом будущих

⁸ См.: Кутепов А. М., Кузнецов В. И. Выбор направлений в фундаментальных исследованиях // Природа. 1989. № 1. С. 18. Авторы, однако, не совсем точно используют понятие «фундаментальные исследования». В тексте статья, на наш взгляд, речь идет скорее о выборе направлений прикладных исследований.

⁹ См.: Кутепов А. М., Кузнецов В. И. Выбор направлений в фундаментальных исследованиях. С. 19.

изменений не может рассматриваться во всей его полноте. А при отсутствии целостного взгляда, основанного на обозримости всего предмета исследования, невозможно выявление существенных фактов и их обобщение в закономерностях.

Разумеется, если абстрагироваться от возможных изменений философии в будущем и представить наличное философское знание как завершенное, то в этом случае обоснованное прогнозирование возможно, но это будут ретросказания. Для обоснования предсказаний относительно будущего развития философии придется вводить посылку о возможности принципиальных изменений за счет отказа от допущения о завершенном характере философского знания.

Таким образом, прогнозирование глубинных изменений в методах познания действительности, или, если воспользоваться термином Т. Куна, парадигмальное прогнозирование, не может быть обосновано с помощью рациональных средств логики, философии и методологии науки. Но отсюда следует также и то, что доминирование одной парадигмы, одной методологической ориентации при подавлении остальных подходов не может быть признано правомерным. В фундаментальной науке должен господствовать не только эпистемологический плюрализм, заключающийся в свободе выбора тем и направлений исследований, но и плюрализм методологический, выражающийся в свободной конкуренции различных парадигм и методологических подходов. С этой точки зрения приверженность отдельного ученого или научного сообщества в целом к одной методологической традиции, сочетающаяся с предвзятым негативно-критическим отношением к другим методологическим ориентациям, должна рассматриваться как проявление ограниченности и догматизма. Тем более недопустимо преднамеренное навязывание одной парадигмы в ущерб другим, как это было в истории отечественной биологии и философии. Монополизм и отсутствие конкуренции в науке, так же как и в экономике, ведут к застою.

Относительно возможности прогнозирования места науки как социального института в структуре общества, внутринаучных организационных отношений, связи науки с государственными и общественными органами, влияния нравственно-политического климата на поведение ученых и т. д. мы должны заметить, что эта тематика ввиду ее сложности и разноплановости не может быть представлена в рамках этой статьи даже в тезисной форме. Мы позволим себе лишь одно принципиальное замечание.

На наш взгляд, в основу социологического прогнозирования и, соответственно, планирования развития науки должны быть положены выводы из фундаментальной теории человеческих потребностей. Мы имеем в виду прежде всего нормативно обоснованные потребности людей и общества в целом в энергии, продовольствии, экологически приемлемом пространстве суще-

ствования, в информации и сервисе. Только такое обоснование социологического прогнозирования развития науки и на этой основе планирование могут оптимизировать соответствующие расходы общества на науку. К сожалению, на сегодняшний день в нашей стране не существует какой-либо целенаправленной увязки между перспективами развития науки и нормативно определенными потребностями людей ни в пятилетних планах экономического и социального развития общества, ни в Комплексной программе научно-технического прогресса на 20 лет. Более того, существующая система планирования развития науки и техники не обеспечивает увязки даже с планами экономического и социального развития общества, формируемыми от достигнутого. Эта ситуация нашла отражение в соответствующей политической оценке: «Пора... изменить положение, при котором план по новой технике существует как бы сам по себе, не имея определяющего влияния на показатели экономического и социального развития. Напротив, он должен стать несущей конструкцией всего народнохозяйственного плана»¹⁰. Однако политическая оценка может служить лишь идеологическим стимулом для изменения реальности. Настоящей основой этого изменения должна быть кропотливая исследовательская работа по созданию фундаментальной теории человеческих потребностей и применение ее к социологическому прогнозированию и планированию развития науки.

И. П. ЭЛЕНТУХ

Томский инженерно-строительный институт

Методологический анализ как построение стратегии научной деятельности

Решение задач опережающего развития фундаментальных исследований и ускорения научно-технического прогресса требует разработки новой методологии исследования, чего невозможно достигнуть без критической философской рефлексии его глубинных оснований. Поиск и создание новой методологии решения фундаментальных проблем конкретных наук — один из важнейших участков совместной конструктивной работы философов и ученых в развитии современной науки. Значительным препятствием на пути такого творческого союза передовой философией и развивающейся науки является нерешенность про-

¹⁰ Горбачев М. С. Коренной вопрос экономической политики партии: Докл. на совещ. в ЦК КПСС по вопр. ускорения науч.-техн. прогресса, 11 июня 1985 года. М., 1985. С. 2.

блемы специфической природы самой методологии научного познания и ее целостности.

В понимании методологии и ее познавательных функций не достигнута логическая определенность и последовательность. В самом широком смысле она трактуется как теория, приведенная в действие (Н. Стефанов), что приводит «к тезису о методологическом значении любого более общего уровня научного знания по отношению к менее общему, нижестоящему, более конкретному. Этот тезис находит свое бесспорное подтверждение в успехах применения кибернетики, теории систем, семиотики и других так называемых сквозных, или общенаучных дисциплин»¹. Бесспорность как самого тезиса, так и его подтверждения весьма сомнительна, ибо свойство научного знания, теории, целых дисциплин выступать в качестве средства и метода исследования еще не превращает его в методологию научного познания в собственном смысле. И в этом смысле ни кибернетика, ни теория систем не являются методологией исследования, хотя и могут обосновывать различные научные методы.

Нередко абстрактные теории математики и логики рассматриваются как метатеории² (например, как теории построения языка в предметных теориях) и на этом основании относятся к методологии конкретных наук. Конечно, и теории языка науки, и теории научного рассуждения выполняют определенные методологические функции в той мере, в какой они характеризуют и позволяют сознательно контролировать механизм построения научного знания и стратегию научного поиска. Но так как теория языка науки еще не является теорией строения научного знания в целом, а логическая теория научного рассуждения не является теорией научного мышления, то эти теории еще не образуют основу методологии научного познания в целом.

В состав научной методологии часто включаются совершенно не присущие ее природе уровни конкретной методики и техники измерений, а ей самой неправомерно приписывается несвойственная ей роль предметной теории в отношении к научному методу (типа: скобки Пуссона как метод или методологическая роль теории групп) как следствие некритического переноса естественнонаучного взгляда на взаимосвязь теории и метода на уровень методологии научного познания. Сведение основ научной методологии к детерминации ее только объектом и экспериментально-измерительной практикой не оставляет места для ее гуманистического аспекта, раскрывающего методологическое творчество субъекта, его выбор способа исследования в соответствии с представлением о строении человеческой деятельности.

¹ Голофаст В. Б. Методологический анализ в социальном исследовании. Л., 1981. С. 34.

² См.: Кузнецова И. С. Гносеологические проблемы математического знания. Л., 1984.

Широко распространенное понимание единства методологии и мировоззрения (принцип монизма) берет за основу совпадение методологии и предметно-теоретических построений в их обосновании метода исследования. При этом мировоззрение в отношении к методологии познания отождествляется либо с его философскими основаниями, либо с научной картиной мира, и делается вывод о том, что методология — это логика мировоззрения. Углубленное же изучение сложной структуры взаимосвязи мировоззрения и методологии не проводится.

Таким образом, современная картина теоретических представлений о научной методологии разношерстна и пестра не потому, что существуют разные методологические подходы и уровни самой методологии, а потому, что в нее часто включают нечто чужеродное (типа тензорной методологии в теории систем), не относящееся к ней по своей сущностной природе. Отмеченная разнородность содержания понятия методологии и недостаточно четкое ее отличие от научного метода не позволяют отчетливо различать и понимать сущностную специфику и гуманистический характер предмета и функций методологии и методологического анализа в научном познании и в соответствии с ними определять ее состав и структуру. Гуманистическое содержание частнонаучной методологии в значительной степени зависит от влияния на нее философии как рефлексии человеческой деятельности в целом. Поэтому так важно преодолеть указанные трудности, возникающие в исследовании механизма взаимодействия философии и частнонаучной методологии: «Вопрос же, который подлежит выяснению, состоит в том, существует ли и если существует, то какова **связь** между общефилософской методологией и специально-научным, частным методологическим исследованием»³. Мы очертили проблемную ситуацию в вопросе о природе методологии, ее гуманистического характера. Выясним теперь, удастся ли решить данный вопрос средствами основных подходов в его исследовании. Критерием разграничения подходов может служить система субъектно-объектных отношений в теоретической и практической деятельности и роль знания в ней.

Применяя данный критерий, выделим онтометодологический подход, разработанный В. П. Бранским, согласно которому методологией является структура процедур исследования, их последовательность, строение знания, полученного в результате применения процедур, осознаваемых в метаисследовании и обусловленных онтологическими свойствами и отношениями объекта познания и практики. Тезис о том, что теоретическое объяснение научной методологии является следствием в конечном сче-

³ Ильичев Л. Ф. *Философия и научный прогресс*. М., 1977. С. 114.

те только онтологических принципов, вызывает возражение⁴. Ведь атрибутивная модель материи только тогда может научно определить программу фундаментального исследования, когда она содержательно характеризует еще и деятельность субъекта, в контексте которой определяется и развертывается исследование.

Другой подход стремится обосновать свое понимание природы методологии по аналогии с практической деятельностью: поскольку результат деятельности в одной ситуации может стать в другой ситуации средством деятельности, то и научное знание как результат познавательной деятельности может в определенной ситуации стать средством получения нового знания, и таким образом оно обретает свой методологический статус. На этом основании сделан совершенно верный вывод: «Единство знания об объекте и способе его изучения превращает обоснование метода во внутреннюю проблему всякой научной дисциплины, всякого конкретного исследования»⁵. Однако перенос данной трактовки соотношения теории и метода по аналогии с предметным исследованием на рефлексивный уровень научной методологии является уже некорректным: «Методологический потенциал знания объективно основан на богатстве возможностей манипулирования с объектом, экспериментирования с ним, на богатстве объективных связей, свойств, отношений между объектами, зафиксированных в теоретическом знании»⁶. В отличие от метода, основания которого коренятся в предметно-операциональных и нормативных структурах научного познания, методология существенно опирается на структуру человеческой деятельности. Последняя служит не только социально-культурной основой научного познания, но и образует универсальный каркас его внутреннего строения.

К данному направлению следует отнести и то понимание природы методологии, которое выдвинуто М. А. Розовым и С. С. Розовой⁷. С позиции этого понимания методологическая деятельность является осознанием, построением и трансляцией нормативных систем исследовательской деятельности в целом, обусловленных не свойствами и структурой объекта, а социальными процессами. Перестройка нормативных систем в научном познании требует перехода с рефлексивной позиции методолога на надрефлексивную (метатеоретическую) позицию

⁴ См.: Бранский В. П. Эвристическая роль философских принципов в формировании физической теории // Эвристическая и прогностическая функции философии в формировании научных теорий. Л., 1976. С. 14.

⁵ Голофаст В. Б. Методологический анализ в социальном исследовании. С. 39.

⁶ Там же. С. 43.

⁷ См.: Розов М. А., Розова С. С. К вопросу о природе методологической деятельности // Методологические проблемы науки. Новосибирск, 1974. Вып. 2. С. 25—35.

гносеолога. Введение представления о методологической деятельности для характеристики процесса научной рефлексии нормативов исследования является весьма плодотворной идеей. Методологическая деятельность как атрибут развития научного познания есть проявление творческой активности человеческого фактора в научном поиске и в этом смысле раскрывает гуманистический аспект методологии науки. Однако понимание методологии как рефлексии нормативности научного познания (и таким образом осознания его социальности), в отличие от его предметности, не является целостным. Ведь социальность познания (если его анализировать не только с позиции истории науки, но и с позиции теории) помимо нормативности включает и коммуникативный, аксиологический, структурно-языковой, проблемно-деятельностный универсальные аспекты, которые могут быть предметом методологической рефлексии познания как человеческой деятельности.

Если же этого не учитывать, то легко прийти к неспецифическому научно-рефлексивному пониманию методологии как деятельности по созданию новых методов исследования (например, измерительных, вычислительных и т. п.). При этом уже не отличаются поиски решения парадигмальных (в рамках определенной методологической концепции) задач от решения головоломок (по Куну) или формулировка нового правила для некоторой исследовательской процедуры от построения новой исследовательской программы. Таким образом, понимание научной методологии как рефлексии нормативности познания необходимо, но далеко не достаточно для выявления ее собственной природы. К тому же трактовка социального только как естественно-исторического значительно обедняет гуманистическое содержание методологии научного исследования, объясняя науку как социальную волну независимо от индивидуального, передачу нормативов — как копирование образца, а создание нового — как неожиданное пересечение уже известных, но далеко отстающих нормативов⁸. Это превращает нормативные системы научного познания, заданные параметрами социальной организации общества, где человек выступает как функционально-ролевое место, в методологию без познающего субъекта как лица, принимающего решение. Целеполагающая же сфера субъекта, содержащая идеалы научной рациональности, его установку на определенную направленность эвристического выбора, находится здесь вне поля зрения и понимания методолога и гносеолога. Чтобы целостно охарактеризовать специфическую природу научной методологии, гносеолог должен стоять не только на позиции теории науки, но и на позициях теорий деятельности и целостной социальной системы.

⁸ См.: Розов М. А. Знание и механизмы социальной памяти // На пути к теории научного знания. М., 1984. С. 175—197.

Третьим направлением в трактовке природы методологии является подход, разработанный Э. Г. Юдиным и Б. Г. Юдиным: «Центральным для методологии является то обстоятельство, что в своей деятельности человек опирается на знания, использует их», поэтому «методологию интересуют знания как: а) результат; б) необходимые условия и предпосылки; в) средства деятельности»⁹. Сторонники данного подхода видят его специфику в программирующей роли знания в процессе организации деятельности, ее средств и структуры. С этой точки зрения назначение методологического анализа состоит в том, чтобы превратить условия и предпосылки деятельности в ее средства (методологизм) и таким образом расширить сферу средств деятельности и сферу их сознательно контролируемого выбора. Следует отметить, что данный подход верно указывает на социальную функцию методологии в деятельности: рационально организовать структуру деятельности на основе программы, учитывающей согласованность целей, средств и условий.

В то же время в нем не проводится отличие научной методологии в ее организующих функциях от предметно-теоретических построений, теорий исследовательских процедур (эксперимента, моделирования) и методического знания. Содержание методологии понимается здесь в широком смысле как любое метапредметное знание, ориентирующее субъекта в познавательной деятельности: «В этом смысле методология не налагает ограничений на анализ форм деятельности субъекта — она изучает как эксплицируемые в общем виде правила, методы и принципы научной деятельности, так и те проявления активности субъекта, которые связаны с его мировоззрением, социально-культурными условиями его деятельности, его ценностными ориентациями»¹⁰. Данная позиция сводит самосознание науки к ее методологическому сознанию, так что мировоззренческая рефлексия является одной из сторон методологической рефлексии. В результате такого подхода утрачивается регулятивная специфика методологии в сравнении с фундаментальной теорией, научной картиной мира. Последовательно не проводится граница между научно-рефлексивной позицией методолога и надрефлексивной позицией гносеолога, поэтому остается нерешенной проблема объективности методологического знания: «Для гносеолога опасность поглощения научной рефлексией является не просто опасностью быть неоригинальным — она таит в себе угрозу столкнуться с принципиальной невозможностью решения гносеологических задач. Из исследователя науки гно-

⁹ Юдин Б. Г. Методологический анализ как направление исследования науки. М., 1986. С. 97, 249.

¹⁰ Федотова В. Г. Исследование специфики общественных наук. — Цит. по работе Б. Г. Юдина. С. 29.

сеолог рискует превратиться в ее элемент, в органическую часть объекта своего исследования»¹¹.

Все рассмотренные подходы едины в том, что в методологии отражается познавательная активность субъекта в совершенствовании средств познания, в выборе его ориентиров. Основное различие подходов в том, что составляет основу познавательной активности — взаимодействие субъекта с объектом или социальная организация познания, его информационная природа. В первом случае не удается отграничить методологию от предметно-теоретических основ научного метода, что обрекает философский анализ конкретно-научного познания на натурфилософское «проектирование» в методологии частных наук. Во втором — организационно-ориентирующая роль методологии не получает четкого отличия от сходных функций мировоззрения, логики мышления и методики действия познающего субъекта. В итоге специфика методологии остается не раскрытой, что приводит к принципиальным трудностям в решении таких проблем, как структура научной методологии и объективность методологического знания, целостность методологического анализа фундаментальных проблем конкретных наук, изучение конкретно механизма взаимодействия философии и частных наук.

Решение проблемы природы методологии познания мы видим на пути развития философско-теоретической позиции: от субъектно-объектной (практической), информационной и социальной (естественноисторической) природы познания к духовно-практической и деятельностной его природе, к целостному единству данных аспектов человеческой активности:

Научное познание как социальное явление имеет двойственную природу¹². Оно является объективным естественноисторическим процессом, совершающимся по законам функционирования науки как социального института и развития системы научного знания. Так, согласно М. А. Розову, научная деятельность организуется как развертывание специфической программы — особого типа волны на определенной социальной среде; процесс передачи традиций идет путем социальных эстафет. В то же время наука — это не только социальный процесс, но и живая человеческая деятельность, в которой субъект является не функционально-ролевым местом, а лицом, принимающим решение в выборе способа деятельности, ее идеалов, принципов и норм, ее культурных ценностей и жизненных смыслов. И субъектом не только исследовательского, но и методологического творчества. А социальная коммуникация протекает как

¹¹ Розова С. С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986. С. 121.

¹² См.: Сагатовский В. Н. Социальная система: статус и структура // Исторический материализм как методология социального познания. Новосибирск, 1985. С. 96—105.

межличностное полемическое общение. В возрастании роли человеческого фактора и состоит гуманизация методологии научного познания, когда его субъектом становится не просто исследователь, а целостный деятель, несущий всю полноту своей социальной ответственности за добываемое научное знание и его целостность как программы преобразования природы, общества и человека.

Это требует от марксистской философии разработки категорий, которые бы отражали социальную активность субъекта со стороны его внутренней детерминации. Именно в этом и состоит смысл категории «деятельность». По содержанию категория «деятельность» в широком значении отражает социокультурную специфику в способе бытия человечества, целостно охватывая все основные отношения субъекта к миру и людям с учетом соответствия целей и ценностей средствам и результатам активности. В узком смысле категория «деятельность» фиксирует специфику способа внутренней детерминации социальной активности субъекта, которая состоит в том, что развивающаяся программа активного отношения человека к миру и людям обосновывается единством знания, целеполагания и мотивации, обусловленных культурно-историческими условиями существования и развития социального субъекта.

Функционирование человеческой деятельности обеспечивается ее сложной структурой¹³, которая разветвляется на разных организационных уровнях, задающих операции, действия и деятельность в целом. Организация деятельности в целом включает ее стратегическое программирование и интегральное управление. Так, например, решение проблемы взаимного согласования и развития таких подсистем деятельности, как производство, образ жизни людей и природная среда, требуют интегрального управления, гарантирующего целостность социальной деятельности. Основу интегрального управления деятельностью в целом образует стратегическая программа, содержащая ценностно-смысловые основания целей и общую характеристику способа деятельности, принципов организации инвариантных структур деятельности. Выработка стратегических программ и образцов человеческой деятельности является результатом рефлексии универсальных структур ее внутренней организации, условий и конечных продуктов.

При этом если мировоззренческая рефлексия направлена на осмысление духовных оснований деятельности в целом и опирается на решение вопроса о месте и роли человека в мире (природы, общества, культуры), то методологическая рефлексия осознает рациональные основания способа стратегической организации деятельности. Методология осуществляет созна-

¹³ См.: Сагатовский В. Н. Структуры деятельности // Закономерности научного познания. Томск, 1982.

тельный контроль, обоснование и проектирование стратегической организации деятельности посредством рефлексии ее универсальных структур¹⁴: этапов (освоение и усвоение), уровней (программирование, управление, исполнение), ее аспектов (преобразование, познание и др.), внутреннего строения — соотношения смысла и целей со средствами, нормативами и способом деятельности, а также с ее результатами и условиями. Именно благодаря методологии деятельность обладает стратегическим организационным единством в достижении идеалов и ценностей культуры. Отсюда следует, что **стратегичность** в осознании **универсальных структур организации** деятельности выражает основные специфические признаки методологии, ее сущностную природу как уровня самосознания субъекта деятельности.

Теперь можно сделать вывод о том, что методология науки по своему генезису коренится не в структуре объекта и не в информационной природе знания или нормативной природе процесса его получения, а в способе внутренней детерминации и регуляции научного поиска как формы человеческой деятельности. Методология науки надстраивается над научным исследованием как разновидность рефлексии его инвариантных структур, программирующей и управляющей стратегией познания. Рассмотренные нами подходы верно отражают специфику методологической деятельности и знания в их рефлексивно-регулятивной, программирующей и организующей функциях в системе управления деятельностью субъекта познания и практики. Это и есть методология в широком значении понятия, которое по своему содержанию отличается от теоретических основ специальных методов лишь по степени общности регулятивных и программирующих функций. И в этом смысле философская методология отличается от предметно-теоретических построений как наиболее общая методологическая концепция. Однако именно философская методология содержит в себе такую дифференциальную специфику (является самой зрелой формой ее выражения), которая присуща методологии любого уровня общности и позволяет достигнуть принципиального отличия методологии от метода (любой степени общности) и от методики. Эта особенность кроется в специфике методологического отношения, которое возникает в человеческой деятельности при решении задач интегрального управления ею, когда необходимо осознать стратегию организации универсальных структур деятельности. Методология науки выполняет функцию рефлексии стратегической структуры познавательной деятельности субъекта (человека, социальной группы, общества), которая задается инвариантными структурами результата (научного

¹⁴ См.: Сагаповский В. Н. Структуры деятельности. С. 11—18.

знания), способа его получения и объективных условий: природы, социальных отношений, культуры.

Поскольку методологическая рефлексия является познанием в форме метаисследования, постольку методологическое знание может выступать как теория и метод: описывая и объясняя стратегические структуры научного познания, его нормативных систем и принципов организации знания, разрабатывая понятийный аппарат их представления и изучения; формируя программу выработки средств такого исследования, которое позволяет разрешить возникшую методологическую проблему в частной науке. Конкретно-научное методологическое исследование порождается проблемной ситуацией в построении стратегии самой познавательной деятельности, когда новое предметное знание (теорию явления, способ понимания его причины, метод его исследования и т. д.) не удается получить известными в данной науке познавательными средствами, ибо последние вступают в противоречие с особенностями предмета, задачи и цели его исследования.

Таким образом, методологическая проблема частной науки — это проблема выбора и обоснования нового социального регулятивного принципа (стратегической установки ученого) организации познавательной деятельности по изучению новой стороны предмета, выделенной в рамках определенного категориального типа задачи и цели исследования. Поиск регулятивных принципов, организующих процесс построения нового типа знания, направляется не только общей структурой исследуемого объекта и системы прошлого знания о нем, но и общими схемами человеческой деятельности, определяющей инвариантные структуры научного исследования: его категориальные этапы и аспекты, соответствующие им логико-гносеологические процедуры и принципы организации знания. Специфика философии как раз и состоит в том, что она в категориальной форме субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношений¹⁵ фиксирует, критически осмысливает, систематизирует и прогнозирует универсальные схемы человеческой деятельности, основные стратегические направления их развития в соответствии с объективными тенденциями мира природы, социальных отношений, культуры. Поэтому теоретическую основу научной методологии при выработке ею специальных регулятивных принципов организации исследования составляет философская теория познания и строения знания, философская система категорий как упорядочение универсальных способов деятельности субъекта и теория самой деятельности в объективном мире. Философско-методологический уровень конкретно-научной проблемы задается категориальной структурой предмета, выделенного в рамках опре-

¹⁵ См.: Сагатовский В. Н. Функции философии как системы // Проблемы философии. Киев, 1983. № 53.

деленного типа задачи и цели его исследования, и соответствующими ей принципами организации стратегии познания, логико-гносеологического строения знания и процедур его получения.

При этом философ-методолог, чтобы не впасть в крайности натурфилософствования или позитивизма, обязан дать конструктивный ответ на вопрос: могут ли универсально-всеобщие философские категории в принципе дать критерии выбора вариантов частной стратегии? Поскольку частное содержит универсально-всеобщее, то, выделив его особенную структуру путем **системного категориального анализа** частного, мы получаем общие ориентиры в направлении изменения этого частного¹⁶. Отсюда следует, что невозможно создать принципиально новую частную методологию, не изменяя универсальному содержанию прежней, не переходя к новому универсальному содержанию, отражающему структуру деятельности субъекта и соответствующего ей объективного взаимодействия. В данном вопросе мы, опираясь на деятельностное понимание природы категориального знания, формулируем следующую методологическую установку: универсальные категориальные структуры философии не могут быть обоснованно применены в частных науках, пока они не осознаны как принципиально новые структуры деятельности в определенном типе решения определенного класса задач, выделяющего некоторый предмет в системе объекта. А принципиально новый тип решения задач определенного класса не может быть отчетливо выбран и научно обоснован, пока он не будет понят как новая универсальная структура деятельности и объективного взаимодействия.

С. Ф. МАРТЫНОВИЧ

Саратовский зооветеринарный институт

Философское предвидение как элемент рациональности научного поиска

Поиск возможностей развития науки и ускорения научно-технического прогресса, связанный с реализацией прогностической функции философии, предполагает разработку концепции развития науки. В формировании этой концепции актуальны образы науки как системы знания и как системы творческой продуктивной деятельности ученого. Конструктивное преобразование образа науки как системы знания и как системы творческой продуктивной деятельности — целесообразный шаг в раз-

¹⁶ См.: *Сагатовский В. Н.* Основы систематизации всеобщих категорий. Томск, 1973. С. 114—115.

витии методологии науки. Для его осуществления полезна конкретизация оснований образа науки как системы знания посредством идейного содержания образа науки как деятельности ученых. Идея рациональности научно-поисковой деятельности является эффективным средством такой конкретизации.

Рациональность научного познания опредмечивается в методе науки. Узкое понимание рациональности может определить соответствующее понимание научного метода. Метод науки, по К. Попперу, есть метод рациональной дискуссии, предполагающей ясную и четкую формулировку обсуждаемой проблемы, критическое исследование ее различных решений¹. Рациональность, таким образом, сводится к критицизму в решении научных проблем. В свою очередь рациональная критика теорий определяется «идеалом поиска истинных решений проблем или таких решений, которые соответствуют фактам»².

Реальное философское содержание попперовской концепции критического рационализма как метода роста научного знания связано с философско-мировоззренческими предпосылками его методологии. «Методологическая концепция критического рационализма,— отмечает А. И. Панченко,— игнорирует объективную истину»³. Существенными чертами попперовской концепции научной рациональности являются принцип фальсификации, конвенционализм в решениях о принятии базисных утверждений науки, эволюционизм в понимании механизма роста знаний.

Уточняя позиции К. Поппера по вопросу о научной рациональности, Дж. Агасси пишет: «Если мы признаем, что рациональность состоит в решении определенных проблем наилучшим образом и в критическом обсуждении этих решений, то науку можно охарактеризовать как особый случай рациональности, используя при этом два критерия. Во-первых, проблемы науки связаны с объяснением фактов или, если выразить это в более общей форме, с пониманием мира. Во-вторых, критика в науке является эмпирической»⁴. Заметим, что два указанных критерия взаимосвязаны. Эмпиричность критики предполагает объяснение и понимание объекта познания. Объяснение же невозможно без эмпирического обоснования теоретических конструкций.

Проблему рациональности научной критики нецелесообразно отождествлять с проблемой рациональности научного поиска. Последняя включает в себя социальный, философско-методологический, логико-семиотический и другие аспекты. Значимой задачей является исследование механизма связи этих аспектов ра-

¹ См.: Поппер К. Логика и рост научного знания: Избр. работы. М., 1983. С. 35—36.

² Popper K. R. Objective Knowledge: An evolutionary Approach. Oxford, 1972. P. 289.

³ Критика современных немарксистских концепций философии науки. М., 1987. С. 31.

⁴ Структура и развитие науки. М., 1978. С. 154.

циональности научного поиска, выявление места философского предвидения в детерминации научно-поисковой деятельности.

Взаимосвязь некоторых различных аспектов рациональной научной деятельности показана А. А. Ивиным при обсуждении соотношения ценностей, описания, объяснения, понимания. Полагая, что «вне контекста употребления выражения, как правило, невозможно установить, описывает ли оно, или оценивает, или же делает и то и другое сразу»⁵, он подчеркивает, что в научные теории оценки входят в виде описательно-оценочных утверждений. Так, принципам теории присущ описательно-предписательный способ отношения к объекту и субъекту познания. Принципы теории через картину мира обуславливают формирование языка наблюдения и, следовательно, фактуального знания⁶. Это порождает концепцию не только теоретической, что уже показано, но и ценностной детерминации формирования фактов науки⁷.

Важным аспектом научной рациональности являются адекватные ответы ученых на методологические запросы науки, научной школы, традиции. Многообразие философско-методологических ориентиров в их конкретно-историческом и деятельностно-видовом отношениях, выступающих в качестве методологических прогнозов развития научного поиска, не отменяет творческого характера поиска. Позитивное содержание философско-методологических ориентиров опредмечивается в конкретных случаях философско-методологических прогнозов.

Поиск в науке ведет к становлению нового знания, к отдельным, нередко частным, завоеваниям на этом пути. Творческий результат в науке реализуется, как правило, в виде научного открытия. Научное открытие как созидание нового знания осуществляется на предметном уровне (эмпирический и теоретический аспекты научного знания), который так или иначе связан с метапредметным уровнем. Наиболее крупные научные открытия типа открытия М. Планком квантов действия изменяют поэтому не только предметный уровень научного знания, но и метапредметный, например, уровень познавательных норм и ценностей.

Каким бы революционным ни было научное открытие, оно никогда не отменяет всех методологических и нормативно-ценностных рекомендаций определенного конкретно-исторического типа научной рациональности, содержания прогнозистических высказываний философской методологии науки. Нарушая одни

⁵ Ивин А. А. Ценности и понимание // *Вопр. философии*. 1987. № 8. С. 35.

⁶ См.: *Мартынович С. Ф.* Факты научного знания в структуре исторических формаций научно-познавательной деятельности // VIII Международ. конгр. по логике, методол. и философии науки: Тезисы. М., 1987. Т. 4, ч. 2. С. 343—345.

⁷ См.: *Мартынович С. Ф.* Проблема факта в методологии физики // Сб. IV Междунар. симп. «Философия, физика, космос». Кърджали, 1988. С. 33—36.

ориентиры (нормы) научной деятельности, ученый строго соблюдает другие. Например, он может сознательно отвергнуть рекомендации методологии опираться на наиболее надежно обоснованные теоретические положения и выдвинуть новую идею, не удовлетворяющую ряду требований методологического прогноза, запросам методологического опыта сообщества ученых. Такая мало обоснованная гипотеза может оказаться кратчайшей дорогой к научному открытию, удовлетворяющему традиционному идеалу науки — движению к объективной научной истине, соответствующему содержательным положениям философско-методологического предвидения. Жертвуя отдельными нормами научной рациональности (иногда временно — как в нашем примере), ученый четко ориентируется на реализацию конституирующего идеала науки — постижение объективной истины, который выступает как содержательное философское предвидение развития науки, выступающее элементом рационального регулирования научного поиска.

Творчество ученого, рассматриваемое с точки зрения нормативно-методологического аспекта научной рациональности, осуществляющего философское предвидение хода развития науки, выступает как деятельность по освоению и преобразованию, опредмечиванию и распределению методологических ориентиров науки в процессе научного открытия, выступает как деятельность по их созиданию в ходе решения предметных проблем науки.

Творческая деятельность ученого была бы невозможной, если бы он каждый свой шаг в поиске сопоставлял со всем набором методологических норм, которые так или иначе могут определять его действия. Деятельность ученого непосредственно обусловлена его методологическим сознанием, которое не отождествляется с содержанием рафинированной философско-методологической концепции. Методологическое сознание ученого, подчеркивает Б. И. Пружинин, выступает как «организованный по принципам «рецепта» опыт познавательной деятельности»⁸. Личный познавательный опыт ученого — необходимый фактор его исследовательской деятельности, так или иначе включенный в коллективный познавательный опыт, являющийся фоном нормативно-методологической социализации ученого, освоения им методологических ориентиров — предсказаний научного сообщества, стиля его научного мышления. Личный познавательный опыт ученого будет более богатым, если он включает опыт по творческому образованию и преобразованию, принятию и отбрасыванию методологических нормативов-предсказаний, определяющих направленность научно-поисковой деятельности. Это обеспечивает личную свободу творчества ученого в процессе научного поиска.

⁸ Пружинин Б. И. Рациональность и историческое единство научного знания. М., 1986. С. 5.

Принятие решений — значимый элемент научного творчества, сопряженный со спецификой функционирования норм научной рациональности в познании, с особенностями реализации прогностического содержания философского знания. Этот элемент деятельности ученого выполняет свои функции как в естественнонаучном, так и в гуманитарном познании, в человеческой деятельности в целом. Принимая решение, человек «имеет в поле своего зрения сразу много образцов, образующих некоторое целое — нормативную систему»⁹.

Идея рациональности познания конкретизирует взаимосвязь образов науки как знания и деятельности, определяет специфику творческой деятельности ученого, показывает, что философское предвидение свойств изучаемого объекта и особенностей его познания выступает существенным элементом рациональности научного поиска.

Философское предвидение имплицитно включено в научный поиск через формирование онтологических (картина мира) и философско-методологических (тип научной рациональности) сторон стиля научного мышления, осуществляющего когнитивную детерминацию научного поиска. Стиль научного мышления, как показал Л. Флек, определяет интерпретацию опыта сообществом ученых в процессе формирования и осмысления научного открытия¹⁰. Включенность онтологических и философско-методологических идей в содержание стиля научного мышления, направляющего научный поиск, можно рассматривать как непосредственный процесс функционирования философского предвидения в структуре научного поиска. В логико-методологическом аспекте научная картина мира, справедливо отмечает И. Я. Лойфман, «является своего рода матрицей научного творчества, основой преемственности в развитии научного познания»¹¹, в рациональном регулировании научного поиска.

Р. К. ХАФИЗОВ

Камский политехнический институт

Прогностические возможности научного принципа

Исходное положение исследования только тогда становится принципом, когда оно вошло в результат исследования, является частью этого результата. Специфическое противоречие научного принципа — быть результатом и вместе с тем началом

⁹ Розов М. А. Методологические особенности гуманитарного познания // Проблемы гуманитарного познания. Новосибирск, 1986. С. 46.

¹⁰ См.: Fleck L. Powstanie i rozwój faktu naukowego. Lublin, 1986. S. 160—182.

¹¹ Лойфман И. Я. Отражение как высший принцип марксистско-ленинской гносеологии. Свердловск, 1987. С. 83.

исследования — разрешается в каждом конкретном исследовании путем обогащения принципа науки, более глубокой его трактовки, нахождения новых форм его проявления.

Принцип есть результат прежних исследований и начало новых исследований. Но принцип как начало исследования не может не отличаться от самого себя как результата исследования. Выступая в качестве начала исследования, принцип выполняет регулятивную и прогностическую функции. Принцип же как результат обобщает явления и объясняет их. Другими словами, принцип как начало исследования богаче того же самого принципа, который пока что только сформулирован и не получил еще применения.

Принцип отражает (несет в себе) свойства и отношения внешнего мира, и именно этим обстоятельством объясняются прогностические возможности научного принципа. На онтологическое значение научного принципа указывал Ф. Энгельс при рассмотрении вопроса о возникновении принципов науки. Он писал, что «...речь идет только о формах *бытия*, о формах внешнего мира, а эти формы мышление никогда не может черпать и выводить из самого себя, а только из внешнего мира»¹. Всеобщие формы бытия, каковыми являются противоречивость, связь, развитие, единство природы и др., и отражаются своеобразно в принципах науки.

Кроме онтологического и гносеологического аспектов, в научном принципе следует выделить логический аспект. Ведь принцип содержит в себе не только основные результаты познания, но также и способы получения этих результатов. Как нам представляется, логический аспект познания присутствует в научном принципе в развернутом виде. Именно в принципах науки закономерности движения объективной реальности и человеческого познания получают наиболее глубокое отражение.

Принцип как онтологическое, гносеологическое и логическое образование ближайшим образом выражает **всеобщие отношения действительности**. Прогностические возможности принципа науки определяются не только тем, что он схватывает свойства бытия, но и тем, что он наиболее полно выражает его всеобщие отношения. Всеобщие отношения, выраженные в научных принципах, своеобразно проявляются в движении того или иного конкретного предмета, модифицируются в тех или иных условиях существования предмета и на новом этапе его развития. Эти обстоятельства и позволяют предвидеть возможные направления движения предмета.

Тем или иным существенным отношением является закон. Это отношение, выраженное в законе, уже отражено в научном принципе, но в нем это отношение схвачено как тенденция. Закон же указывает на то, что то или иное всеобщее отношение

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 34.

действует, проявляется. Отметим, что это проявление отношения в форме закона имеет место лишь при соответствующих условиях бытия предмета. Если принцип схватывает всеобщее отношение предмета без учета условий его существования, то закон выражает это же отношение вместе с условиями существования предмета. Закон есть конкретизация принципа, проявление принципа, развертывание соответствующей тенденции в движении предмета.

Прогностические возможности научного принципа нужно вывести из его сущности, в частности из того обстоятельства, что принцип науки отражает формы бытия и пути открытия этих форм. Одно из определений прогностической деятельности состоит в следующем: «Познание будущего есть *отражение* объективно-реальных зачатков будущего в настоящем, тенденций развития актуально существующих вещей и явлений, ибо прошлое, настоящее и будущее объекта имеют своих материальных носителей»². Тенденции развития объектов и возможность развертывания этих тенденций и является предметом прогнозирования. При этом нужно учитывать противоречивость этих тенденций, и если в одних условиях бытия объекта берет верх одна тенденция его движения, то есть она реализуется, то или иное потенциальное становится актуальным, действительным, то в других условиях бытия предмета будет реализовываться другая, прямо противоположная тенденция движения предмета.

Эту возможность перемены тенденции в движении предмета и имел в виду В. И. Ленин, когда писал: «Всякая конкретная вещь, всякое конкретное нечто стоит в различных и часто противоречивых отношениях ко всему остальному, ergo, бывает самим собой и другим»³. Предмет, таким образом, может быть существенно иным, и это во многом зависит от условий бытия предмета. Так, например, в РСФСР сегодня общей тенденцией является стремление родителей иметь только одного-двух детей. Однако эта тенденция не проявляется в новых, бурно растущих городах, где имеет место прямо противоположная тенденция.

Поэтому, строя прогноз развития того или иного явления, нужно включать в рассмотрение ожидаемого движения явления условия его существования, а не только внутренние закономерности развития этого явления. Прогнозирование — это такая деятельность, которая ставит своей задачей определить тенденции в движении предмета и указать ту, которая развернется при таких-то условиях бытия предмета. Ошибочные прогнозы, на наш взгляд, объясняются во многом тем, что исследователи строят прогноз, положив в его основу внутренние закономерности движения предмета, и не учитывают в должной мере возможность существенного изменения условий бытия предмета.

² Лойфман И. Я. Отражение как высший принцип марксистско-ленинской гносеологии. Свердловск, 1987. С. 31.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 124.

Прогноз, в котором учитывается возможность указанного изменения, позволяет субъекту прогноза быть готовым к «неожиданным» поворотам в движении предмета (если иметь в виду возможность существенного изменения условий существования предмета, то эти изменения во многом перестают быть неожиданными).

Каково место научного принципа в прогностической деятельности? «Принципы теоретической системы,— пишет И. Я. Лойфман,— являются исходными посылками этой системы, которые в наиболее общем и концентрированном виде выражают ее сущность, воссоздают ее предмет в целом, служат способом выделения ее проблем и подхода к ним»⁴. Это богатство принципов науки и позволяет надежно прогнозировать развитие того или иного предмета.

Научный принцип может указать район поиска и направление поиска решения той или иной научной проблемы. Опираясь на **уже познанные** свойства и отношения объективной реальности, отраженные в научном принципе, можно делать предположения о характере свойств и отношений пока **еще не изученного** объекта. Если, скажем, предмет становится участником того или иного отношения, то он в этих отношениях должен проявлять определенные свойства. К. Маркс писал: «*Отношение* одной вещи к другой есть отношение этих двух вещей между собой, и о нем нельзя сказать, что оно принадлежит той или другой из них. *Способность вещи* есть, наоборот, нечто внутренне присущее вещи, хотя это внутренне присущее ей свойство может проявляться только в ее отношении к другим вещам»⁵. Итак, в определенных отношениях проявляются те или иные определенные свойства вещи. Поскольку научный принцип схватывает то или иное всеобщее отношение (всеобщее для той или иной реальности или мира в целом), то вещь, изучаемая на основе того или иного научного принципа, ставится в определенное отношение. Это всеобщее отношение, в которое включается вещь, показывает нам свойства исследуемой вещи.

Прогностические возможности принципа реализуются различным образом. Это объясняется тем, что сама действительность характеризуется как многообразием тенденций своего движения, так и своеобразием путей разворачивания этих тенденций. Принцип науки, отражающий ту или иную тенденцию в движении универсума, реализуется в научном исследовании всякий раз определенным, конкретным образом. Покажем на конкретных примерах решения научных проблем многообразные способы реализации прогностических возможностей научного принципа.

⁴ Лойфман И. Я. Предметное содержание принципов диалектического материализма // Предмет философии: принципы, подходы, аспекты. Челябинск, 1981. С. 3.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. 3. С. 143.

Поиск принципа классификации химических элементов показывает, что здесь движение познания шло от вскрытия одного уровня сущности элементов к другому, от одних, поверхностных признаков элементов к другим, более глубоким признакам. Вначале в химии все простые тела (химические элементы) делили на металлы и металлоиды, и этот принцип классификации казался вполне естественным. Но когда обнаружилось, что элемент (например, фосфор) «может являться и в состоянии металлоида, и в металлическом виде, стало невозможным опираться на различия в физических признаках»⁶. Возникает классификация, основанная на отношении элементов к водороду и кислороду. Однако и этот критерий классификации оказался ненадежным, поскольку приходилось помещать в различные ячейки классификации элементы, «несомненно представляющие великое сходство»⁷.

Когда Д. И. Менделеев приступил к написанию руководства «Основы химии», ему нужно было решить, в какой последовательности описывать элементы, при этом следовало руководствоваться не какими-то «случайными, как бы инстинктивными побуждениями, а каким-либо определенно-точным началом»⁸. Это начало должно было выражать такое свойство элемента, которое сохраняется у него и когда он находится в свободном состоянии, и когда он вступает в соединения с другими элементами. Это свойство, безусловно, должно было выражать сущность того элемента, ибо сохраняться при любых превращениях может только сущность предмета.

Атомный вес элемента как раз и оказался таким свойством. «Раньше была только схема,— писал Д. И. Менделеев,— только группировка, подчинение данным фактам, между тем как периодический закон сам подчиняет себе факты и имеет тенденцию углубить философский принцип, который управляет таинственной природой элементов»⁹. Действительно, принцип периодичности свойств элементов и зависимости этих свойств от величины их атомного веса «потребовал изменений в атомных весах многих недостаточно еще исследованных элементов»¹⁰ и дал «возможность не только предсказать существование еще не известных элементов, но также определить химические и физические свойства простых тел, которые еще предстояло открыть»¹¹. Таким образом, элементы не были еще обнаружены, но науке уже известны были их свойства. Такие ситуации оказываются возможными именно благодаря принципам науки, которые вбирают в себя свойства и отношения огромной совокупности явлений

⁶ Менделеев Д. И. Периодический закон. М., 1958. С. 10.

⁷ Там же. С. 11.

⁸ Там же. С. 16.

⁹ Там же. С. 392.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 393.

природы. Принципы науки можно сравнить с монадами Лейбница, ибо и в тех и в других отражается вся природа, но всякий раз (через конкретный научный принцип или монаду) с определенной стороны.

Принцип как всеобщее отношение делает предсказуемой картину разворачивания явлений и в той или иной мере подготавливает исследователя к верному восприятию каких-то фактов, а также способствует открытию новых фактов. Так, например, основатель эмбриологии К. Бэр высказал предположение о существовании основных типов организации (плана строения) животных. Под типом он понимал определенное отношение в расположении частей организма, ту или иную принципиальную схему организации формы жизни, осуществляемую в ходе развития животного. Он выделил следующие типы животных: лучистые (например, морские звезды), членистые (например, черви), массивные (моллюски) и позвоночные. Это деление отражало различные варианты отношений между органами тела животного. Эти отношения Бэр и положил в основу эмбриологических исследований, так что эти отношения выступили в качестве научного принципа. Оказалось, что развитие зародыша, по выражению Бэра, есть «лишь длинный комментарий» к проявлению типичного, наиболее существенного в развитии формы жизни¹².

Когда Д. Уатт, будучи механиком, пытался наладить работу модели паровой машины, то обнаружилось «дурное устройство» этой модели, поскольку она через некоторое время после начала работы останавливалась, переставала действовать. После нескольких безуспешных попыток усовершенствовать модель Уатт сделал вывод, что дефекты модели были связаны с нарушениями отношений внутри машины, тех отношений, которые имеют место в образце, в большой машине (в частности, обнаружилось, что цилиндр модели давал большую поверхность для конденсации пара, нежели цилиндр большой машины). Нужно было вскрыть те объективно существующие отношения внутри технического устройства между его частями, которые приводили это устройство в движение. Эти отношения были в конце концов открыты Уаттом. Он сформулировал их в виде шести принципов и изложил в патенте на изобретение паровой машины. И. Я. Конфедератов отмечает, что Уаттом были запатентованы именно принципы создания данного технического устройства и потому, скажем, «изобретатель конденсатора любой, хотя бы самой прогрессивной, конструкции не мог реализовать ее, поскольку все возможные конструкции объединены в патенте общим принципом»¹³. Итак, та или иная техническая конструкция развивается, но все возможные направления ее развития уже отражены

¹² См.: *Варламов В. Ф.* Карл Бэр — испытатель природы. М., 1988. С. 96.

¹³ *Конфедератов И. Я.* Джеймс Уатт — изобретатель паровой машины. М., 1969. С. 129.

в принципе, на основе которого эта конструкция создается. Принцип указывает на возможности создания ряда еще несуществующих конструкций технического устройства. Технические конструкции еще не созданы, но их особенности уже известны. И вот это известное о неизвестном и позволяет открывать это неизвестное. Всеобщие свойства и отношения предметов, в том числе всеобщие свойства и отношения технических устройств, отраженные в том или ином научном принципе, и выступают основой для открытия характеристик свойств исследуемого предмета.

И для самого мышления характерны определенные принципы его организации. Эвристика как раз и изучает «особое собрание принципов»¹⁴, опираясь на которые можно успешно решать те или иные теоретические и практические задачи. Д. Поля формулирует ряд принципов, которые, по его мнению, способствуют быстрому решению задачи. К ним относятся, в частности, следующие принципы: 1) в первую очередь необходимо понять задачу; 2) нужно иметь желание решать ее; 3) главное в решении задачи состоит в составлении плана ее решения; 4) следует варьировать попытки решения задачи, подходить к ее решению с различных сторон¹⁵. Здесь перечислены лишь некоторые отношения, в которые с необходимостью вступает исследователь, приступающий к решению какой-либо проблемы. Эти отношения действительно являются всеобщими, определяющими в значительной мере успех решения познавательной или практической задачи. Другое дело, что эти отношения всякий раз проявляются различным образом, соответственно характеру задачи и особенностям субъекта, решающего задачу.

В современной методологии науки П. Фейерабендом сформулирован принцип пролиферации, «который призывает создавать и разрабатывать теории, несовместимые с принятыми точками зрения, даже если последние являются в высокой степени подтвержденными и общепринятыми»¹⁶. На первый взгляд может показаться, что П. Фейерабенд призывает к анархии в теории познания, однако анализ показывает, что в этом принципе своеобразно отражена противоречивость самой действительности и процесса ее познания. Чтобы обострить ситуацию в теории познания, сделать ее способной к отражению невыявленных сторон действительности, и сформулирован, как нам думается, данный принцип. «Познание оказывается в этом случае океаном постоянно увеличивающихся альтернатив, каждая из которых принуждает другие уточнять свои точки зрения, а все они вместе вносят свой вклад — благодаря процессу конкуренции — в развитие

¹⁴ Поля Д. Как решать задачу. М., 1959. С. 132.

¹⁵ См.: Там же. С. 100—101.

¹⁶ Фейерабенд П. К. Ответ на критику // Структура и развитие науки. М., 1978. С. 420.

мощи нашего мышления»¹⁷. Сформулированный П. Фейерабеном принцип теории познания позволяет быстрее обнаружить односторонность той или иной устоявшейся точки зрения в теории познания, в чем и состоит его значение. В этой связи следует отметить особое значение для прогностической деятельности принципа дополнительности, который как раз ориентирует исследователя на возможность развертывания различных направлений в движении предмета.

В литературе отмечается, что характерной особенностью философии является богатство ее прогностических возможностей. Так, В. С. Степин пишет: «Философия способна создавать необходимые для научного исследования категориальные матрицы до того, как наука начнет осваивать соответствующие типы объектов»¹⁸. В самом деле, в категориях, законах и принципах философии отражается весь опыт научной и практической деятельности человека, поэтому философские категории чрезвычайно богаты по своему содержанию. А поскольку это так, то в категориях философии так или иначе уже отражены свойства и отношения неисследованных объектов. Правда, эти характеристики объекта схвачены лишь в самом общем виде. Любой объект, как можно думать, характеризуется понятиями "необходимость", "случайность", "возможность", "действительность", "противоречивость" и т. д. Эти и другие категории и образуют ту сетку, которая позволяет включать объект в уже известную систему связей и отношений. Это не означает, что объект произвольно наделяется теми или иными свойствами, а это означает лишь, что через изученные уже свойства объективной реальности можно верно подойти к изучению того или иного объекта, выйти, если можно так выразиться, на его свойства. И вот здесь-то обнаруживается, что решающая роль в предвидении (которое способствует открытию и изучению) свойств принадлежит именно принципам науки.

Подводя итоги рассмотрения проблемы, следует подчеркнуть, что прогностические возможности принципа науки вытекают из его природы. Специфическое противоречие научного принципа состоит в том, что он, являясь результатом изучения действительности, выступает вместе с тем началом ее изучения, началом проникновения в ее более глубокую сущность. Принцип выступает началом исследования потому, что в нем отражены фундаментальные свойства и всеобщие отношения действительности. Прогностические возможности научного принципа неисчерпаемы, как неисчерпаема та действительность, отражением которой он является.

¹⁷ Фейерабенд П. К. Ответ на критику. С. 421.

¹⁸ Степин В. С. О прогностической природе философского знания // Вопросы философии. 1986. № 4. С. 40.

Фундаментальные проблемы языковедения: Философско-методологический анализ

Роль марксистско-ленинской философии в сфере методологии современной науки разворачивается через систему регулятивно-эвристических принципов: партийности, конкретности, объективности, конструктивности, диалектического отрицания. Тем самым позиция марксизма отличает, с одной стороны, непримиримость ко всякого рода метафизическим абсолютизациям отдельных «срезов» научной реальности, устаревших теоретических схем и моделей, с другой — стремление комплексно, системно осмысливать междисциплинарные теоретико-методологические проблемы, вооружая мышление ученого способами их диалектико-материалистического решения и интеграции в единую научную картину мира.

Эти общие положения приобретают особый смысл по отношению к комплексу языковедческих дисциплин, о котором все чаще говорят как об одном из лидеров современной гуманитаристики. По крайней мере те процессы, которые переживает ныне эта область науки, достаточно показательны для состояния социально-гуманитарного знания в целом. Появление целой группы «пограничных» дисциплин, объединяемых понятием «прикладная лингвистика» (психолингвистика, социолингвистика, нейролингвистика, математическая лингвистика, информатика, документалистика), интенсивное освоение идей структурализма и системности, применение информационно-кибернетических и семиотических подходов, интерес к математическим методам анализа языковой реальности, разработка формального аппарата в связи с потребностями машинного перевода и автоматического реферирования текстов, осознание трудностей формализации языковой семантики и попытки осмыслить природу языка и его организацию в более широком и содержательном контексте — вот некоторые «штрихи» к той картине проблем и дискуссий, которую являет собой современное языковедение.

Сложный процесс теоретизации языковедческого знания, обусловленный противоречиями его развития в эпоху НТР, обостряет значимость ряда фундаментальных проблем, в своевременном выявлении и научной формулировке которых особую роль должна играть философско-методологическая рефлексия. К их числу принадлежат, в частности, следующие:

— специфика языковой предметности и роль различных наук языковедческого цикла в формировании системного теоретического «образа» языка;

— проблема языковой онтологии, «лингвистической реальности», к которой могут быть отнесены накопленные в специальных науках теоретические знания и огромный эмпирический материал;

— сравнительное сопоставление и оценка существующих гипотез относительно природы, происхождения этнического языка, основного противоречия языковой реальности, законов функционирования и развития языкового объекта;

— анализ организации языковой системы: ее единиц, структуры, уровней, функций;

— взаимоотношение языка с социальной реальностью (практикой, общением, культурой); механизмы воздействия языка на мышление, сознание, социальное поведение;

— комплекс вопросов, касающихся познавательных возможностей языка (соотношение знака, значения, смысла; языковых и мыслительных категорий, структур); проблема адекватности языкового общения и понимания;

— оценка репрезентативности и полноты применяемых для анализа языкового объекта подходов, методов, средств, познавательных процедур.

Далеко не все из приведенного выше (разумеется, неполного) перечня философско-методологических проблем языковедения получили в нашей литературе соответствующее освещение. Следует признать справедливым, в частности, мнение о том, что «многие вопросы, касающиеся роли языка в формировании и деятельности человека, не только глубоко не исследованы в советской философской литературе, но даже еще не поставлены в явном и ясно осознанном виде»¹.

Дискуссионными остаются проблемы природы языка, его организации и места в системе реальности. Тезис о социальной языковой реальности в марксистской философской литературе является общепризнанным, в то же время у нас пока не выработан такой теоретический «образ языка», в свете которого он представлял бы элементом социальной системы, феноменом культуры, важнейшим посредником субъект-объектного отношения.

Много неясного существует и в вопросах о механизмах функционирования языка в границах субъективной реальности: как происходит овладение языком, как мысль формируется и выражается в языковой форме; как возможно взаимопонимание и согласованность действий партнеров по языковой коммуникации. Возможности успешного специально-научного продвижения в этом плане тормозятся из-за недостаточной разработки ключевых, методологически значимых понятий языкового сознания, речевого понимания, речевой деятельности и др.

¹ *Васильев С. А.* Диалектический материализм и лингвистические исследования // Система и структура языка в свете марксистско-ленинской методологии. Киев, 1981. С. 13.

Предметом острых теоретических столкновений среди лингвистов является также проблема возможностей и границ формализации языкового объекта. Полярность существующих по этому вопросу суждений обусловлена тем, что, с одной стороны, язык обладает выраженной структурно-функциональной организацией, а следовательно, допускается применение к нему методов системно-формального описания, с другой — многообразные функции языковых элементов и структур пронизаны выражаемым ими смысловым содержанием, которое с большим трудом поддается формализации. Философско-методологические «выходы» и научно-практическая значимость этой познавательной ситуации несомненны, между тем она также пока не получила адекватного анализа в философской литературе.

Из сказанного становится ясно, что на данном уровне состояния философско-методологической проблематики языковедения важно вычленил такие направления ее дальнейшей разработки, вокруг которых можно было бы сгруппировать ее основные фундаментальные проблемы, наметив перспективы их комплексного решения. По нашему мнению, к указанным направлениям относятся: 1) вопросы предметного самоопределения языковедения; 2) выработка адекватной языковому объекту методологической ориентации; 3) анализ мировоззренческих аспектов языковедческого знания как специально-научной картины мира. Рассмотрим их подробнее.

Начнем с проблемы языковой предметности. Известно, что современная методология науки рассматривает формирование научной предметности как результат опредмечивания, воплощения в предметной форме предшествующей деятельности. Отсюда предмет науки — это «практически истинная абстракция»², которая имеет двойную проекцию: на объект, данный субъекту в формах практики, и на объект, формируемый системой знания в виде теоретических моделей. Имея дело с продуктами прошлой познавательной деятельности, методолог науки стремится преодолеть позицию «нерефлексивной слитности с объектом»³, когда результаты исследования выдаются за сам исследуемый объект. Критерии реальности предмета науки — его данность субъекту в формах чувственно-предметной деятельности, когда обнаруживается повторяемость, устойчивость его связей и отношений, а также включенность данного предмета в систему знания, вследствие чего подвергается анализу его логически непротиворечивый, упорядоченный характер⁴. Проблематика научной предметности ставит перед современным методологическим

² Науменко Л. К. Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата, 1968. С. 295.

³ Швырев В. С. Теория познания и методологический анализ науки // Гносеология в системе философского мировоззрения. М., 1983. С. 132.

⁴ См.: Косарева Л. М. Предмет науки. М., 1977. С. 129—131.

сознанием ряд важных вопросов, касающихся обоснования знания: о предпосылках и принципах построения предмета науки, исходных пунктах этого теоретического движения, способах эмпирической интерпретации знания и т. д. При этом специально анализу подвергаются предшествующие познавательные установки, противоречия и антиномии прошлого знания, ибо исследователь-диалектик всегда помнит, что именно в истории зачастую лежит ключ к решению современных проблем познания, что многие из актуальных вопросов знания уже обсуждались в прошлом, но не получили адекватного решения в силу тех или иных методологических трудностей.

В комплексе вопросов, касающихся предметного самоопределения языковедения, целесообразно, на наш взгляд, вычленить два аспекта: **экстенсивный**, связанный с расширением семантического поля понятия «язык» и формированием абстракции «язык вообще», и **интенсивный**, касающийся осмысления феномена «язык» как компонента и условия всей человеческой жизнедеятельности. В экстенсивном плане речь идет о проблематике «языков культуры», в связи с чем возникает задача определения границ языкового процесса, типологии и классификации языковых явлений. В интенсивном аспекте важны вопросы языковой предметности этнического языка — этой универсальной подсистемы культуры, которая непосредственно связана с сознанием и познанием, давно исследуется широким кругом специальных наук, имея прямой «выход» в концептуальную проблематику философского знания.

Если обратиться к процессу проблематизации языковедения в экстенсивном аспекте, то следует сказать, что здесь особое значение имеет критический анализ двух основных познавательных установок относительно языка, которые можно условно назвать классификационной и функциональной. Первая (классификационная) установка исходит из того, что язык — это форма для выражения некоторого внешнего содержания. Поэтому она нацелена на анализ внутренней упорядоченности языковых элементов, их структурных связей, репрезентативной способности. Но при этом вне поля зрения остается весьма широкий круг вопросов, касающихся нормативно-регулятивных и целе-смысловых аспектов функционирования языка в процессе познания и коммуникации.

Вторая (функциональная) установка видит в языке систему средств для осуществления каких-либо внеязыковых задач. В ее рамках акцентируется активная роль языка по отношению к внешней реальности, однако в тени остается вопрос об истинной языковой активности, поскольку так или иначе упускается социально-практическая обусловленность и информационно-отражательная основа языка. Каждая из указанных методологических позиций обобщает определенный круг языковых фактов; для той и другой можно усмотреть соответствующие спе-

циальные и общенаучные предпосылки, а также и философскую традицию. В лингвистике они осознаются в виде теоретических дихотомий язык — речь, норма — употребление. На общенаучном уровне им соответствуют основные модели «языка вообще» — семиотическая и информационно-кибернетическая, которые широко развиваются и в нашей советской методологической литературе. Сформировались также и два полярных философско-теоретических «образа» языка, преимущественно в лоне позитивистско-бихевиористской и феноменологическо-экзистенциалистской традиций, где язык толкуется либо как формальная структура, безразличная к выражаемому содержанию (логический позитивизм, структурализм), либо в нем, напротив, абсолютизируется выразительная активность, но при этом в духе адетерминизма (экзистенциализм, герменевтика).

В такой ситуации современная философская рефлексия часто вынуждена отпирать от некоторого общенаучного понятия «языка вообще» («системы знаков», «информационного кода» и т. д.), которое выработано семиотическим и информационно-кибернетическим подходами. Эвристические возможности этих подходов обусловлены совершаемой в их рамках редукцией сложной языковой реальности к упрощающим моделям (структурной или структурно-функциональной). Это позволяет выделить инвариантные структуры в различных языковых явлениях (этнические языки, знаково-терминологический аппарат науки, система изобразительно-выразительных средств искусства, а также другие символические и сигнальные системы), с тем чтобы объединить их на общей объяснительной основе и в перспективе применять достаточно строгие методы анализа.

Вместе с тем встречающиеся порою в литературе попытки представить указанные подходы (каждый в отдельности или оба вместе) как самодостаточные теоретические основания относительно языковой реальности заслуживают, на наш взгляд, критического отношения. Каждый из обсуждаемых подходов (редукционистских и специальных *ex definitione*) ориентирован на анализ определенного «среза» языка, и понятно, что в его рамках не получают убедительного объяснения социокультурные (философско-мировоззренческие по своей природе) предпосылки знаковой символизации и информационного управления. При этом нельзя пройти мимо того обстоятельства, что многие семиотические идеи были впервые развиты на почве позитивистско-бихевиористской методологии, что определило соответствующий диапазон видения языковой реальности. С позиции семиотического представления о языке как знаковой системе он представляет собой неаддитивную сложность, структурно упорядоченную относительно представляемой реальности (предметной или мыслительной). Отношения знаковой репрезентации обычно анализируют, опираясь на семиотический треугольник Ч. Пирса

(знак — предмет — интерпретанта) и схему основных семиотических отношений Ч. Морриса (семантика, синтаксис, прагматика). Поскольку компонент знаковой системы обладает репрезентативной функцией, с ним совершают различные манипуляции как с замещаемым объектом и далее переносят полученные результаты на оригинал, совершая их интерпретацию. Семиотика исследует отношения между знаками внутри системы, в силу которых они способны сочетаться в различных последовательностях (синтаксис), отношение знаковых моделей к замещаемому объекту (семантика) и их роль в деятельности субъекта (прагматика).

Согласно Ч. Моррису, совокупность знаков становится языком, если она удовлетворяет следующим критериям: **понятность** знаков для языкового коллектива; их **воспроизводимость** общающимися; **многоситуационность**, то есть способность представлять различные комбинации объектов; **взаимосвязанность**, или свойство образовывать сложные знаковые образования — предложения, тексты⁵. Первые два критерия носят явно прагматический характер, третий имеет отношение к семантике, четвертый — к синтаксису. Подход Морриса достаточно показателен для семиотической модели языка, которую отличает частносистемное представление языковой реальности и знаково-структурный редуccionизм в подходе к ней. В свете марксистско-ленинской теории отражения основные знаковые отношения и действия являются не изначально данными субъекту, но продуктом его практики и познания. Отвлечение от этого обстоятельства способно приводить и фактически приводило творцов семиотики к ошибкам в духе знакового фетишизма, который, подобно товарному фетишизму, исследованному К. Марксом, возникает как форма отчуждения от субъекта продуктов его деятельности и ее превращенных форм.

Экспликация управляющей функции знаковой информации осуществляется в рамках информационно-кибернетической модели «языка вообще». В свете ее язык — семантический код, несущий информацию, необходимую для процесса управления. На основе кодового сигнала самоуправляемая система реализует формы деятельности, направленные не на сам сигнал, а на связанное с ним событие, что и обеспечивает ее адаптивные способности. Важная функция кода в том, чтобы быть посредником между двумя динамическими системами, приводить их в соответствие, обеспечивать коммуникацию. Потребность в последней обусловлена недостатком информации у двух систем, связанных отношением управления, и разнообразием ее возможных форм, информационных моделей реальности. Это и побуждает их вступать в информационную связь, необходимым условием эффективности которой является частичное совпаде-

⁵ См.: *Morris Ch. Signs, Language and Behavior*. N. Y., 1960. P. 36, 95.

ние (повторяемость) кодовых сигналов и их значений у коммуникантов. Вычленив информационно-управленческий аспект в человеческой деятельности, этот подход также носит выраженный редуционистский характер. Отсюда попытки интерпретировать языки культуры в духе семиотических или информационно-кибернетических представлений оказываются недостаточно убедительными. Например, тезисы о том, что культура — «генератор структурности», формирующий управляющие программы, что язык вооружает культуру «презумпцией коммуникабельности»⁶ и т. п., могут получить смысл лишь в контексте представления о языке и культуре как формах социального бытия человека.

Гиперболизация знаково-символического компонента и его структурирующей роли отличает и культуролого-семиотическую концепцию языка, развиваемую французским структурализмом (К. Леви-Стросс, Ж. Лакан, Р. Барт, М. Фуко и др.). В рамках этого подхода язык толкуется как «первоматериал» культуры и средство ее объективации. Представляя в современном западном философском сознании кантианско-картезианскую традицию и развивая ее в духе неорационализма, сторонники указанного подхода пытаются выявить «предельные» механизмы знаково-символического структурирования культурного процесса, такие, как его преломленность, прерывность, опосредованность, децентрация, в значительной степени осуществляемые посредством языка в широком смысле слова⁷. В этом анализе исследователь-марксист может усмотреть те рациональные моменты, которые позволяют переформулировать проблему с позиции Марксовой методологии превращенных форм, то есть осознать структурирующие механизмы культуры не в натуралистическом, биолого-психологическом плане, а как результаты опосредствований, перерывов «оборачиваний», инверсий и т. д. в самой человеческой деятельности. Присущая структурализму установка на «децентрацию» знания, сопровождающаяся редукцией исторического и субъективного компонентов в культуре и знаковой структуре, придает лишь видимость объективности совершаемому при этом анализу. Ведь указанные компоненты входят в саму плоть культурного процесса. Элиминация их искажает картину культурной реальности как живого, деятельного, творческого становления человека, субъекта культурно-исторического процесса, замыкая исследуемый феномен рамками его жестко однозначной детерминации объективно-нормативными, знаково-символическими структурами.

⁶ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 284 (1971). С. 146.

⁷ См.: Автономова Н. С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М., 1977. С. 198—199.

Сказанное относится не только к культуролого-семиотическим трактовкам языка как структурирующего механизма культуры, но и в целом к обсуждаемым общенаучным моделям «языка вообще» — семиотической и информационно-кибернетической. Их недостаточность как подходов, претендующих на выявление «предельных» оснований языкового процесса и создание системного теоретического образа «языка вообще», состоит в том, что они допускают такую степень идеализации исследуемого феномена, когда возможно принципиальное отвлечение языкового процесса от культурно-исторической детерминации и субъектно-личностного плана функционирования языка. Между тем вне указанных аспектов картина языковой реальности выглядит неадекватной, что в особенности касается этнических языков, языков искусства. Поэтому можно только поддержать мнение лингвистов о том, что трактовки этнического языка в качестве «системы знаков», «знаково-информационных структур» приводят к отрыву языка от человека, выводят язык за пределы человеческого сознания, человеческого мира. В методологическом плане тем самым создаются основания и для искаженной интерпретации языка как сферы «третьего мира» (К. Поппер) или «языкового мировоззрения» (Л. Вейсгербер).

В интенсивном аспекте проблема предметного самоопределения языковедения побуждает нас обратиться к познавательной ситуации, складывающейся в связи с анализом этнического языка — самой универсальной и древней языковой системы, непосредственно связанной с функционированием сознания, познания, социального общения и всей человеческой практики. Известно, что прочие языки культуры сформировались на основе специализации его многочисленных функций и коммуникативно-выразительных возможностей. На этом, по-видимому, и основано его противопоставление в качестве «естественного» (точнее, естественно-исторического) знаково-информационного образования прочим языкам культуры как «искусственным». Обращение к этническому языку в связи с проблемой природы феномена «язык» оправдано и методологически, поскольку отвечает Марксовому требованию «начинать с развитого состояния».

Этнический язык традиционно изучается целым комплексом наук: лингвистикой, логикой, психологией, философией. При этом каждая создает его теоретический «образ», исходя из собственных задач, методов, понятийного аппарата, с чем связана исторически сложившаяся ситуация языковой многопредметности. В наше время определенное влияние оказывает и то обстоятельство, что процесс дифференциации научного знания, характерный для НТР, затрагивает и сферу наук о языке с их межнаучной и внутринаучной специализацией. В частности, лингвистика ныне — комплекс дисциплин и методов анализа языка, включающий такие разделы, как общее языкознание, социо-

лингвистика, психоллингвистика и др. Таким образом, становление языковой предметности активно происходит и в наши дни, по мере того, как наука все более углубляется в познание языкового объекта и его многосторонних связей с человеческой жизнедеятельностью и соответственно меняет типы внутринаучной рефлексии по мере утверждения новых подходов и методов анализа языкового феномена. Ныне общепризнано, что этнический язык многоаспектен как объект познания. Непосредственно-чувственной его реальностью является данность его субъекту в условиях коммуникации в виде **текстов**. Но существуют и иные сферы его бытия — в качестве языкового кода субъекта, в виде выработанных языковым сообществом **нормативных правил** построения текстов и т. д. Отсюда проблема языковой предметности выступает как внутринаучная и междисциплинарная рефлексия по поводу многоаспектности языковой реальности и стремление к синтезу различных ее проекций в единую научную картину. Можно указать ряд направлений, по которым идет указанный синтез: 1) анализ **знаково-структурного аспекта** этнического языка, поиски генотипа, проблематика универсалий; 2) исследование внутриязыковых функций и в целом **функционального аспекта языковой системности**; 3) интерес к процессу **порождения и понимания речи**, языковой способности, языковому мышлению; 4) вопросы **организации речевого произведения**, высказывания, текста.

В то же время следует признать, что интегративные тенденции в языковедении встречают на своем пути немало трудностей. Это находит отражение в острых дискуссиях по поводу предмета наук о языке, системного характера языка, в выдвижении целого ряда противоречий и антиномий лингвистики (типа язык — речь, компетенция — употребление, синтаксис — семантика, смысл — текст) и другого рода теоретических коллизиях, обусловленных в особенности полярностью познавательных установок **имманентизма — антиимманентизма**. Имманентистам свойственно стремление строить лингвистическую теорию исходя из идеалов и способов обоснования знания, присущих современному естествознанию. Поэтому они совершают более или менее осознанное сведение сложной языковой реальности к упорядоченности языковых структур. Сторонники антиимманентизма, подвергая критике эти физикалистско-редукционистские утверждения, настаивают на необходимости учитывать ситуативно-вариативные, смыслообразующие и творческие факторы языкового процесса, обусловленные его включенностью во внеязыковую реальность.

Сложившуюся коллизию в связи с пониманием языковой предметности неверно было бы рассматривать только как ситуацию выбора, предпочтения одного из решений (классификационная или функциональная познавательные установки относительно «языка вообще»; позиция имманентизма или антиим-

манентизма относительно этнического языка), но скорее в духе диалектического преодоления и снятия. Конструктивно-творческий характер марксистской критики ориентирует на поиск таких методологических оснований анализа языковой реальности, в контексте которых можно было бы не только объяснить сложную внутреннюю организацию языка, но и одновременно представить его в широком плане социальности, сознания, практики, культуры. Только на такой основе может быть синтезирована и многообразная специально-научная проблематика языковедения, направленная на изучение структурно-функциональной организации языка и его реальных проявлений в мыслительно-речевом процессе, и собственно философская, исследующая его в контексте проблем общения, познания и социального преобразования действительности.

Указанной задаче отвечает, на наш взгляд, принцип деятельности в его диалектико-материалистическом истолковании. В современной литературе указанный принцип справедливо оценивается как перспективная научно-исследовательская стратегия, связанная с представлением социального объекта в качестве целеполагающего процесса, который разворачивается в рамках субъект-объектного отношения, будучи детерминирован со стороны социокультурных условий и предпосылок, предметно-операциональных механизмов и социально-значимых результатов, что предполагает возможность управления им и его оптимизации. В свете принципа деятельности исследуемая реальность предстает в качестве поля социокультурного творчества, ценностно-мировоззренческие и нормативно-регулятивные параметры которого задаются культурой, и одновременно — компонента человеческой жизнедеятельности, участвующего в решении актуальных проблем бытия.

Надо сказать, что попытки дать «деятельностное» истолкование языковой реальности неоднократно предпринимались в истории языковедения. Наиболее значительные из них были связаны с именами выдающихся лингвистов В. Гумбольдта и Ф. де Соссюра. Возрождение «деятельностного» стиля мышления в лингвистике происходит и в наше время, особенно в связи с интересом к **коммуникативному плану** языковой реальности, где язык выступает в единстве структуры и функции, нормы и употребления, синтаксиса и семантики, знака и смысла. В то же время следует отметить, что в последние десятилетия усилились разного рода идеалистические интерпретации принципа деятельности применительно к языку. В их рамках преувеличивается значение отдельных компонентов языковой деятельности (ее духовных причин, носителей, форм, регулятивов, механизмов), разрывается присущее принципу деятельности диалектическое единство социального и индивидуального, цели и нормы, продуктивного и репродуктивного, предметного и операционального, сознательного и алгоритмизированного и т. п. Такая одно-

сторонность присуща, например, современному неогумбольдтианству, генеративно-трансформационным подходам, концепции речевого акта, развиваемой Оксфордской школой аналитической философии, и некоторым другим направлениям языковедения, так или иначе применяющим отдельные идеи деятельностиной методологии (необихевиоризм, символический интеракционизм и др.).

Так, неогумбольдтианцы, интерпретируя концепцию языковой деятельности («энергейя») В. Гумбольдта, мистифицируют предложенную немецким мыслителем XIX в. антропоморфно-целостную картину языка как живого организма, способа воспроизводства духа, человека, этноса, раздувая идею трансцендентальной творческо-выразительной активности языковой нормы, определяющей мыслительные и познавательные возможности субъекта. Л. Вейсгербер, например, представляет социокультурную нормативность языка в качестве «языкового промежуточного мира» и даже «языкового мировоззрения», определяющего способы расчленения и упорядочения внеязыкового опыта⁸. Здесь явно упускается из виду то обстоятельство, что язык не только нормативно-конструктивная сила, но в то же время и компонент языкового сознания субъекта, а следовательно, его нормы создаются и развиваются говорящими в процессе коммуникации.

Представители генеративно-трансформационной лингвистики (Н. Хомский, Дж. Катц, Дж. Фодор и др.) предприняли попытку проанализировать языковое знание субъекта, которое было названо Н. Хомским «языковой компетенцией». Последняя интерпретировалась в его концепции (1965 г.) как врожденное владение субъектом языковыми правилами и трансформациями, порождающими речевое произведение. Абсолютизируя операционально-конструктивный компонент речи, указанная модель изолировала речевую активность от системы социума, деятельности, культуры. Строго говоря, порождение высказывания здесь трудно в целом квалифицировать как деятельность, поскольку, понимаемое в качестве рекурсивного алгоритмического процесса, оно оказывается внецелевой, лишенной свободы выбора активностью, которая, как это особо подчеркивается в более поздних трудах генеративистов, протекает лишь под некоторым контролем семантических (смысловых) факторов⁹.

Задачу эксплицировать деятельностные механизмы речи поставила Оксфордская школа речевого акта. Развивая традиции лингвистической философии позднего Л. Витгенштейна, представители этого направления (Д. Остин, Д. Серль, Г. Грайс) и др.) предметом специального анализа сделали коммуникативные намерения общающихся, стратегии и правила коммуни-

⁸ Weisgerber L. Die sprachliche Gestaltung der Welt. Düsseldorf, 1973.

⁹ См.: Chomsky N. Reflections on Language. N. Y., 1975.

кативного поведения, которые приводят к необходимому эффекту — воздействию на мысли, чувства, поступки адресата¹⁰. С позиции диалектического материализма, успех речевого воздействия определяется комплексом объективных и субъективных предпосылок и условий речевого акта, среди которых важная роль принадлежит предметной истинности высказывания. Опираясь на концепцию языка-игры Л. Витгенштейна, его последователи из Оксфордской школы речевого акта особое значение придают таким моментам, как интерсубъективная конвенциональность речи и искренность общающихся. Отсюда в рамках обсуждаемого подхода не получили убедительного решения вопросы о соотношении предметно-истинного и искреннего в высказывании, речевого воздействия и отражения, свободы коммуникативно-языкового выбора и его детерминации.

Из сказанного ясно, что любая попытка односторонне преувеличить отдельные «деятельностные» компоненты языковой реальности искажает соотношение языка, сознания, практики, общения. Принцип деятельности в его диалектико-материалистическом истолковании должен быть развернут относительно языка как комплекс методологических регулятивов, охватывающий сложное взаимодействие языковой и внеязыковой реальности. Важнейшими из них являются следующие.

1. Принцип целостности языка, сознания и деятельности¹¹ ориентирует на объяснение существующего многообразия языковых фактов исходя из единого основания: представления о языке-компоненте сознаний общающихся и понимающих субъектов. Установка на субъект-объектное поле развертывания языковой активности открывает путь для решительного преодоления «имманентизма» в трактовке языковой реальности, для учета ее связи с внеязыковой реальностью.

2. В свете диалектики отражения и общения¹² каждое языковое явление следует рассматривать как отражательный результат предшествующей речевой коммуникации, а в самом процессе познания — учитывать активность его коммуникативно-языковых форм. Тем самым собственно лингвистическая проблематика получает «выход» в сферу философско-гносеологических аспектов языка и познания.

3. С позиции единства практики, познания и коммуникации¹³ языковые факты предстают в контексте многоуровневой человеческой деятельности, где определяющая роль принадлежит ее материальным предпосылкам и формам. Отсюда и сам язык

¹⁰ См.: *Syntax and Semantics*. N. Y., 1975. Vol. 3: *Speech Acts*; *Syntax and Semantics*, N. Y., 1978. Vol. 9: *Pragmatics*.

¹¹ См.: *Леонтьев А. А.* Деятельность, сознание, язык // *Вопр. философии*. 1977. № 12. С. 66—68.

¹² См.: *Лойфман И. Я.* Коммуникативные аспекты отражения и функции языка // *Отражение и язык*. Свердловск, 1980. С. 3—4.

¹³ См.: *Лекторский В. А.* Субъект, объект, познание. М., 1980. С. 178—179.

правомерно рассматривать как средство общения, познания, а также и социального преобразования действительности, показывая, как посредством речевых произведений можно воздействовать на сознание и деятельность человека, формируя и направляя его социальную активность.

Только с таких методологических позиций можно, на наш взгляд, найти убедительное объяснение **структурно-функциональной организации языка** как универсальной знаково-моделирующей и управляющей подсистемы культуры. Одновременно при этом открываются теоретические перспективы для анализа **мировоззренческих аспектов языковедческого знания** как особой научной картины мира. Основанием концепции **языкового мира** выступает общающийся человек, **языковой субъект**, владеющий языком, способный строить и понимать речевые произведения. Для него язык — необходимое условие **воспроизводства** в качестве субъекта практики, мышления, культуры. Тем самым языковая реальность включается в широкий план социальности и создается диалектико-материалистическая база для решения вопроса о ее онтологии. Методологическим основанием здесь служат многочисленные высказывания классиков марксизма о языке, в чьих философских контекстах язык предстает в качестве компонента социального воспроизводства¹⁴, «самоговорящего бытия»¹⁵ человеческого коллектива, «практического... действительного сознания»¹⁶, «непосредственной действительности мысли»¹⁷, возникающего «из процесса труда и вместе с трудом»¹⁸ как «важнейшее средство человеческого общения»¹⁹. Существенно, что с позиции принципа деятельности открывается путь к системному представлению компонентов языковой реальности и ее взаимосвязи с практикой, общением, культурой. Ведь по отношению к субъекту, живущему в языковом мире, мире общения, понимания, социокультурного воспроизводства, языковые знаки и тексты — не обычные компоненты внешней среды: в них выражена социально-культурная **норма**, которая может быть усвоена субъектом, став **кодом** его сознания. Только при этом условии и возможна языковая коммуникация, а значит — взаимопонимание субъектов. Социальная цель коммуникации — организация совместной деятельности общающихся путем построения, передачи и понимания речевых управляющих программ, высказываний. Этот процесс — важнейшее условие обмена и накопления оптимальных результатов любой социальной деятельности. Не случайно именно в контексте речевой коммуникации язык и проявляет себя как необходимое

¹⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. С. 483—484.

¹⁵ Там же. С. 479.

¹⁶ Там же. Т. 3. С. 29.

¹⁷ Там же. С. 448.

¹⁸ Там же. Т. 20. С. 489.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 258.

условие формирования целостного субъекта деятельности, носителя культуры и многообразных форм активности. Отсюда языковая реальность может быть осмыслена как **подсистема социального воспроизводства субъекта деятельности, нормативно определяющая построение и понимание вербальных управляющих программ.** Это один из ее возможных системных «образов», где особо акцентируется социально-практическая и социокультурная природа языка. Для понимания его онтологии принципиально важно и то, что языковые нормы не врождены в сознание субъекта и не образуют сферу некоего «третьего мира» или «языкового мировоззрения», как это порою представляется в некоторых западных языковедческих концепциях, но сами являются продуктом речевой коммуникации. Следовательно, важен и другой системный «срез» языковой реальности, вскрывающий **коммуникативно-языковые механизмы взаимодействия социально-нормативного и индивидуально-активного в сознании и языке.** В этом аспекте язык — **посредник субъект-объектного отношения, который переводит социально-общее содержание опыта на индивидуально-личностный уровень (и наоборот),** постоянно развиваясь при этом в актах речевого творчества.

Концепция языковой реальности играет важную мировоззренческо-методологическую роль в комплексе наук о языке. Она «вписывает» результаты знания, полученного в этом подразделении науки, в общую научную картину мира, выполняет интегративные функции по отношению к различным разделам языковедения и в конечном счете способствует его теоретизации. Именно на основе философско-методологической картины соотношения языковой и внеязыковой реальности возможно продуктивное решение вопросов языковой предметности, проблематики эмпирического и теоретического в языковедческой теории, вычленения элементарных единиц знания, оценка существующих гипотез, методов и познавательных процедур, сложившихся в лингвистике и смежных науках.

СОДЕРЖАНИЕ

Философское предвидение: методологические аспекты	3
Раздел I. Философско-методологические основания социального предвидения	
Нарский И. С. Последние статьи В. И. Ленина и их значение для наших дней	5
Губайдуллин Р. Ю. Г. В. Плеханов о методологии исторического предвидения	12
Кохановский В. П. Прогностическая функция принципа историзма	23
Балабан Н. А., Никитина Н. Н. Идеал как форма социального прогнозирования: противоречия структуры и развития	30
Серова И. А. Методологические аспекты операционной культуры личности	42
Бекарев А. М. Методологические аспекты взаимосвязи прогнозирования и свободы	54
Брянник Н. В. Внедрение науки в духовную жизнь общества: противоречивые тенденции	61
Трубина Е. Г. Социальное отчуждение в науке: перспективы преодоления	68
Раздел II. Философско-методологический анализ путей научного познания	
Окладной В. А. Философия как конструктивно-критическое инициирование развития науки	74
Николаев Д. М. Футурология науки: проблемы теоретического обоснования	91
Элентух И. П. Методологический анализ как построение стратегии научной деятельности	99
Мартынович С. Ф. Философское предвидение как элемент рациональности научного поиска	109
Хафизов Р. К. Прогностические возможности научного принципа	113
Чупина Г. А. Фундаментальные проблемы языковедения: философско-методологический анализ	121

**ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ
МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ**

Редактор **М. А. Овечкина**
Технический редактор **Э. А. Максимова**
Корректор **В. В. Шапина**

Темплан 1990. Поз. 61

Сдано в набор 25.12.89. Подписано в печать 30.05.90. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага газетная.
Печать высокая. Гарнитура литературная. Уч.-изд. л. 9. Усл. печ. л. 8,5. Тираж 1000 экз.

Заказ № 10. Цена 1 р. 20 к.
Уральский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет
им. А. М. Горького. Свердловск, пр. Ленина, 51.

Типография изд-ва «Уральский рабочий». Свердловск, пр. Ленина, 49.